ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ, СИНИЕ НОЧИ!..

ПИОНЕР 8

АВГУСТ • 1976 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СЛЕТ ПИОНЕРСКИЙ

За море синеволное,
За сто земель и вод
Разлейся песня-молния
Про пионерский слет!

Так писал о ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЛЕТЕ ПИОНЕРОВ Владимир Владимирович Маяковский. Сорок семь весен отшумело с той далекой, но такой дорогой нам поры. Первые пионеры проводили свой первый пионерский слет! В Москву на поездах (а кто и просто пешком) спешило 6738 делегатов со всех уголков страны. Тебе сегодня трудно представить, что слет пригласил сто малолетних батрачат. За их будущее, за их счастливую жизнь единогласно проголосовал Первый Всесоюзный.

Делегаты жили в семьях рабочих. Они слышали пламенные речи Надежды Константиновны Крупской, Георгия Максимилиановича Кржижановского, Семена Михайловича Буденного, Емельяна Ярославского... Делегатов встречали на фабриках и заводах.

В наказе слета пионеры обещали партии и народу быть верными делу Ленина, а взрослые — во всем помогать пионерам.

В 1962 ГОДУ ЭСТАФЕТУ ПЕРВОГО ВСЕСОЮЗНОГО ПРИНЯЛ ВТОРОЙ.

Он проходил в Артеке и был посвящен 40-летию пионерской организации. На слет прибыло 2800 делегатов — лучших пионеров, отличившихся в двухлетке «Пионеры — Родине!». Сколько было интересных и задушевных встреч и разговоров — о ленинских школьных музеях, о «пионерском» металле, из которого рабочие изготовили трубы для нефтепровода «Дружба», о том, как работать еще дружнее, еще надежнее, чтобы оправдать высокую награду Родины — орден Ленина!

Слет дал старт Всесоюзному соревнованию пионерских отрядов под девизом «Имя Ленина в сердце каждом! Верность партии делом докажем!».

У каждого слета — свои неповторимые приметы. Делегаты ТРЕТЬЕГО ВСЕСОЮЗНОГО, флаг которого был в 1967 году поднят в Артеке, никогда не забудут гагаринской улыбки. Первый в мире космонавт встречался с пионерами, говорил о своей пионерской жизни, о полете в космос. «Побеждают только дружные! Побеждают только смелые! Побеждают только сильные!» — сказал ребятам Юрий Алексеевич.

Делегаты слета приняли Обращение к детям земли и призвали всех пионеров страны достойно встретить 50-летие Октября.

В городе Ленина проходил ЧЕТВЕРТЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ слет. На торжественном его открытии 24 пионера страны были награждены Ленинской Юбилейной медалью. Делегаты слета доложили комсомолу о своих успехах в пионерской экспедиции «Заветам Ленина верны».

Слет дал старт Всесоюзному Маршу пионерских отрядов «Всегда готов!». Марш посвящался 50-летию советской пионерии.

На ПЯТЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ был избран 3291 делегат. Пять дней горел над Артеком огонь слета. Пять дней промелькнули, как пять счастливых мгновений. Ребята побывали в городе-герое Севастополе, на празднике дружбы пионеров союзных республик, на открытии мемориальной доски любимому писателю Аркадию Петровичу Гайдару.

Пионеры советовались, как

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

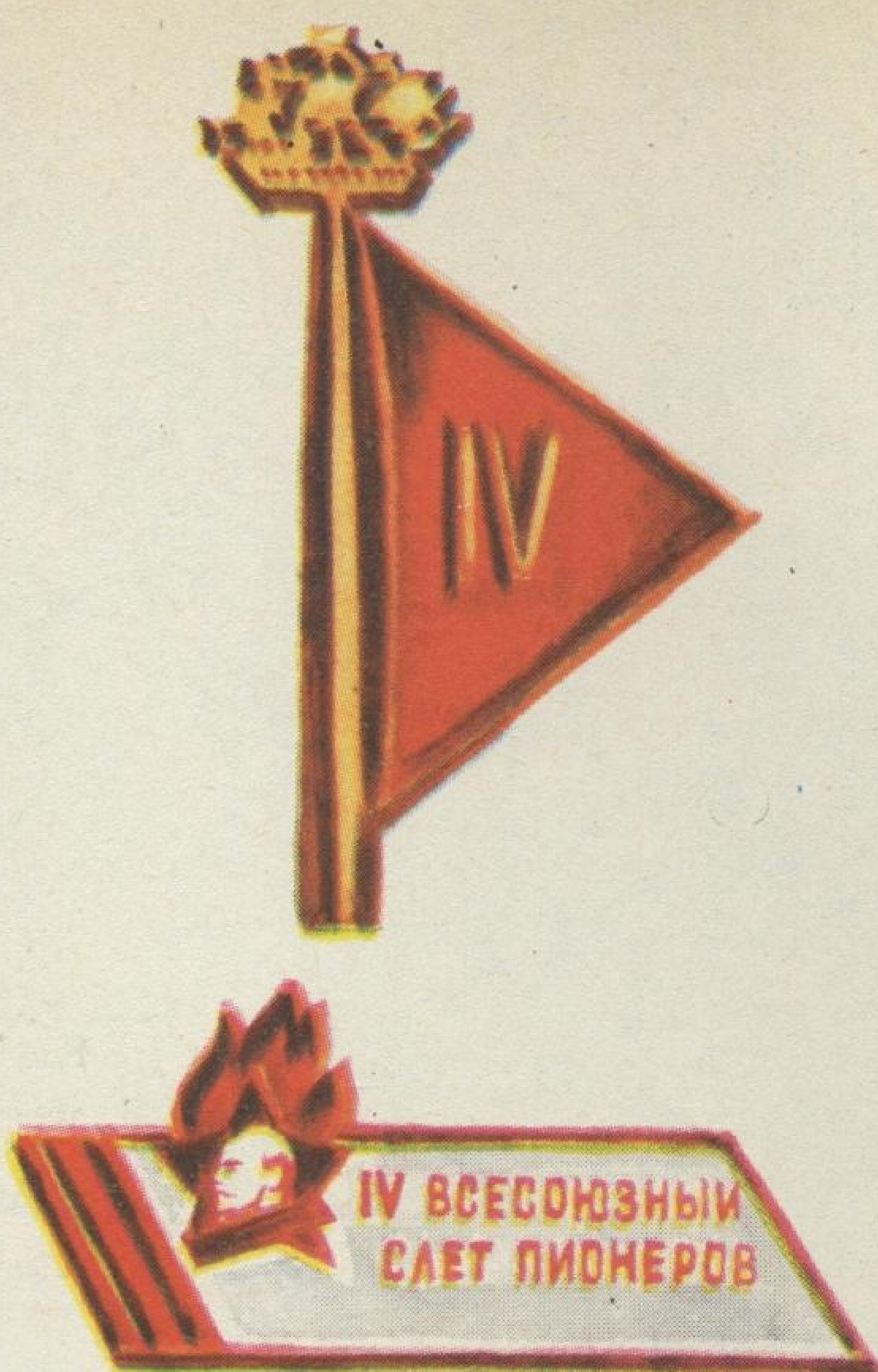
Издательство «Правда»
Москва 1976 г.

Артек. Памятник В. И. Ленину. Здесь 1 августа откроется VII Всесоюзный слет юных пионеров.

Когда ты получишь этот номер «Пионера», на флагштоке Артека будет гореть в лучах солнца флаг СЕДЬМОГО ВСЕСОЮЗНОГО слета...

Делегаты подведут итоги работы пионерских отрядов на Марше «Берем с коммунистов пример!», наметят новые пионерские дела на десятую пятилетку.

Салют СЕДЬМОМУ ВСЕСОЮЗНОМУ!

Ты уже знаешь, что коммунисты самые главные задачи решают на съездах партии.

На съездах комсомола делегаты обсуждают, как еще лучше выполнять задания партии Ленина.

строить работу в отрядах еще интереснее, и приняли решение продолжить Марш.

Делегаты дали торжественную клятву высоко нести свои пионерские знамена, отличной учебой и полезным трудом ответить на самую высокую награду Родины — второй орден Ленина.

Год 1974-й. И снова Артек встречает делегатов ШЕСТОГО ВСЕСОЮЗНОГО. Сколько здесь замечательных ребят! Вот у пионерского костра сидит Завра Абдулфайзиева. Она приехала из Самаркандской области. Рядом с пионерским значком у нее сияет орден Трудового Красного Знамени. Это орден за сбор хлопка. Около Завры — Наташа Походеева с Кубани и Нарижба Гасанова из Азербайджана. Обе они награждены медалью «За трудовое отличие», а их сверстник Эрем Касимов смело бросился в огонь и спас народное добро. На груди Эрема — медаль «За отвагу на пожаре».

3270 делегатов пятнадцати союзных республик обменялись опытом работы на Марше «Всегда готов!», они дали обещание выполнять наказ XVII съезда Ленинского комсомола.

На слете рядом с красными галстуками можно было увидеть синие, желтые, оранжевые, сине-белые, красно-белые, голубые... Гостями слета были делегации детских демократических организаций 52 стран мира. На митинге солидарности выступила Гладис Марин, Генеральный секретарь Коммунистической молодежи Чили. Она призывала всех людей доброй воли крепить дружбу и солидарность.

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

СЛЕТ ПИОНЕРСКИЙ (от слова слетаться) — высший орган пионерской организации. Он подводит итоги работы отрядов и дружин, решает самые главные, самые важные задачи, которые ставит комсомол перед пионерией страны.

На Всесоюзный слет избираются делегаты — лучшие пионеры. Им вручаются МАНДАТЫ. Этот документ дает делегату право говорить от имени тех, кто его избрал.

Слет принимает главный документ — **ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ ПИОНЕРАМ СТРАНЫ.**

«...Сегодня — дети, завтра — активные строители коммунизма».

Л. И. Брежнев

Делегаты XXV съезда Коммунистической партии приветствуют VII Всесоюзный

*

Всегда и во всем берите пример с коммунистов!

Это значит каждый день выполнять заветы великого вождя, основателя Коммунистической партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина.

Это значит учиться у коммунистов верному служению своей Родине. Быть всегда впереди в учебе и в труде.

Это значит быть всегда добрым и отзывчивым, уметь приходить на помощь людям.

Это значит твердо помнить и выполнять закон нашей жизни: «Не мое, а наше, не для себя, а для всего общества!»

Валентина Яковлевна ЧИСТЯКОВА,
Герой Социалистического Труда,
первый секретарь Одинцовского ГК КПСС

*

Пионерские годы — замечательное время. Вы окружены заботой партии, Родины. В ответ на эту заботу будьте всегда готовы верно служить нашему социалистическому Отечеству.

Алексей ЛЕОНОВ,
дважды Герой Советского Союза,
командир отряда космонавтов

*

Некоторые ребята стремятся после школы обязательно поступить в институт, а на завод идти боятся, думают, работа там неинтересная. Я работаю на заводе токарем всю жизнь. Мы делаем турбины для паровых электростанций. Одна такая турбина стоит 200—250 тысяч рублей. Вот и подумайте, каким мастерством и знаниями должен обладать современный рабочий, чтобы не допустить брака. Ошибешься в металле в десятых, а может, и сотых долях микрона — государству огромный убыток. Тонкая работа, сложная и интересная.

В десятой пятилетке многие предприятия перейдут на станки с программным управлением. Разумеется, работать на таких станках смогут люди, получившие прочные знания в школе. Поэтому готовьтесь к своей будущей профессии сейчас.

Алексей Дмитриевич КРУГЛОВ,
Герой Социалистического Труда,
бригадир комплексной комсомольско-молодежной бригады
Калужского турбинного завода

*

О чем мечтаем мы, люди науки, преподаватели, ваши учителя?

Учитесь неустанно. Старайтесь на практике применять те знания, которые вы получили в школе, на факультативных занятиях, в кружках. Стране нужны люди грамотные, образованные, умеющие самостоятельно работать, талантливо хозяйствовать.

Перед советским народом в десятой пятилетке стоят большие задачи. Подумайте, чем может помочь старшим товарищам ваш отряд, ваша дружина. Сделайте все для того, чтобы занять достойное место в общем строю с коммунистами и комсомольцами.

Борис Федорович УСТАВЩИКОВ,
ректор Ярославского политехнического института

БЕРЕМ С КОММУНИСТОВ ПРИМЕР!

В дни, когда в Артеке проходит VII Всесоюзный пионерский слет и ребята подводят итоги Марша, на страницах «Пионера» завершается Всесоюзный заочный сбор «Берем с коммунистов пример!».

Слово пионерам из разных городов и сел Советского Союза.

Наши старшие друзья

«Сбор мы решили провести в пионерской комнате. Но получилось все неожиданно. Андрей Иванович Полозов, ветеран партии, которого мы пригласили на сбор, предложил: «Давайте пройдем по улицам нашего поселка». Так начался сбор.

Мы шли с Андреем Ивановичем и другими коммунистами, и они рассказывали, каким был поселок раньше. Несколько узких, грязных улочек, низкие избы... А теперь не узнать нашего поселка. Многоэтажные дома, по асфальтированным улицам мчится поток автомобилей. Поднялись высокие корпуса завода. «Таким сделали мы поселок за годы Советской власти,— сказал Полозов.— И всегда на самых трудных участках работы были коммунисты поселка».

«Строим БАМ», рисунок Павлика Молчанова. Он был в Артеке, в дружине «Кипарисная».

Коммунисты часто приходят к нам в школу. Это наши родители, старшие друзья, учителя... О них рассказывают наши юнкоры Таня Деркач, Лариса Боровик, Ира Вешкина из поселка Свессы, Сумской области.

СЕСТРИЧКА

Вера Николаевна — моя первая учительница. Семь лет она каждый день приходила в наш класс. Всему, что мы знаем и умеем, научила нас она. И никогда не подумаешь, что у такого веселого, жизнерадостного человека была очень трудная судьба...

Когда Вера Николаевна окончила десять классов и собиралась поступать в педагогический институт, началась война. Она ушла добровольцем на фронт. Стала фронтовой санитаркой. Солдаты просто звали ее сестричкой. Многим людям спасла она жизнь, бесстрашно пробираясь под пулями на самых опасных участках... Однажды в 1943 году в разгар боя ей сообщили, что ранен командир. Пока она пробиралась к нему, тоже была ранена. Но, собрав все силы, все-таки доползла до раненого и сумела его перевязать. За свой подвиг Вера Николаевна награждена орденом Великой Отечественной войны I степени.

Вот такая наша Вера Николаевна! Мы даже не представляли, что когда-нибудь нам придется расстаться с ней. Но как-то после уроков она задержала нас, сказала, что уходит на пенсию и у нас будет другой учитель.

Когда она вела свой последний урок, каждый из нас принес цветы. И все-таки это был не последний урок. Вера Николаевна Каменек приходит к нам в школу по-прежнему, и каждый наш разговор и встреча с ней — это урок для нас, очень умный и важный урок.

Я хочу стать учительницей. Такой, как Вера Николаевна.

Таня ДЕРКАЧ

Мастер и ученики

Познакомились мы с Анной Васильевной Шеремет, когда она пришла к нам, чтобы рассказать о своей профессии. Анна Васильевна очень ее любит и хочет, чтобы больше ребят заинтересовались этим делом и после школы пришли работать на фабрику. Ведь это важно, чтобы у всех людей была красивая и удобная мебель. От этого у них будет хорошее настроение.

У Шеремет всегда много учеников. Ребята приходят к ней после окончания школы, чтобы получить профессию. В эту бригаду идут охотно: все знают, что работают в ней веселые, дружные и добросовестные люди. За отличную работу и за то, что многим ученикам помогла она стать настоящими мастерами, Анна Васильевна награждена медалью «За трудовое отличие».

Мы пока еще учимся в школе, и до того времени, когда нужно будет выбирать профессию, далеко... Но я думаю, когда наступит это время, кто-то из наших ребят обязательно придет в бригаду Анны Васильевны Шеремет.

Лариса БОРОВИК

НАШ СТАРШИЙ ДРУГ

Я иногда удивляюсь, как Раиса Александровна успевает со всеми нами поговорить! Всегда вокруг нее толпа ребят, и всем надо что-то спросить, о чем-то посоветоваться, чем-то поделиться. Кажется, другой человек давно бы все перепутал, столько мы к ней своих радостей и огорчений несем. А она нет. Для каждого найдет слово.

Раиса Александровна не учительница и не воспитательница — просто наш старший друг, коммунист Раиса Александровна Полозова.

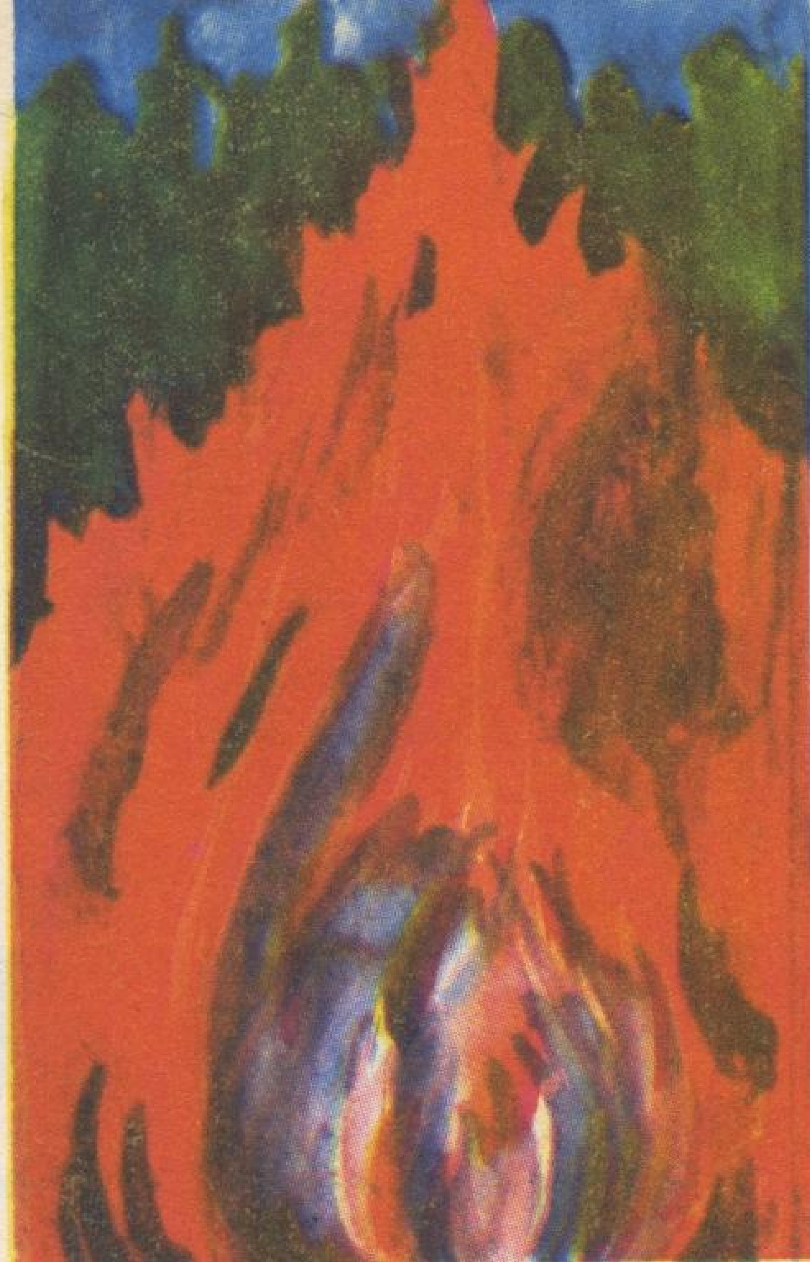
А самое чудесное время — это когда Раиса Александровна идет с нами в поход. Она лучше всех песни поет, быстрее всех костер разводит, самую вкусную картошку печет. В самый сильный дождик, когда и палатки и спички промокнут, не унывает. Не удивительно: она всю войну прошла, фронтовичка, сколько наград имеет.

Походы, в которые водит нас Раиса Александровна,— по местам, где проходили партизанские отряды. Когда после долгого перехода мы сидим вечером у костра и слушаем, как она рассказывает про войну, то чувствуем себя настоящим сплоченным отрядом. А Раиса Александровна наш командир.

Ира ВЕШКИНА

(Продолжение см. на стр. 28).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

Летом каждого года на артековских флагштоках развеваются флаги многих стран мира. Советские пионеры встречаются со своими зарубежными сверстниками. Сколько вопросов! Сколько разговоров! Сколько радости!

Сегодня у нас в гостях ребята пятнадцати стран.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Друзья избрали меня председателем совета дружины. Вначале я думала, что не справлюсь, но на помощь пришли опять же друзья. Мы, как и советские ребята, работали под девизом «Берем с коммунистов пример!». Пионеры Праги изучают историю республики, встречаются с ветеранами партии. Все это помогает нам выполнять законы юных пионеров ЧССР.

Славек Энтлер

ИТАЛИЯ

Какой самый счастливый день в моей жизни? День рождения, который я отмечал в Советском Союзе, в Артеке. Был праздничный стол, был великолепный торт. Все меня поздравляли, дарили на память сувениры. Я никогда не забуду друзей, с которыми подружился в Артеке. О них я буду рассказывать в своей родной Флоренции.

Клаудио Монетти

НОРВЕГИЯ

От моего родного поселка Летен, который находится в центре страны, до Артека несколько тысяч километров. Я был очень рад, что мы едем поездом, потому что можно было часами смотреть в окно, видеть вашу страну, ее леса и поля, города и поселки. Наша дружба станет еще крепче, если мы будем больше знать друг о друге.

Сегельстад Видар

Юрий **КОВАЛЬ**

ВЕНЬКА

РАССКАЗ

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Я выстрелил.

Слабым и глухим показался мой выстрел. Звук его увяз в пихтах, утонул во мху.

«Никто не услышит», — подумал я.

Третий день кружил я по тайге и никак не мог выйти к речке Кара́буле. Солнце не помогало. Оно появлялось то справа, то слева, маялось над головой и, потускнев, падало в облака.

Пожалуй, никогда еще в жизни я так не уставал. Две ночи, проведенные у костра, я почти не спал, все думал и думал, как же выйти к Карабуле, вспоминал свой путь и не мог вспомнить.

На третий день, наверно, я все-таки пал духом. С отчаяния выстрелил в воздух. Выстрелил второй раз. Никто не ответил. Я опустился на колени в мокрую болотную траву, перезарядил ружье. Два тонконогих подберезовика стояли в траве передо мной и желтая сыроежка. Зачем-то я сорвал их, сунул в карман рюкзака и снова пошел вперед. Вперед?

Мутный комариный столб стоял надо мною. Я качал от усталости головой, и этот столб качался вместе с нею.

Вдруг я почувствовал запах дыма. Он чуть донесся и пропал. Но мне показалось: пахнет костром, печеной картошкой и даже ухой.

«Кажется, это только кажется, — думал я. — Никого не может здесь быть».

И все-таки пошел быстрее.

Под ногами вздыхали, оседая, моховые кочки. От их движения качались мелкие сосенки.

Снова почувствовал я запах дыма. Явно пахло печеной картошкой.

«Печеная картошка, — думал я. — Так пахнет только печеная картошка! Кто-то развел костер. Геологи или охотники».

И мне вдруг стало весело.

— Эй! Эй! — крикнул я. — Много ли картошки напекли?

Никто не ответил.

— Оставьте мне маленько! Эй!

Никто не ответил.

«Спят, наверно, — подумал я. — Или отошли от костра. За грибами».

Я пробежал немного вперед и увидел наконец дым. Из пихт выползли его клубы, густые и упругие, как парус. Слышно было, как трещат сучья, брошенные в костер.

Я не был уже новичком в тайге и все-таки думал, что иду к костру. Я слышал треск, и, верно, это трещали сучья, только они не были сложены в костер. Они горели на земле, на кустах, на живых деревьях. Огонь бежал по земле, подпаливая бурелом, по стволам деревьев подбирался к верхушкам.

Тайга горит!

Мутной стеной дым обрушился мне на голову, а за ним внизу, у самой земли, я увидел открытую печь, огненную пещеру. Там свивались в клубок красные, синие, фиолетовые змеи. Трепетали, с треском облизывали друг друга раскаленными языками.

У ног вспыхнула вдруг пересохшая трава. Бенгальским огнем зашипел лишайник.

Я бросился затаптывать огонь, но он уже был и справа, и слева, и сзади, полыхнул куст можжевельника. Дым закрыл подножия деревьев: они парили в воздухе. Резкий жар ударил в глаза. Я ослеп на секунду, поперхнулся дымом и побежал назад.

Я бежал от пожара, а дым держал за плечи, хватал за волосы, за локти, и ноги вязли в дыму, как в болоте.

Я выбежал из дыма, еще чувствуя на плечах его тяжесть, упал в траву и увидел, как она зелена и спокойна. Перед глазами во мху стоял свежий сырой масленок.

Муравьи уходили от пожара, тащили на себе светлые кругляши — личинки.

Приседая, оглядываясь, останавливаясь, пробежал заяц.

Какое-то рычание донеслось издали. Может быть, зверь, застигнутый огнем. Я оглянулся.

Пожар шел низом. Горел бурелом, гнилушки, пни. Иван-чай и дудник коробились в жару и вспыхивали, разбрасывая искры. Это был медленный пожар. Ветер не подстегивал его. Ветра не было.

Я пошел в сторону от пожара и все время слышал рычание за спиной. Неужели медведь? Я оглядывался, останавливался, а рычание все приближалось, и, наконец, между верхушками деревьев я увидел самолет. Это он рычал, низко облетая пожар.

Самолет пролетел прямо надо мной, а я побежал следом за ним, засвистел, замахал руками. Натыкаясь на кусты, оступаясь, я бежал и глядел на удаляющийся самолет. Я понимал, что он улетит сейчас и не вернется, и все-таки бежал следом.

Вдруг от самолета отделилась какая-то точка. Она полетела к земле, развернулась в воздухе, превратившись в длинную ярко-оранжевую змею.

Самолет ушел за деревья, а лента-змея трепетала, опускаясь на землю.

Я выбежал на поляну, подхватил ленту, лежащую в траве. Почему-то я думал, что на ней что-нибудь написано, но не увидел никаких букв или знаков — просто лента из хрустящей бумаги.

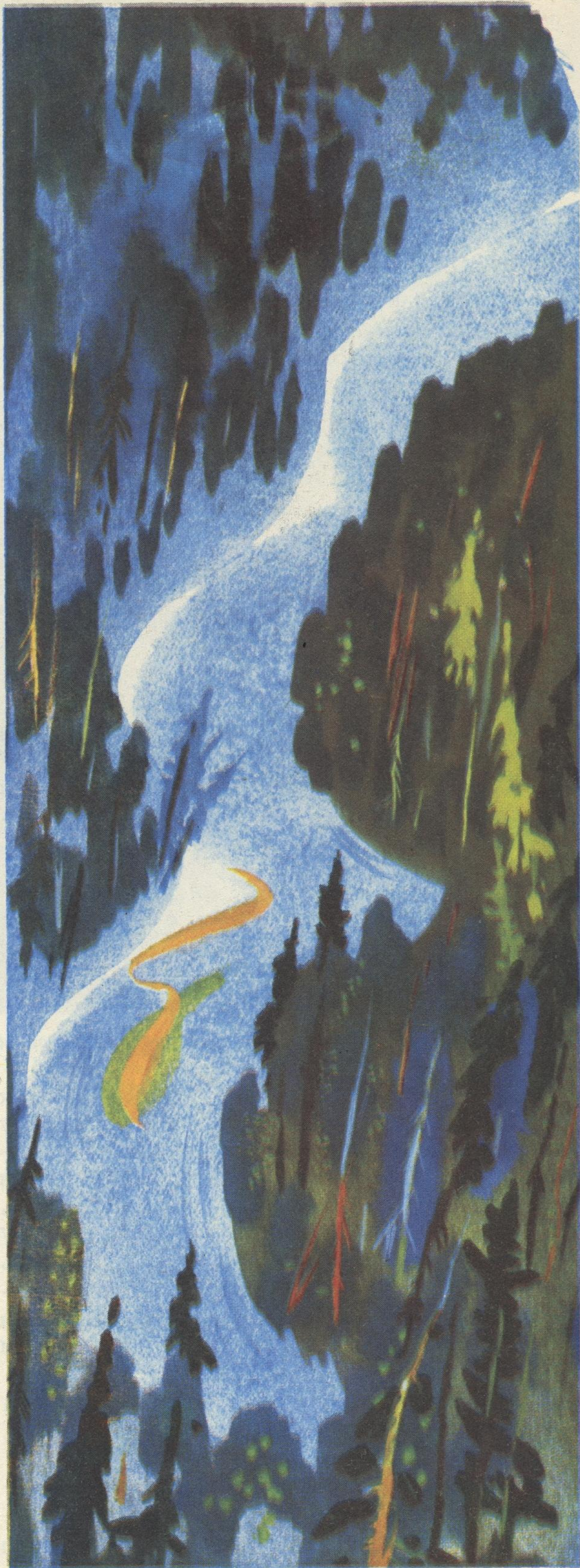
«Заметили, все-таки заметили! — думал я, в волнении бегая по поляне и размахивая лентой. — А лента — это сигнал».

— Эй! Эгей! — кричал я. — Давайте сюда!

Самолет сделал круг над тайгой и теперь снова возвращался ко мне. Мне ясно были видны все четыре его крыла, круглые окна, из которых смотрели, казалось, какие-то люди. В борту самолета открылась вдруг овальная дверь, и из нее прямо в небо вылетела кукла. Странно растопырив руки, вниз головой кукла летела к земле.

«Человек! — понял я. — Живой человек. Его выкинули с самолета!»

Сердце мое сильно стукнуло, я зажмурился, но тут же открыл глаза. Падающий человек вдруг перевернулся в воздухе и замер. Над головой его вздулся светлый купол. Парашют!

Она полетела к земле, развернулась в воздухе, превратившись в длинную ярко-оранжевую змею.

Один за другим из самолета выпрыгнули еще двое, и теперь три белых полупрозрачных купола повисли над тайгой.

Три белых полупрозрачных купола повисли над тайгой.

Первый парашютист быстро приближался к земле. Размахивая лентой, я побежал к тому месту, где он должен был приземлиться. Он падал прямо на две большие разлапистые елки, и я видел, как он дергал парашютные стропы, стараясь отвернуть немного в сторону. Это ему не удалось, он ухнул в колодец между елками, а купол парашюта зацепился за их вершины.

Обеими руками парашютист ухватился за крепкую еловую ветку, подобрался к стволу и обнял его.

Парашютист не видел меня, а я стоял совсем близко, прямо под деревом. Мне слышно было, как он дышит, но я не знал, что сказать.

— Ты чего? — крикнул наконец я. — Зацепился, что ли?

Парашютист перегнулся через ветку, глянул вниз на меня.

— Зацепился, что ли, спрашиваю? — повторил я.

— Разве сам не видишь? Залезай на соседнюю елку. Распутывай.

«Вот это дело! — подумал я. — Ну что ж, полезу».

Мне стало совсем весело, хотелось смеяться и разговаривать с парашютистом, но он молчал, сосредоточенно распутывая парашютные стропы. Я снял ружье, рюкзак и полез на елку.

«Неужели, — думал я, — они прыгнули, чтобы меня спасти? Наверно, поняли, что человек заблудился».

— Ты откуда будешь? — спросил вдруг парашютист.

— С Карабулы. В избушке я там живу на Карабуле. Да вот заблудился.

— Ага, — сказал парашютист и снова занялся стропами.

Наконец парашют отцепился от веток и мягко улегся в траву. Мы спрыгнули на землю.

Парашютист был в удивительном костюме: прошнурованные по шву брюки и рукава, на груди и животе защитные щитки. Лицо у него молодое и симпатичное. В шлеме.

— Слушай, — сказал я, — а зачем вы бросили эту штуку — ленту?

— Это вымпел. Мы смотрим на него сверху и знаем, куда прыгать.

— Понятно, — сказал я и засмеялся. Мне приятно было разговаривать с парашютистом.

— Ладно, — сказал он. — Давай знакомиться. Меня звать Венька.

Он протянул мне руку, я подал ему свою, и вдруг — трах! — он дернул меня за руку, дал подножку, и я оказался на земле.

— Батя! Батя! — закричал он. — Скорей сюда! Я его поймал!!!

Из тайги вышли еще два парашютиста. На них тоже были защитные костюмы, в руках топоры. Они подошли вплотную и молча разглядывали меня.

— Вот он, — сказал Венька, указывая на меня. — Поджигатель. Я поймал его.

«Ну, влип, — думал я. — Это таежные пожарники. Десант. Они думают, что я поджег тайгу».

— С чего ты взял, что он поджег? — спросил десантник постарше, с бородой.

— А чего он около пожара трется? Точно, батя, это он поджигатель.

— Погоди, Венька. Что значит трется? — сказал бородач, как видно, Венькин отец. — Надо разобраться.

— Я блуждаю два дня, — сказал я. — Вижу, люди с неба падают. Обрадовался, а он мне подножку.

И я стал рассказывать, как заблудился, попал в пожар, увидал Веньку и побежал ему помогать.

— Помогал он тебе? — спросил отец.

— Помогал.

— А если б он поджег, с чего бы стал помогать? Он бы деру дал.

— Неизвестно, — сказал Венька. — Может, в нем совесть проснулась.

— Мне интересно, — сказал я, — когда в тебе, Венька, совесть проснется?

Десантники засмеялись.

— Ладно, — сказал бородач. — Ты не сердись на Веньку. Он парень горячий, пионер.

— Что? Что такое? — изумленно переспросил я. — Пионер? Сколько ж тебе лет?

— Сколько надо! — мрачно ответил Венька, как видно, все еще подозревая во мне поджигателя.

Пока мы разговаривали, я совсем забыл про пожар. Здесь, на поляне, он почти не чувствовался. Только пахло горелой листвой, а я-то думал, печеной картошкой.

Самолет сделал новый заход, выбросил еще

двух парашютистов, какие-то ящики и тюки, которые тоже опускались вниз на парашютах.

— Ладно, — сказал Венька и вдруг улыбнулся мне. — Вроде бы и правда не поджигатель.

— Поможешь нам? — спросил Венькин отец.

— Конечно, — ответил я. — А что надо делать?

— Пожар тушить. Если согласен, поступай к Веньке под начало. Давайте, ребята, готовьте все поскорей, а я побегу пожар посмотрю.

Усталые десантники стали собирать инструменты, укладывать парашюты.

— Пошли и мы, — сказал Венька и тронул меня за рукав. — Надо все ящики на поляну перетащить. Скорей!

Следом за Венькой я побежал к кустам, над которыми виднелся смятый теперь купол парашюта. В зарослях иван-чая лежал тяжелый ящик. Я взвалил его на спину, Венька принялся распутывать, собирать парашют.

— Веньк, — сказал я, — а что в ящике?

— Взрывчатка. Тащи ее на поляну.

«Ого, — подумал я, — не подорваться бы чего доброго!»

Скоро мы перетащили все ящики и тюки на поляну. Вернулся и Венькин отец.

— Очаг небольшой, — сказал он. — Хорошо, что ветра нет. За ночь управимся.

Десантники разобрали тюки с инструментом и мне дали топор.

— Мы начнем просеку рубить, — сказал Сергей Иванович, Венькин отец, — а вы с Венькой идите сзади и подчищайте. Рубите кусты, бурелом оттаскивайте в сторону.

Он махнул топором — сосенка повалилась на землю, за ней — другая. Сергей Иванович крушил подлесок. Деревья будто взвизгивали под его топором, и мне только видно было, как топор вылетает у него из-за плеча, а после блестит у ног.

— Шебурши в траве! — кричал мне Венька. — Выуживай коряжины!

Только потом, уже на другое утро, Сергей Иванович рассказал мне, что Веньке четырнадцать лет. Когда Веньке было два года, мать его тяжело заболела и умерла, и они жили теперь вдвоем, отец и сын. У таежных пожарников-десантников жизнь кочевая. Их забрасывают на самолетах то в одно, то в другое место, и Венька кочевал вместе с отцом. Он давно уж просился прыгнуть с парашютом, но только в этом году отец разрешил ему. Все это я узнал потом, на другое утро, а сейчас разговаривать было некогда. И все-таки я в какой-то момент спросил Веньку, сколько раз он прыгал с парашютом.

— Четыре, — ответил он.

Просека между тем довольно быстро расширялась. Десантники стремительно работали своими топорами с длинными рукоятками. Я понял, что просека нужна для того, чтоб пожар не пошел дальше. Бурелом и коряжины я оттаскивал в ту сторону, с которой был пожар. В той стороне висело мутное марево и все время слышался легкий треск.

Я хотел поднять гибкую ветку, чернеющую в траве, но тут же отдернул руку.

— Змеи! — крикнул мне Венька. — От огня бегут!

Змея утекла в мох.

Впереди ударил взрыв. Это десантники подрывали деревья, которые долго рубить топором.

— Давай, — подгонял меня Венька. — Круши!

Наступили сумерки. Дым, закрывший небо, приблизил ночь.

К ночи просека была готова, петлей окружила пожар.

— Теперь пустим встречного, — сказал Сергей Иванович. — Подожжем ему пятки.

— Батя, можно мне? — спросил Венька.

— Начинай, — согласился отец.

Венька поджег бересту и сунул ее в кучу сухих веток. Сучья мигом занялись. Огонь побежал по бурелому навстречу пожару.

— Поджигай по всей просеке! — крикнул Сергей Иванович. — Только следите, чтоб огонь не перекинулся на эту сторону!

Всю ночь мы бегали по просеке и следили, чтоб огонь не перебрался через нее. Я то встречался с Венькой, то терял его в темноте и в дыму, то видел вдруг его черную фигурку в отблесках пожара.

С рассветом в небе появился вертолет. Он сделал несколько заходов и сел на поляну.

Почти не разговаривая, усталые, перепачканные сажей десантники стали собирать инструменты, укладывать парашюты. Только Венька сидел в стороне, прислонившись спиной к елке, той самой, с которой я помогал ему снимать парашют.

— Устал? — спросил я, подойдя.

— Устал, — согласился он и опустил голову. — Не сердись, что я тебя за поджигателя признал.

— Да ты что? — ответил я. — Чего мне сердиться?

— Смотри, как жалко-то, — сказал он и указал на землю.

Я увидел трех маленьких соболят, лежащих в траве у Венькиных ног. Они не смогли уйти от пожара и задохнулись в дыму.

— Думал, оживут на воздухе, — сказал Венька. — Не оживают. Совсем маленькие еще.

— Вы чего тут? — сказал Сергей Иванович, подходя к нам, увидел соболят и присел на корточки.

— Не оживают? — спросил он Веньку. — Да, маленькие совсем... Жалко. Ну не горюй, ты многих спас.

— Да где там многих, — сказал Венька и махнул рукой.

— Ну, сколько соболят ты спас на сегодняшний день?

— Восемь, — ответил Венька.

— А бельчат?

— Двадцать четыре.

— Это не так уж и мало, — сказал Сергей Иванович, обращаясь ко мне. — Верно?

— Очень много, — ответил я.

— Да ладно вам, — сказал Венька. — Что вы меня успокаиваете? Сам знаю, сколько много, сколько мало. Идите грузитесь на вертолет, я догоню.

— В тайгу приходят разные люди, — говорил мне Сергей Иванович, когда мы шли к вертолету. — Разведут костер, отогреются, уйдут, а огонь не затушат как следует. Вот и пожар. Звери гибнут и птицы. Видишь, какие дела. Ну ладно, залезай, подбросим тебя на Карабулу.

Десантники погрузились в вертолет, а Веньки все не было. Меня удивило, что никто не зовет его, все терпеливо ждали.

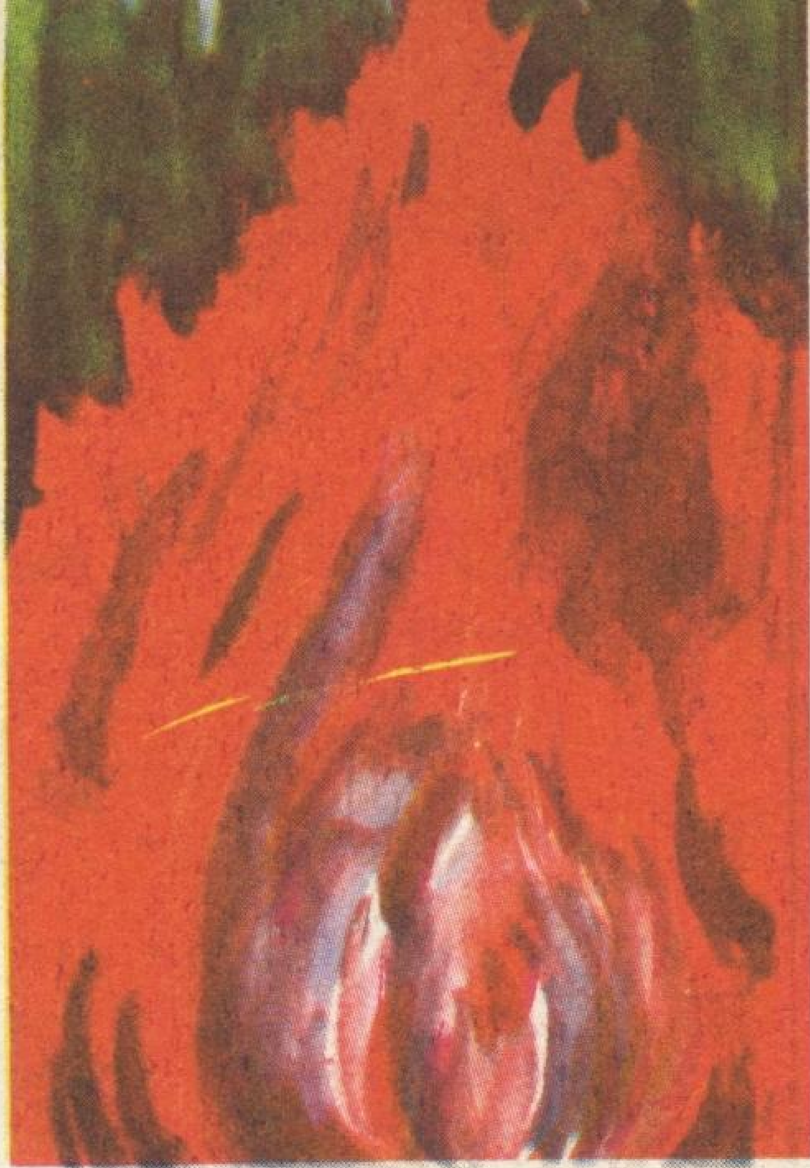
Наконец появился Венька. Мне хотелось еще поговорить с ним, но он сел рядом с отцом, прижался к отцовскому плечу, закрыл глаза и, по-моему, мгновенно уснул.

Заревел мотор вертолета, и мы медленно поднялись над поляной.

Низко, над самыми вершинами, мы облетели пожар. Клубы дыма все еще поднимались между стволов.

Я вдруг увидел лося, уходящего от пожара. Он казался сверху коричневой бутылочкой.

Вот и речка Карабула, петляющая по тайге. Ясно видно ее дно — мели, перекаты, бочаги. Я все старался разглядеть, не видно ли в бочагах хариусов. Но разве их увидишь с такой высоты?

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

ГДР

Мне двенадцать лет. Я родился и вырос в Берлине — столице первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле. Я горжусь этим. Учусь я в школе, которая носит имя героя Краснодона Олега Кошевого. Наша пионерская дружина вместе с москвичами начинала общую работу под девизом «Салют, Победа!». Вы даже не представляете, сколько писем получили мы из многих стран. Я никогда не забуду этих писем, где каждая строка говорила о мире, о дружбе, о братской солидарности.

Курт Мартин

ФИНЛЯНДИЯ

Моя родина — край Суоми, это край тысячи озер, лесов, причудливых скал. Я люблю свою родину. И как хорошо, что у нас такой добрый и верный сосед — Советский Союз! Эта дружба крепнет год от года. И крепнет дружба ребят СССР и Финляндии, потому что каждый год мы бываем в гостях друг у друга.

Янна Тийтинен

ГРЕЦИЯ

Когда в Артеке я рассказываю о себе, многим просто не верится... Да, я родился в тюрьме и прожил за решеткой четыре года. Мои родители — коммунисты. Их бросили в застенки за то, что они боролись за свободу. Я подрасту и тоже буду бороться, как моя мать и как мой отец.

Мильтос Гелемас

Ночью город спать ложится.
Люди спят, и дремлют птицы.
На бульварах сон и тишь.
Ты, конечно, тоже спишь.

Опустели постепенно
Залы метрополитена.
Затихает суета.
Спать уходят поезда.
Пассажиры смотрят сны,
Поезда им не нужны.

«Два часа»,—
гудки пропели.
Ярко вспыхнул
свет в тоннеле.
До пяти часов утра
Здесь рабочая пора.

В подземное царство
Глубокою ночью
Спускается тысяча
Разных рабочих.

Электрики,
Связисты,
Путейцы,
Машинисты,
Мойщики,
Обходчики
И водопроводчики.

Это дождь? Или капель?
Принимает душ тоннель.
Громадная машина
Тоннелю моет спину.

А следом рельсы моют
Не мылом, не водою,
Не губкой из резины,
А щеткой с керосином.

По ночам зимой и летом
Чистят
Рельсы
Метр
За метром.

Татьяна КОТЕНЕВА

Рисунки А. БОРИСОВА.

Про

❄

Шагает по шпалам
Обходчик пути.
Легко и привычно
По шпалам идти,
Стучать молоточком
К стыкам наклоняться.

✻

Ага! Притаилась, заметная еле.
Тревожно огни замигали в тоннеле.
И сразу сюда,
Не теряя минут,
Везут инструменты,
Рабочих везут.

✻

Грохоча,
Чадя бензином,
Под землей спешит дрезина.
Доставлена срочно
Бригада рабочих.
Скорее! Скорее!
Осталось полночи!
Берется за дело
Большая бригада.
Путейцы умело
Наводят порядок:
Испорченный рельс
Поменяли на новый
И в пять
Доложили:
«Готово!
Готово!»

✻

Готовы к движению
Все перегоны.
Рельсы готовы,
Вагоны готовы.
Готовы платформы,
Отмытые чисто.
Готовы дежурные
И машинисты.
Живет под землей
Очень бодрое слово,
Необходимое слово
«ГОТОВО!»

Промытые рельсы
Блестят и лоснятся:
В метро до сих пор
Не случалось ни разу,
Чтоб трещина скрылась
От острого глаза.

✻

А наверху на улице
Такие чудеса!
Там день уже волнуется,
Едва открыв глаза.
Он свеженький, он новый,
Он щурится добро,
Он ровно
В полшестого
Спускается в метро.
Садится в поезд голубой
И мчится,
Мчится под Москвой!

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Ковер-самолет

Продолжение. Начало в № 7.

Глава седьмая

В телескоп казалось, что змей рядышком — прямо за окном. Даже подтеки акварели и капельки клея были видны. Даже узелки на уздечке из суровых ниток…

— Правда ведь красивый? — сказала Ветка. — Дай я тоже посмотрю.

Потом стал смотреть Виталька. Он разглядывал змей недолго. Шевельнул трубу и плавно повел ее в сторону и вниз. Я понял, что он скользит объективом по нитке.

Труба остановилась, шевельнулась, замерла. Виталька смотрел несколько секунд, потом почему-то заулыбался и сказал:

— Вот он… Незнакомый какой-то. Ага?

Я глянул в окуляр.

Конечно, я помнил, что в телескопе все наоборот, но в первый миг все-таки вздрогнул: на перевернутой крыше стоял и смотрел вниз в опрокинутое небо желтоволосый мальчишка. Мне показалось, что сейчас он ухнет в голубую пропасть. Но перевернутый мальчик стоял прочно, словно его старенькие полукеды примагнитились к тесовому скату.

Он шевелил пальцами и локтями, перебирая нитку, и, кажется, что-то шептал. На нем была ярко-зеленая расстегнутая рубашка-распашонка. Ветер прижимал ее к спине мальчишки, а свободные края полоскались в потоках воздуха.

Мальчик был похож на зеленый флажок или маленькое деревце под ветром. А ростом он был вроде нас.

Телескоп выхватил незнакомого мальчишку из километровой дали и придвинул к нам почти вплотную. Я смог разглядеть даже родинку на мочке уха и царапину на щеке. Только глаз его я не видел, потому что он стоял к нам боком и чуть затылком.

И вдруг он оглянулся. Наверно, его окликнули. Он улыбнулся и что-то ответил. Мне показалось, что у него очень славное лицо, но как следует разглядеть я не мог, потому что все было опрокинуто. А мне отчаянно захотелось разглядеть!

Раз нельзя перевернуть изображение, я решил перевернуться сам. Оперся о Виталькино плечо, прыгнул на подоконник и повис над телескопом вниз головой.

Голова перетянула. Я не удержался и загремел на пол вместе с телескопом. Брякнулся о доски всеми суставами и лбом. Так, что в глазах целый салют вспыхнул.

Мотая головой, я сел на полу.

— Ой... — тихо сказала Ветка.

Я молча взял медную трубу и приложил к шишке на лбу. Но Виталька отобрал у меня телескоп. Сказал, что от шишек не помирают. Он опять установил наш прибор на подоконнике и стал наблюдать сам.

— Смотрите-ка! — сказал он (хотя мы, конечно, не могли смотреть). — Он нитку к антенне привязал, а сам спускается...

— Значит, обедать пошел, — подала голос Ветка. — Он в это время всегда обедает.

Я забыл про шишку. Виталька оторвался от телескопа.

— Откуда ты знаешь? — спросили мы хором.

— А... — начала Ветка и покраснела так, что мы тут же отвернулись.

— А я... — сказала она. — Ну... я один раз... шла и видела... Он с крыши самолеты пускал. А его позвали.

Мы с Виталькой переглянулись. «Один раз!» А сама говорит: «Всегда в это время обедает...»

Можно было припереть Ветку к стене двумя-тремя вопросами. Но мы опять посмотрели друг на друга: «Зачем?» И, хотя стало нам грустновато, мы не подали вида. Виталька лишь спросил:

— А как его звать?

— Саня... или Саша. Ну я не знаю! — опять спохватилась она. — Я же только чуть-чуть слышала.

Виталька тряхнул заросшей головой и весело взглянул на меня:

— А давайте узнаем! Давайте все вместе познакомимся с этим человеком! Сперва удивим, а потом познакомимся!

Ветка, конечно, познакомиться очень хотела. Я тоже. Мне с первого взгляда этот мальчишка понравился. Но зачем его удивлять! И как?

— Пока он дома сидит, давайте слетаем к змею и записку к хвосту привяжем, — объяснил Виталька.

— Давайте! — обрадовалась Ветка.

— А вдруг он увидит? — сказал я.

— «Вдруг-вдруг», — досадливо сказал Виталька. — Если так бояться, то всю жизнь в темноте просидим.

Я пожал плечами. Я ведь просто так спросил. В конце концов пускай видит. От хорошего человека чего прятаться?

На половинке тетрадного листа мы нацарапали вот что:

«Мы хотим с тобой познакомиться. Как тебя зовут? Напиши на змее.

ЛЕТУЧИЕ БРОДЯГИ».

Из этой записки и нитки мы сделали бантик — вроде тех, какими играют кошки.

Ветку мы попросили следить за крышей в телескоп, а сами выбрались из окна, улеглись на ковре и рванули в солнечное небо. К змею.

Мы совсем забыли, что ковер-самолет тоже должен изображать бумажный змей. Если бы кто-то увидел нас, то страшно изумился бы: змеи не летают с такой бешеной скоростью. Но мы спешили, мы думали только об одном: лишь бы незнакомый мальчишка раньше времени не увидел нас.

С высоты мы не могли отыскать его крышу и не знали, там он или нет. Да и некогда было разглядывать землю. Мы подлетели к змею. Большой красно-желтый, горящий на солнце, он почти неподвижно стоял в воздухе и лишь слегка шевелил хвостом. Виталька ухватил мочальный конец с грузиком из камешка, проволочным крючком прицепил к нему записку. Змей дернулся, возмущенно вырвал хвост и опять замер в потоках ветра. А мы понеслись вниз.

— Все в порядке! — крикнула из-за телескопа Ветка. — Он не появлялся!

Мы стали ждать.

Мальчик в зеленой рубашке выбрался на крышу минут через двадцать.

— Ага! — обрадованно сказал Виталька.

Он как раз наблюдал в телескоп. Я тут же толкнул его в сторону и приник к окуляру.

Мальчик стоял и торопливо сматывал нитку.

— Змей спускается, спускается, — заволновалась Ветка и оттерла меня от телескопа. — Ой, спустился!.. Большой какой... Ой, он записку отвязывает...

— Перестань ойкать и рассказывай толком, — велел Виталька.

— Он читает... Ой, он удивился! Смотрит кругом, будто нас ищет... Ой, опять читает... Опять смотрит... А теперь с крыши слезает вместе со змеем...

Мы стали ждать. Ждали полчаса.

Змей поднялся опять. Он взлетел ровно и быстро, словно у него был двигатель. Мы снова стукнулись головами у окуляра.

На желто-красных узорах змея чернели крупные буквы:

САША ВЕТРЯКОВ

— А теперь что? — нетерпеливо спросила Ветка. — Опять, что ли, записку к хвосту привязывать?

Виталька подумал.

— Нельзя два раза одно и то же...

Мы сочинили такое послание:

«Если хочешь познакомиться,
приходи в двенадцать часов
дня на угол Якорного и Первомайской

ЛЕТУЧИЕ БРОДЯГИ».

Ночью мы с Виталькой отправились в полет и отыскали дом, где жил хозяин змея. Наше письмо привязали к старой лыжной палке. Палка со свистом ушла вниз и воткнулась в деревянную крышу рядом с антенной.

Мы были уверены, что мальчик придет. А он не пришел. И мы расстроились. Особенно Ветка. Мы брели к дому и хмуро молчали.

Вдруг Ветка обрадованно сказала:

— Какие мы бестолковые! А вдруг он сегодня на крышу даже и не лазил и палку не видел? Не каждый же день он змей запускает!

Правильно! Как мы не подумали?

Мы разом глянули в небо, чтобы убедиться, что нет никакого змея.

Змей был. Только не такой, как вчера. Белый, с черными точками.

Мы бросились домой, к телескопу.

На просвеченной солнцем бумаге змея чернели слова:

Я ХОЧУ, НО НЕ МОГУ

Мы переглянулись.

— Раз не может, идем сами, — сказал Виталька.

Дом стоял на улице Лесосплавщиков. Обыкновенный старый дом со ставнями, покосившимися воротами и овальной жестянкой старинного страхового общества на этих воротах. А над домом трепетал зеленый флажок — это дежурил на крыше маленький хозяин змея. Он нас не видел, потому что стоял к нам спиной и смотрел на змей.

Мы встали шеренгой на краю дороги. Мы с Виталькой по бокам, а Ветка посередине. Вопросительно глянули друг на друга: дальше что? Ветка почему-то отвернулась и засмеялась. Тогда Виталька отчетливо сказал:

— Саша Ветряков!

Тот сразу повернулся, и рубашка взлетела у него за спиной, как зеленые крылья.

Он улыбнулся. Сперва чуть-чуть, потом сильней, потом еще сильней. И стало сразу видно, что хороший он человек.

— Это вы? — сказал он и шагнул к самому краю. И отпустил нитку.

Змей, кувыркаясь, пошел к земле.

— Это мы, — серьезно сказал Виталька. — А зачем змей-то бросил?

— Пускай, — сказал Саша Ветряков. — Теперь все равно, раз вы пришли... Это вы летучие бродяги?

По хлипкой приставной лестнице, стоявшей у крыльца, мы забрались к нему на крышу. Саша сказал, что ему на землю нельзя.

— Почему нельзя, Саня? — спросила Ветка, забравшись наверх.

Она сразу повела себя с ним, как со знакомым. И звать его стала Саней, а не Сашей. Наверное, ей казалось, что это имя ему больше подходит.

Он за весельем постарался скрыть смущение. Сморщил переносицу и беззаботно объяснил:

— Такая жизнь получилась... Я у бабушки полиэтиленовую пленку изрезал, думал, она ненужная, а она для теплицы. Бабушка даже и не ругалась, а мама говорит: будешь три дня дома сидеть, и с крыльца — ни шагу. Вот я на крыше и живу. На крыльце какая жизнь?

Ветка осторожно глянула во двор и отодвинулась от края.

— А нам не попадет от твоей мамы и бабушки? Скажут: чего забрались на чужую крышу?

— Во-первых, не скажут. А во-вторых, их нет, они на два дня к другой бабушке в деревню уехали.

— А тебя одного оставили? — спросила Ветка.

— А чего? Я привык. Я в Ленинграде часто один жил.

— А если один, то чего сидишь взаперти? Никто же не видит, — опять заговорил Виталька.

Саня посмотрел на нас нерешительно, будто боялся: вдруг засмеемся?

— Ну, понимаете... Раз уж так вышло... Понимаете, я как будто слово дал...

— Понятно, — торопливо сказал Виталька. — Это я так просто спросил... А на крыше тоже жить можно.

На крыше было неплохо. Нас обдувал теплый ветер и крепко жарило солнце. Саня сидел между мной и Веткой и по очереди поглядывал на нас. Наверно, не знал, о чем говорить.

— Почему мы тебя раньше не видели? — спросил я. — Мы на здешних улицах всех знаем. Ты из Ленинграда приехал?

Саня Ветряков кивнул.

Он приехал из Ленинграда. Он там с родителями жил, пока они учились в институте. В этом году они кончили учиться и приехали работать на нашу судоверфь. Но отец у Сани, едва начав работать, опять уехал: его послали на соревнования. Он был мастер спорта, мотогонщик.

— Он в Ленинграде больше ездил, чем

Так мы сидели и болтали, но в нас росло удивление.

учился,— весело сказал Саня.— Мама говорит, что он диплом писал в седле мотоцикла...

Так мы сидели и болтали, но в нас росло удивление. Виталька наконец нагнулся вперед и глянул на меня озадаченно и нетерпеливо. Я его понял.

— Слушай, Ветерок, — сказал я. — А почему ты даже не спрашиваешь, как мы записку к змею прицепили?

Я не знаю, как у меня вырвалось это имя. Про себя-то я его Ветерком сразу назвал, когда первый раз увидел. Потому что весь он трепетал в потоках ветра, летучий был и тонкий, и круглое имя Саша ему не подходило. Но назвать его придуманным именем вслух я не решался. Это само собой получилось.

У Ветерка были чуть-чуть приподнятые брови, словно он все время немного удивлялся и спрашивал: а вы со мной не шутите? А теперь он распахнул глаза и удивился изо всех сил.

— Почему... ты так сказал?

Я от неожиданности засмущался, как девчонка, и что-то забормотал.

Саня улыбнулся и признался:

— Меня в школе звали Ветряк.

— Какой же ты «ветряк»?— сказал Виталька.— Ветряк — это вот!— Он встал и замахал руками, изображая мельницу.— Олег лучше придумал.

С тех пор мы с Виталькой всегда звали его Ветерком.

— А про записку я сразу догадался,— сказал

Ветерок.— У вас такая управляемая модель есть, да? Со специальным приспособлением. Да?

Мы втроем переглянулись и закусили губы, чтобы не расхохотаться. И Виталька торопливо согласился:

— Ну да. Управляемая.

— Мы тебе скоро покажем,— пообещала Ветка.

— Я тоже модели делал,— сказал Ветерок и вздохнул.— Только с крыши их пускать плохо: они не возвращаются. А змей возвращается... А иногда на больших змеях люди летают. Я в кино видел. Вы видели?

Все было понятно. Потому что каждый из нас тоже о чем-то мечтал, тоже хотел кем-то быть. Ветка — балериной, Виталька — художником. Я — только моряком или в крайнем случае морским десантником.

А Ветерок хотел водить самолеты.

Он стал рассказывать, как в прошлом году записался в кружок юных летчиков в районном Доме пионеров.

— Говорили, что там все настоящее... Ну, там, правда, настоящие костюмы для высотных полетов. И кабина в комнате сделана, как в настоящем самолете. Но только это все на земле. А летать никому не дают, даже старшим.

— Маленьким не разрешают управлять самолетами,— сказал Виталька.

— А почему?! — вскинулся Ветерок.— Разве это нельзя? Помните кино «Последний дюйм»?

Еще бы! Мы его три раза смотрели. Это фильм про мальчишку вроде нас. Он был сыном летчика и сам вел самолет, потому что отец его был ранен, когда дрался в море с акулами. Но это — кино...

— Я его тоже три раза смотрел,— признался Ветерок.— И еще могу сто раз...

— А давайте! — предложила Ветка.— Сегодня вечером. Он в Зеленом театре идет, этот фильм. У меня мама сегодня как раз во вторую смену работает, я свободная.

— На вечерний сеанс не пустят,— сказал я.

Ветка с сожалением глянула на меня и крутнула пальцем у виска.

— Там же кино без потолка. А кругом березы. За ветками нас не увидят.

— Мне все равно нельзя,— грустно сказал Ветерок.

— Тебе можно,— решительно сказала Ветка.— Тебе что говорили? Не ступать с крыльца на землю. Ты и не ступишь, не бойся!

Глава восьмая

Сначала он не верил. Ну а кто поверил бы? Даже когда мы принесли свернутый в трубу ковер и расстелили среди одуванчиков, которым порос двор, Ветерок улыбался понимающе и чуть виновато. Он словно говорил:

«Я вижу, что вы шутите, вы хотите меня развеселить. Но зачем уж так сильно стараться? Даже ковер притащили...»

— Садись,— сказал Виталька.

Ветерок неловко улыбнулся, шагнул с крыльца на ковер и сел.

— Не пугайся,— предупредил я.

Мы поднялись на полметра и пошли бреющим полетом, поднимая за собой вихрь из семян одуванчиков. Ветерок не крикнул, не бросился с ковра. Только ресницы у него распахнулись широко-широко, и он крепко взял меня за локоть.

Это был замечательный день. Это был праздник в честь того, что у нас появился новый друг. Праздничными казались трава, солнце, пухлые облака и шумливые кусты рябины у забора. И все на свете. В нас кипела радость. Мы летали над широким двором, выписывали сложные фигуры, несколько раз взмывали с крыши в высоту, прошитую горячими лучами. Ковер-самолет неутомимо носил на себе нас четверых.

Лишь одно слегка огорчало нас: у Ветерка не получалось управление ковром-самолетом. У Ветки это тоже не получалось, но она и не горевала нисколечко, а Ветерок расстраивался. Он снова и снова пытался заставить лететь ковер как надо, но тот или скользил куда-то вбок, под забор, или просто едва приподнимался и падал.

— Ничего,— утешали мы с Виталькой Ветерка.— Привыкнешь и научишься.

— Научусь...

Наступил светлый вечер.

Это, наверно, красиво звучит: «светлый вечер». Но нам хотелось, чтобы он был потемнее. Нам нужно было добраться до городского сада и устроиться среди густых березовых крон перед эстрадой. Оттуда мы отлично посмотрим весь фильм.

Того, что среди веток могут оказаться другие зрители, мы не боялись. Стволы берез были прямые и гладкие, с земли по ним не заберешься.

— Пора лететь,— сказал Виталька.

Мы уселись на ковре. Ветка строго следила, чтобы Ветерок не нарушил запрета и не ступил случайно на землю. Он не нарушил: как и днем, прыгнул со ступеньки прямо на ковер.

Пришлось лететь над самой землей, выбирая тихие переулки. Хвост мы свернули и уложили на ковре, чтобы не цеплялся за траву. Несколько раз при виде прохожих мы приземлялись и делали вид, что просто играем. Прохожие пожимали плечами: что за игры на ковре посреди улицы? Наконец мы ловко взлетели на крышу трехэтажного дома, который стоял через дорогу от сада. Оттуда, выбрав момент, стремительно пронеслись над мостовой, над чугунной решеткой, кустами, клумбами и врезались в чащу березовых веток.

Мы оказались как в зеленом шалаше. Земли не было видно сквозь заросли. А вверху между листьями светлело небо. Экран закрывали от нас

Начался фильм...

ветви, но мы слегка продвинулись вперед, и все получилось как надо.

Начался фильм...

Опять над желтой пустыней и синим морем качался маленький самолет. Опять распахивались на экране голубые глубины моря с яркими стаями тропических рыб и злыми силуэтами акул. Опять десятилетний мальчик Дэви, надрываясь, тащил к самолету раненого отца, а беспощадная песня об одиночестве гремела над равнодушными песками.

Мальчик этот был наш товарищ. Мы всей душой были вместе с ним, каждый шаг его отдавался в нас то болью, то радостью. Мы знали наизусть каждый кадр, но снова нас охватило счастье, когда Дэви поднял в воздух самолет.

Мы не заметили, что стало темно. Так темно, как не бывает у нас летом самой поздней ночью. И лишь когда капля, похожая на холодную виноградину, шлепнула меня по шее и покатилась за воротник, я вздрогнул.

Накатил неожиданный дождь. Он защелкал по листьям, пробил их шелестящую крышу и ударил по нашим плечам и спинам. По ковру. Стеклянные дождевые нити вспыхнули в луче кинопроектора. В открытом кинозале поднялся шум. Экран погас. Виталька первым почуял беду.

— Летим!

Мы вырвались из мокрых веток, косо пронеслись над улицей, едва не зацепив заборы.

— Выше, надо выше! — крикнул я, думая, что Виталька нарочно прижимается к земле.

Но нас прижимал дождь. Намокший ковер-самолет отяжелел и плюхнулся посреди какого-то двора, вымощенного гранитными плитами.

— Приехали, — с тихим отчаянием сказал я. — Что теперь делать?

— Пешком дойдем, — сказала Ветка. — Не размокнем.

Разве я размокнуть боялся? Я на дождь и внимания не обращал! Я думал про одно: что будет с ковром? А вдруг он больше никогда не сможет летать. Но это была такая страшная мысль, что я даже побоялся сказать о ней вслух. Ковер лежал плоско и мертво. Мы сошли с него на каменные плиты. Все, кроме Ветерка.

— Тебе нельзя, — строго сказала Ветка. — Ты же слово давал.

— Что же делать? — спросил он.

— Он же слово давал, — повторила Ветка, требовательно глядя на меня и на Витальку. Виталька вздохнул и подставил Ветерку спину, облепленную мокрой рубашкой.

— Садись.

— Да вы что, ребята... — жалобно сказал Ветерок. — Я же...

— Садись, — повторил Виталька. — Дотащим. Ты же из-за нас влип.

— Я из-за себя.

— Садись, — сказал я.

Через минуту Ветерок ехал на Витальке, а мы с Веткой тащили на плечах свернутый в трубу ковер. Он был страшно тяжелый от впитавшейся воды. И все-таки не этот груз угнетал меня, а все та же мысль: «Будет ли ковер летать?»

Ветерок время от времени требовал опустить его.

— Сиди, — кряхтя, говорил Виталька.

Дождь прошел. За крышами прокатывался дальний гром. Мы молча шлепали по мокрым тротуарам, пока не подошли к Веткиному дому.

Ветка вывела велосипед. Она велела Ветерку сесть на багажник и сказала, что довезет его до самого крыльца. А мы дотащим ковер до дома.

— Вы придете завтра? — торопливо спросил Ветерок.

— Придем, — пообещал я. И подумал, что если даже ковер вышел из строя, у нас осталась еще одна радость: новый хороший друг.

Глава девятая

Новый день был полон переживаний. Ковер лежал на крыше под солнцем, и от него шел пар. У этого пара был запах, как у тумана в тропических лесах (так нам с Виталькой по крайней мере казалось). Высыхал ковер медленно, и когда мы попытались взлететь на нем, он даже не шелохнулся.

Зато следующим утром нас ждала радость!

Мы проснулись одновременно. Враз кинулись к окну, застряли в нем, выбрались на крышу и сразу поняли, что ковер стал прежним — легким, шелковисто-мягким, летучим. Он лежал так, словно дожидался нас!

Мы плюхнулись на его ласковую теплую шкуру и взмыли к зениту. Было раннее утро. Во дворах радостно орали петухи.

В этот день у Ветерка вернулась мама. Она оказалась совсем не строгая, веселая.

— Бедненький! И ты все это время сидел на крыше? — воскликнула она, узнав, что Ветерок добросовестно отбывал домашний арест. — Я же просто забыла тебя отпустить! Не сердись, сынуля, я больше не буду!

Ветерок тут же отпросился у нее к нам в гости. С ночевкой!

Мы показали ему своих картонных солдат, Виталькины картины, наше оружие, телескоп и все другие сокровища. Мы устроили показательное сражение наших армий, которое затянулось до вечера. А поздно вечером мы похитили из дома Ветку и отправились в полет. И нам было так же радостно, как и в первый раз. Потому что мы заново открывали высоту и ночной город, блеск вечерних звезд и струящийся теплый воздух. Для Ветерка.

Ничто не омрачало в те дни нашу радость и нашу дружбу. Почти ничто. Лишь неудачные полеты Ветерка на ковре-самолете вызывали у него досаду, и мы чувствовали себя виноватыми. Наш ковер его не слушался.

— Не могу я, — печально говорил Ветерок. — Как-то не верится каждый раз, что он возьмет и полетит. Вот если бы у него штурвал был...

Мы его понимали. Всю жизнь Ветерок думал о самолетах и представлял, как сжимает в ладонях ручки управления. Без этого он не мог вообразить полета.

Но не могли же мы приделать к ковру-самолету штурвал!

— Ничего, — утешал нас Ветерок. — Я еще научусь, честное слово. А пока не все ли равно, кто им управляет? Мы же летаем вместе.

— А хорошо бы куда-нибудь в дальнее путешествие... Ага? — сказал Виталька.

И мы все сказали «ага». Может быть, Ветка и Ветерок просто так сказали, а я от всей души. Дальнее путешествие — это была наша давняя мечта.

Нам часто везло в то лето. Повезло и с путешествием. Тетя Валя получила от старой подруги открытку из соседнего города. Она целый день ходила задумчивая, а потом спросила: можно ли на нас положиться? Проживем ли мы самостоятельно двое суток, пока она съездит навестить друзей юности?

— Зачем самостоятельно? — сказал я. — Мы поживем у нас. Все будет в порядке, тетя Валя. — И выразительно посмотрел на Витальку.

Двое суток! Дальние полеты, неизвестные края!

Мы посмотрели на тетю Валю такими искренними глазами, что она не заподозрила нас ни в каких темных умыслах. Я сбегал домой, а за-

тем сообщил тете Вале, что мама просила о нас не беспокоиться. На самом деле мама и не ведала об отъезде тети Вали. Она с утра до вечера пропадала на работе в библиотеке, потому что половина ее сотрудников была в отпуске.

Следующим утром мы проводили тетю Валю на вокзал и помчались к Ветерку. Он вместе с Веткой примерял к раме велосипеда какую-то странную конструкцию: узкие решетки из деревянных реек, наполовину обтянутые полиэтиленовой пленкой.

— Это что? — удивился я.

Ветерок и Ветка слегка смутились.

— Это... вроде крыльев, — сказал Ветерок. — Если разогнаться с горки, может, он взлетит... как самолет.

Я удивленно моргал. Взлетит? Для чего эта дребезжащая этажерка, когда есть ковер-самолет?

— Зачем... — начал я. И замолчал. Увидел, что Виталька смотрит на Ветерка и Ветку грустно и понимающе. Главным образом на Ветку. А она почему-то покраснела, стоит, отвернувшись, и мотает на палец отросший локон. Эх, Ветка, Ветка...

Я ничего не стал говорить. Потому что понял. Ветерок и Ветка нашли свой ковер-самолет. Вернее, мастерили его. Не такой, как у нас, неуклюжий, тяжелый, но не все ли равно? Им было хорошо вдвоем, у них появилась своя сказка.

И тут уж ничего не поделаешь.

Я все-таки сказал:

— Тетя Валя на два дня уехала. Может, слетаем в дальние леса? До вечера?

Ветерок поднял честные глаза. И было видно сразу, что лететь он не хочет, а отказаться не решается: боится нас обидеть.

— Или давайте так, — торопливо сказал я. — Мы сперва слетаем на разведку, а в другой раз — все вместе.

Он улыбнулся благодарно и облегченно.

— Давайте! Мы пока достроим, а потом — вместе...

Нет, мы не обиделись на Ветерка и Ветку. Лишь один раз Виталька, собирая в сетку-авоську продукты для дальнего путешествия, печально сказал:

— Вот такие дела...

А я вдруг вспомнил, как на краю ковра-самолета Ветка танцевала танец «Звездочка».

— Лишь бы они руки-ноги не поломали на своем драндулете, когда будут испытывать, — озабоченно сказал я.

— Не успеют, — откликнулся Виталька. — Пока строят, мы уже прилетим.

Это был наш самый долгий и самый радостный полет. Путешествие над безлюдным громадным лесом. Город затерялся на горизонте, пропал за верхушками берез и елей. Теперь казалось, будто вся планета поросла косматой лесной шубой.

Мы неторопливо плыли у самых вершин деревьев. С чем это можно сравнить? Пожалуй, когда поезд идет по крутой насыпи над лесом, деревья так же проплывают под вами. Высуньтесь в окно, посмотрите — если насыпь крутая, это похоже на полет.

Но не очень похоже.

Вагон вас несет с лязгом и стуком, встречный ветер отдает гарью, и нельзя остановиться, замереть над лесом. Нельзя рассмотреть ни белку в темном круге дупла, ни гнездо со смешными тонкошеими птенцами. А мы плыли в тишине, только деревья шумели негромко и ровно. Юго-западный солнечный ветер перекатывал через нас волны теплого воздуха. Мы лежали на ковре, свесив головы, и заглядывали в лесную глубину. Она была похожа на зеленое стекло. На траве и кустарниках качались рыжие пятна солнца. Вспыхивали, как фонарики, цветы шиповника. Искрами горела смола на сосновых стволах.

Один раз мы увидели ярко-оранжевую лису. Она тоже нас увидела и пустилась удирать среди деревьев. Наверно, приняла ковер за громадную хищную птицу. Мы погнались за ней, но лиса юркнула под кучу валежника и пропала.

Иногда мы ныряли с высоты в лесной сумрак и, как индейцы, прыгали среди кустов и папоротников. Иногда устраивали привалы на лужайках, поросших земляникой, и на старых просеках, где среди высокого иван-чая и львиного зева жужжали, как тяжелые пули, шмели. А еще нам нравилось замереть над большим деревом и осторожно потрогать самый верхний листик березы или мягкую кисточку сосны. Будто щекочешь хохолок на макушке задремавшего великана.

Маленькие лесные тайны, неторопливый полет, теплый ветер завораживали нас, и время бежало незаметно. Часов мы не взяли, но по солнцу видели, что давным-давно перевалило за полдень. Об этом говорили и наши желудки: они настойчиво требовали обеда.

— Давай долетим до вышки и там поедим, — предложил Виталька. — А потом потихоньку домой двинем. На первый раз хватит.

Большая, сложенная из бревен геодезическая вышка поднималась над лесом. До нее было километра два. Она была совсем не похожа на наш мезонин, но привычное слово «вышка» наталкивало нас на мысль о приюте и отдыхе.

— Давай, только скорее, — согласился я.

И мы дали ковру полную скорость. Ветер сразу перестал быть теплым. Он прижал к головам наши волосы, набился в уши, забрался мохнатыми лапами под рубашки. Засвистел по-штормовому. Стало не то чтобы холодно, а как-то неуютно. Мурашки побежали по коже. Взять с собой одежду потеплее мы, конечно, не додумались, и пришлось убавить разгон.

— Ладно, — сказал Виталька. — Куда нам спешить? Вышка — вот она.

Мы хотели устроиться на одной из дощатых площадок и там пообедать. Но, подлетев к вышке, увидели темное лесное озеро. Оно было совсем недалеко от нас. Его обступали сосны, а воду окружало узкое кольцо песчаного берега.

Недалеко от озера, посреди большой поляны, стоял дом. Один-одинешенек среди лесного моря.

Мы, разумеется, радостно завопили и спланировали на песок. Кубарем покатились на него с ковра. Песок был сухой и теплый. В нем перемешались сухие сосновые иглы и похожие на маленьких ежиков шишки, но это нас не пугало. Дно оказалось твердым и ровным, а темная прозрачная вода была прогрета насквозь.

Мы искупались, сжевали половину наших запасов, зарылись в песок и подремали. Потом еще искупались и снова немного пообедали. Затем выкупались еще разок.

— Пожалуй, пора... — нерешительно сказал Виталька.

— Угу, — сказал я. — Только еще разик окунемся...

Наконец мы на мокрое тело натянули одежду и взлетели повыше, чтобы ветер и солнце обсушили нас.

— Смотри! — крикнул Виталька.

Недалеко от озера, посреди большой поляны, стоял дом. Один-одинешенек среди лесного моря.

— Разведаем? — спросил Виталька.

Глава десятая

Дом был непохож на деревенскую избу. У него были широкие окна, точеные перильца у крыльца, двери с деревянными украшениями.

Они были приоткрыты. И мы осторожно шагнули через порог.

В дощатых сенях было пусто, лишь на рассохшейся кадушке сидела коричневая бабочка. Когда мы вошли, она вылетела в солнечную щель. Мы шагнули в кухню. Здесь разевала темную пасть русская печь, выложенная по верху зелеными изразцами. В углу валялись некрашеные табуретки. На широком столе сидел серый зверек. Мы не успели его разглядеть: он стрелой вылетел в разбитое окно. На столе осталась шелуха каких-то семечек.

Мы на цыпочках обошли комнаты. Их было две. Половицы мягко прогибались под ногами. На них желтели под солнцем остатки краски. В комнатах сохранилась кое-какая мебель: ржавая кровать, облезлые стулья, книжный шкаф с побитыми стеклами. Шкаф был на полметра отодвинут от стены, будто его пытались унести из дома, а потом бросили.

Я хотел заглянуть за шкаф, но в это время за окнами прокатился железный гул. Нервы у нас были слегка натянуты, и мы вздрогнули. Гул донесся опять, и в окнах потемнело. В углах на паутине погасли золотые точки.

Мы выскочили на крыльцо. Из-за деревьев накатывала синяя туча. Она проглотила солнце, и только узкие прямые лучи его вылетали из-за облачного гребня. Гребень золотился. Он был косматый и быстро двигался.

— Ковер! — крикнул я.

Мы стремительно скатали ковер-самолет в трубу и втащили в дом. И правильно сделали. Тут же по верхушкам травы, по крыльцу и стеклам защелкали крупнокалиберные капли, а затем ударил ливень. Он с такой силой грянул о крышу, что в доме загудело, как в барабане. Потом сквозь темноту ливня пробилась розовая вспышка, и грохнуло так, что мы схватились за уши и тихо присели у стены.

— Вот это попались, — прошептал Виталька.

— Может, скоро кончится? — неуверенно сказал я и присел еще ниже, потому что грохнуло сильнее прежнего.

Было неуютно и зябко. В разбитые окна летели колючие брызги, а в двери прорывался сырой ветер. Закрыть двери было нельзя: они давно осели на петлях и заклинились. Да и жутковато было отрываться от стены и подходить к дверям, за которыми такая буря.

Гроза бесновалась долго. Нам казалось, что сто часов прошло. Можно было подумать, что не одна гроза, а все на свете грозы собрались над старым домом, чтобы залить дождями, ослепить, оглушить двух мальчишек...

Наконец раскаты стали глуше, а шум дождя ровнее.

— Уходит, — облегченно вздохнул Виталька.

Но напрасно он обрадовался. Дождь стал монотонным, спокойным и не хотел кончаться.

— Вот черт, — уныло сказал Виталька. — А если он на несколько дней зарядит?

Что тогда будет, можно и не говорить. Пешком нам и за неделю не добраться до дома. Да и где дорога? Бедная мама, бедная тетя Валя, которые будут искать нас и мучиться от страшных предположений! И бедные мы, конечно! Потому что влетит нам, как никогда еще в жизни не влетало. И бедный ковер-самолет, который у нас наверняка отберут...

— А может, и не зарядит на несколько дней. Я что-то не чувствую, что он затяжной, голос у него не такой, — более бодрым тоном сказал Виталька. — Чего раньше времени страдать?

Я не хотел при нем раскисать и заметил, что сами мечтали о приключениях, вот и заработали.

— В конце концов нам повезло, что дом нашли, — сказал Виталька. — Если бы нас в лесу прижало, что тогда?

В самом деле! Старый, неуютный дом сразу показался мне добрым. Я с благодарностью посмотрел на облезший потолок, за которым слышался плеск дождя.

— Можно и заночевать, — предложил я. — Домой и завтра успеем. Хлеб еще есть...

За окнами темнело. В углах что-то стонало и поскрипывало. Делалось страшновато. И продрогли мы. Но все-таки мы были вдвоем, и с нами — наш ковер-самолет.

Мы расстелили его напротив шкафа, у стены, легли на одну половину, а другой накрылись. С головой. Ковер окутал нас шелковистой теплотой, мы прижались друг к другу. Правда, в ноги поддувало, но это пустяк. Все равно было хорошо. И даже шум дождя, который отдавался в пустом доме, был теперь нестрашным и уютным.

Интересный дом. Кто в нем жил? Лесники, или охотники, или геологи? Или просто человек, который любил тишину и одиночество?

Почему люди ушли? И давно ли? Непонятно. Может, год назад, а может, давным-давно, когда нас на свете не было...

Мы с Виталькой немного пошептались об этом и заснули.

Я не знаю, почему проснулся. Виталька тепло дышал мне в щеку. Дождь кончился, и за окном, над черными деревьями, быстро летели клочковатые облака. Иногда из них мячиком выпрыгивала яркая луна, и в комнате делалось светло.

Стояла странная тишина. Неполная. Сквозь нее пробивалось тиканье — ровное и звонкое.

Я толкнул Витальку. Он поворчал, почмокал губами и проснулся.

— Слушай, — велел я.

— Тик-так, тик-так... — доносилось откуда-то из-за шкафа.

Капли? Сверчок? Нет...

Мне стало страшно. Не знаю, почему, но здорово страшно. Витальке, кажется, тоже. Но еще страшнее — лежать и не знать, что там: или тихие шаги, или чье-то сердце стукает...

Виталька медленно откинул ковер. Встал. Я тоже встал. Пробежали мурашки — ночной воздух был сырой и зябкий.

Мы крепко взялись за руки и на цыпочках

двинулись к шкафу. Луна выкатилась опять и добросовестно светила в окно. А половицы, как полагается в таинственном доме, поскрипывали. Мы заглянули за шкаф.

Там была еще одна дверь.

Дверь в третью комнату, которую мы раньше не заметили.

Тикало в этой комнате.

Мы вместе плечом к плечу протиснулись в дверь. Комната была маленькая, с одним окном. Окно было темным, потому что луна светила с другой стороны. Виталька включил фонарик. Желтый круг пополз по стене, и в этом круге мы увидели ходики.

Это они бросали в тишину свое «тик-так» и ровно качали маятником.

Мы прижались друг к другу.

Если бы мы увидели привидение или разбойника, то тогда испугались бы не больше.

Ходики шли!

Дом был пуст, давно заброшен, а они тикали так же мирно и обыкновенно, как у нас на кухне!

Кто здесь живет? Что за невидимка подтягивает гирю? Кто подвесил к гире для дополнительного веса большой старинный ключ? (У нас дома тоже была подвешена к такой же гире додобавочная тяжесть — сломанные плоскогубцы. Старые ходики часто в этом нуждаются.)

Днем, наверное, мы так не испугались бы. Но сейчас нам эти живые часы в заброшенном доме показались жуткой загадкой. Мы тихо отступили от них и прижались плечами друг к другу, а лопатками к стене у окна. Виталька продолжал держать часы в светлом круге фонарика. Он словно боялся, что, если выпустит их из света, может случиться что-то страшное.

— А может, кто-нибудь случайный до нас приходил сегодня? — спросил я жалобным шепотом. — Пришел и пустил их, а?

У Витальки досадливо шевельнулось плечо: он отвергал мое предположение. В самом деле, никаких следов не было ни в доме, ни в траве у крыльца.

— А может... — начал я опять, сам не зная, что скажу.

Виталька толкнул меня локтем.

В тиканье часов пробились другие звуки. Это было легкое постукивание по половицам, словно кто-то на легких каблучках подходил к нашей комнате.

Это были тихие, но уверенные шаги.

Виталька выключил фонарик. Мы перестали дышать и сели на корточки.

Мои глаза еще не привыкли к сумраку, но все-таки я различал проем открытой двери, карнизы, белый циферблат ходиков, большие щели на стене. Стена была мутно-серой. И вот на этом сером фоне возник силуэт пришельца.

Это был зверь.

Постукивая когтями по полу, он вошел в комнату и настороженно остановился.

Виталька включил фонарик. Не знаю, нарочно или с перепугу. Свет метнулся по комнате и упал на зверя.

Зверь был собакой. Большой рыжей собакой с висячими ушами.

Собака мотнула головой, замигала от света, но не отпрыгнула, не оскалилась, не зарычала. Она молча подошла и ткнулась мне в колени мокрым носом.

Это было так неожиданно и так хорошо, что страх пропал в одну секунду. Я сразу понял, почувствовал, что это добрая собака и что она рада нам. И, ничуть не боясь, обнял ее за шею, потрепал ее длинные уши, и, радуясь счастливому исходу страшного приключения, сказал ей:

— Ух ты, собака. Ух, как ты нас перепугала. Ух ты, моя хорошая.

Хвост у собаки заметался так, что по ногам у нас прошел ветер.

Виталька притиснулся вплотную и спросил у собаки:

— Ты кто? Где твой хозяин?

А она мотала хвостом, толкала мне голову под мышку, прижималась косматым боком.

А правда, где ее хозяин? Он, наверно, придет сейчас следом? Что он за человек? А вдруг он не такой добрый, как собака?

Короткий гудящий толчок заставил нас вздрогнуть. Но ничего страшного не было: это гиря часов рывком опустилась на несколько сантиметров и теперь вместе с тяжелым ключом покачивалась у самого пола.

Но собака насторожилась. Она высвободила голову у меня из-под мышки, прислушалась. А потом сделала такое, что мы притихли от изумления.

Она подошла к часам, встала на задние лапы, передними уперлась в стену, а зубами ухватила цепочку. Тр-р-р! — гиря и ключи поехали вверх. А собака встала на четыре лапы, махнула хвостом и оглянулась на нас.

— Ух ты умница! — сказал я.

— Нет у нее хозяина, — с облегчением сказал Виталька. — Все уехали, а она одна осталась. И сама заводит часы.

— А зачем?

— Кто же знает? Наверно, привыкла, что в доме обязательно часы ходят. Наверно, ждет, что люди вернутся и думает, что часы — это очень важно. Может, она их и при людях заводила, а сейчас не хочет бросать...

Жаль мне стало эту собаку и захотелось сделать ей что-то хорошее, приласкать, помочь чем-то.

— Иди сюда, собака, — позвал я. — Тебя бросили, да?

Она опять подошла и положила мне голову на колени. К морде у нее прилипла шерсть и мелкие перышки.

— Слопала кого-то, — сказал Виталька.

Мне совсем не хотелось думать, что такая хорошая собака может кого-то слопать. Но Виталька опять заговорил:

— Конечно. А что ей делать? Раз бросили, надо самой кормиться, вот она и охотится.

Бросили! Такую собаку оставили! Что это за люди?!

Постукивая когтями по полу, зверь вошел в комнату и настороженно остановился.

— Разве можно бросать собак? — возмущенно сказал я. — Она здесь, наверно, не один год живет и все ждет...

— Откуда мы знаем, что здесь было? — рассудительно откликнулся Виталька. — Может быть, никто не виноват...

Но я не хотел думать, что никто не виноват. Как это? Собака брошена, живет одна и ждет, ждет, ждет. И заводит часы, чтобы дом не был совсем мертвым. Она бережет этот дом для людей, которые про нее забыли. А люди ни при чем?

— Какая она худая, — прошептал Виталька, поглаживая собачью спину.

Мы скормили собаке почти все наши запасы. Она ела жадно и виновато оглядывалась на нас. Извинялась, что не может удержаться.

Потом мы притащили в маленькую комнату ковер. Она казалась нам теперь самой уютной. По-домашнему тикали часы, ходила рядом с нами собака — хозяйка этого дома, и все страхи развеялись.

Мы завернулись в ковер, а собака легла у нас в ногах и стала ровно дышать.

— Хороший пес, — сказал я громким шепотом. В ответ собака постучала хвостом.

— Рада, что люди пришли, — сказал Виталька.

— Завтра возьмем с собой? — спросил я.

— Конечно.

Мы еще немного поговорили о собаке, о старом доме, о тех, кто здесь жил. Почему ушли люди? Почему осталась собака? Кого ждала? Мы потом еще не раз будем придумывать про это всякие истории. А правду так и не узнаем.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

БЕРЕМ С КОММУНИСТОВ ПРИМЕР!

Сергей Яковлевич

У нашего отряда есть старший друг—коммунист Сергей Яковлевич Сиренченко. Он работает на часовом заводе, который шефствует над нашей школой. Сергей Яковлевич — начальник технического отдела одного из самых крупных цехов.

Родное село Сиренченко на Украине. Когда в этом селе организовалась коммуна имени Ленина, родители Сергея вступили в нее. Он сам тогда был совсем маленьким. Во время войны, когда в его село пришли фашисты, Сергей стал юным разведчиком партизан. Гитлеровцы арестовали его отца. А когда отцу удалось бежать, вся семья, спасаясь от расстрела, ушла в лес к партизанам.

Партизанский отряд, в котором вместе со взрослыми воевал Сережа, действовал два года. Потом отряд соединился с частями Красной Армии, родное село было освобождено, а Сережа вернулся в школу, в пятый класс.

Кем только не был Сергей Яковлевич... Окончил мореходное училище, семь лет прослужил на флоте. Строил наш часовой завод. А когда завод был построен, работал там разнорабочим. Окончил вечернюю школу, институт. Сейчас он один из лучших рационализаторов завода. Сделал шестьдесят рацпредложений! Это сэкономило заводу пятнадцать тысяч рублей.

Вот такой друг у нашего отряда!

Отряд имени А. Матросова, школа № 45
г. Ростов-на-Дону

Начало на странице 4.

КАК СРАЖАЛИСЬ С ВАЛЛИ-МОЛЛА

Я живу в городе Байрам-Али. Это в Туркмении. Красивый город, мирный город. А когда-то он не был таким. Очень долго не унимались в Туркмении банды басмачей.

Мне хочется рассказать о своем деде, коммунисте Мухаммеде Атаниязовиче Тедженове. Он был среди тех, кто боролся с бандитами и налаживал мирную жизнь в Советском Туркменистане. Дед рассказывал мне об операциях, в которых ему приходилось принимать участие.

В Кировском районе действовала банда под предводительством бывшего бая Валли-молла... Только расправились с ними, появилась другая банда, под предводительством Мюрды-меле. Бандиты убили трех пограничников, но их удалось задержать. Один Мюрды-меле успел сбежать в Афганистан.

Часто приходилось деду подниматься по тревоге. Время было трудное, опасное. Дед и его товарищи и не знали тогда, что такое выходные. Каждую минуту они были готовы дать отпор бандитам.

Окончил службу дед майором. У него много боевых наград. Мне нравится слушать его рассказы, но он не очень-то любит говорить о себе. Зато часто вспоминает своих друзей. И, может быть, кто-то из них откликнется, прочитав эти строки?

Валера ТЕДЖЕНОВ,
г. Байрам-Али, Туркменская ССР

«Шахтеры — гвардия труда». Рисунок Володи Кривенко. Он был в Артеке, в дружине «Хрустальная».

Когда вокруг столько дел...

Есть у нас в селе человек — заведующий клубом Иван Иванович. В селе его любят все. И не удивительно, что по вечерам в клубе собирается много людей. Постороннему трудно поверить, что организует всю работу уже немолодой человек.

На фронт Иван Иванович пошел в восемнадцать лет добровольцем. Был тяжело ранен. Победу встретил на чешской земле. Вернулся в наш колхоз и вместе со всеми восстанавливал хозяйство. Его избрали председателем колхоза. Много было трудностей на разрушенной и разграбленной фашистами земле. Но люди справились с ними. И скоро колхоз стал одним из лучших в районе.

А потом случилось несчастье. На строительстве упавшее бревно сломало Ивану Ивановичу ноги. После долгого лечения врачи посоветовали ему оставить работу. Но он говорил: «Не могу сидеть дома, когда вокруг столько дел». И дело действительно нашлось. Клуб наш тогда почти все время на замке стоял, скучно там было. Иван Иванович взялся за это дело.

На Доске почета «Ветераны войны — ветераны труда» он один из первых. И на груди у коммуниста Ивана Ивановича рядом с боевыми наградами — трудовые.

Наташа НЕГРЯ, село Угля, Закарпатская обл.

ОЦЕНКА «ОТЛИЧНО»

Моему папе тридцать шесть лет. Ему всегда хотелось работать на железной дороге. Поэтому после окончания семилетки он поступил на паровоз кочегаром. Потом служил три года в армии и был командиром зенитного орудия. Вернулся из армии, и опять на железную дорогу. На этот раз слесарем в паровозное депо. После работы, по вечерам, учился в школе рабочей молодежи. Как лучшего ученика школы и отличного рабочего его направили в Днепропетровск, в институт инженеров транспорта. Институт папа окончил с отличием. Поступил в аспирантуру, защитил диссертацию и остался в институте для научно-исследовательской работы.

На железных дорогах давно уже нет паровозов. Папа и его товарищи разрабатывают в институте модели новых электровозов, более мощных, более удобных, более выгодных, чем те, которые есть. А после работы папа идет заниматься другой работой: он командир народной добровольной дружины. И тут он тоже успевает делать все отлично. Если бы всем людям выставляли, как в школе, оценки, то ему бы, мне кажется, поставили «отлично».

Вадим ЛОСЬ, г. Днепропетровск

Птичница

Евдокия Савельевна Бажанова — птичница в колхозе «Родина». «Птичница, тоже мне профессия! — думала я раньше. — Что тут сложного? Покормила кур, собрала яйца, чего еще?» И вот однажды я пришла на птицеферму. Даже в глазах у меня зарябило — столько там несушек. Длинными-длинными рядами стоят кормушки, а между ними ходит Евдокия Савельевна. И куры ее нисколько не боятся. А стоило подойти мне, так они всполошились и стали кидаться в разные стороны. Я испугалась больше них — раскудахтались они так, что хоть уши затыкай. А Евдокия Савельевна ничего, улыбается.

Помогла я ей собрать яйца, уложила их в ящики, налила курам воды, стала мусор убирать. Но работы еще хоть отбавляй. Мне пора уже было домой делать уроки. А Евдокия Савельевна все еще оставалась на ферме.

Коммунист Бажанова — ударник коммунистического труда.

Алла ЗРЯНИНА, г. Михайловка, Волгоградская обл.

«МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД»
«Молодая гвардия», 1975.

СЫНЫ ПОЛКОВ

С первых дней Великой Отечественной войны плечом к плечу со взрослыми сражались и твои ровесники: юные пехотинцы и артиллеристы, танкисты и матросы, связисты и санитары—сыновья фронтовых полков.

В прошлом году, когда вся страна готовилась к празднику 30-летия Победы над фашистской Германией, журналист Владимир Караваев рассказывал о них в нашем журнале.

Караваев тоже был сыном полка, а потом долгое время разыскивал юных героев. Во многом помогли ему красные следопыты.

Помните, во втором номере «Пионера» за 1975 год он рассказал о Ване Лапе, воспитаннике 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 4-й гвардейской армии? А несколько месяцев спустя в редакцию пришло письмо следопытов Котелевской восьмилетней школы № 4, в котором они сообщили, что разыскали Ивана Ивановича Лапу...

Первая книга В. Караваева «Медаль за бой, медаль за труд» вышла несколько лет назад. Недавно издательство «Молодая гвардия» выпустило второе издание этой книги, дополненное рассказами о юных героях, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны и в партизанских отрядах, и о мальчишках и девчонках, заменивших в тылу ушедших на фронт матерей и отцов.

«Не для забавы шили двенадцатилетним мальчикам гимнастерки и маленькие сапоги. Началом судьбы сыновей полков была непременно большая беда»,— пишет в предисловии к книге поэт Евгений Долматовский.

Ребята теряли близких, на их глазах фашисты сжигали родные деревни, угоняли в плен родителей.

Давай вместе перелистаем страницы этой книги, рассмотрим фотографии. Вот Коля Чернорук. Юному гвардейцу только что вручили боевую награду; Ваня Шкалев выполняет боевое задание — ему поручили доставить партизанам воз с сеном; Жора Артеменков у стен рейхстага в День Победы.

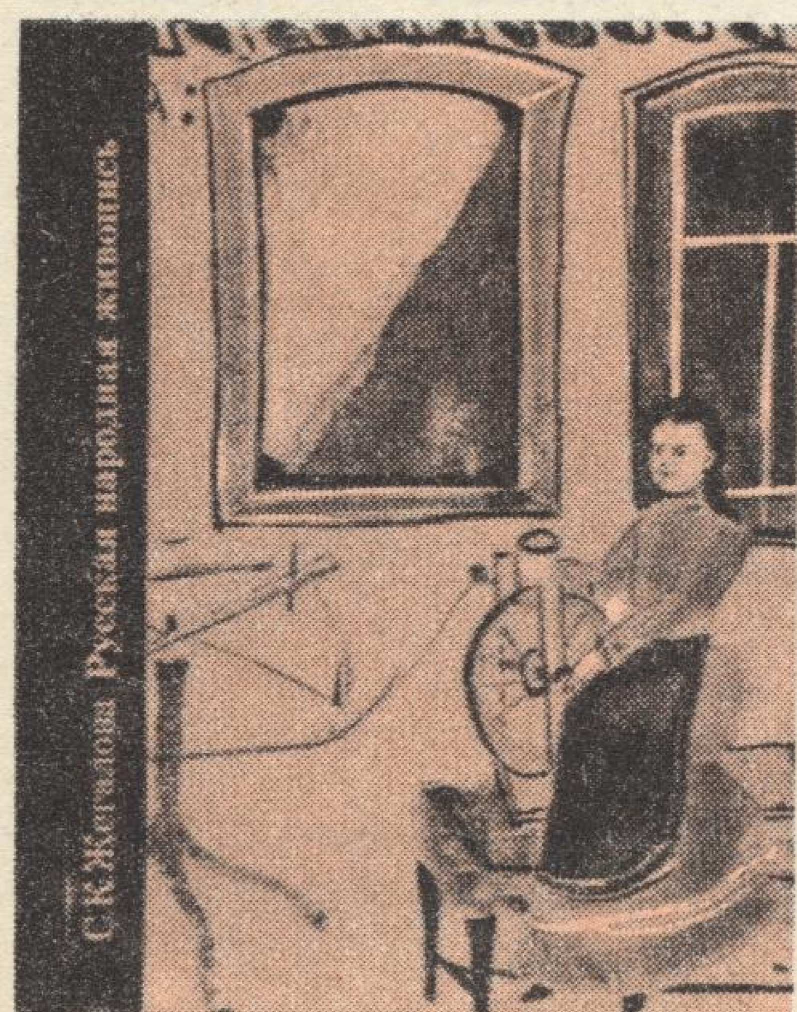
А вот ребята сфотографировались с теми, кто их берег и воспитывал,— со своими старшими фронтовыми товарищами. Мальчики приносили с собой на фронт тепло далекого, оставленного солдатами дома, память о нем.

Вглядитесь в эти фотографии и вы, прочитайте рассказы о ваших ровесниках, юных героях, которые с мужеством взрослых боролись за Родину.

Н. ЕЛИСТРАТОВА

С. Жегалова
«РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЖИВОПИСЬ»
«Просвещение». 1975

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Книга С. Жегаловой, яркая, красочная, будто ковер-самолет перенесет тебя через быстрые реки, дремучие леса, через столетия и опустит на площадь русского города XVII века. Ты окажешься в мире из дерева: княжеские хоромы и избы, возки, миски, колыбели и ложки наши предки делали из дерева. Может быть, ты думаешь, город из-за этого был бескрасочным? Совсем нет!

Все предметы, которыми русские люди пользовались в быту,— прялки, ложки, пряничные доски — они расписывали фантастическими травами и цветами, на колыбелях и сундуках рисовали сцены из своей жизни. Рассматривая эти рисунки, мы совершаем путешествие в прошлое, мы узнаем, как жили тогда люди, какую носили одежду, о чем мечтали, какими они были. Мы знакомимся с ними по этим рисункам.

В каждую эпоху можно найти вещи или предметы, особенно для своего времени характерные. Рассказывая о XVII веке, нельзя не упомянуть о сундуке. Каких только сундуков тогда не было! Сундук-теремок, тяжелый, дубовый, окованный железными полосами, и простой лубяной короб, и сундук-подголовник, который держали в изголовье, потому что хранили в нем самое ценное. Сундуки можно было увидеть и в царских палатах и в крестьянской избе. И до чего затейливо расписывали их мастера! Вот одна такая картина: кентавр целится в огром-

Вот уже знакомые тебе Полкан и попугай.

ного попугая. Кентавров ты знаешь по мифам, это получеловек, полуконь. На Руси слово «полуконь» превратилось в куда более понятное «полкан», поэтому и назвали кентавров «полканами».

Рисунок и сам по себе хорош, но сколько он может рассказать знатоку эпохи, историку! Известно, что такие сундуки делали в Великом Устюге. Далеко от столицы жил художник, расписавший

Затейливая роспись на прялке, целая картина: свадебный выезд.

сундук. Но он был человеком образованным, знакомым с литературой: из переводных повестей явился на Русь богатырь, Полкан. И он был в курсе событий своего времени, хотя газет в ту пору не издавали и радио, как вы знаете, изобретено не было. Вот он изобразил попугая, а ведь в те времена попугай был чудом заморским, дивом дивным. Впервые яркую птицу привез в подарок Ивану III римский посол. В XVII веке «папагалов», как называли тогда попугаев, можно было купить в Москве, в Охотном ряду. Судя по рисунку, художник рисовал попугая не по рассказам, а сам видел, наблюдал, каждое перышко любовно выписывал.

И все-таки вышла сказочная птица: она как бы висит в воздухе, в завитках трав, она чуть ли не вдвое больше коня, и какое-то хищное выражение сумел придать ей художник.

Но не только в прошлое приглашает тебя автор книги. В небольших городках и селах и сейчас живут народные художники. Конечно, это совсем другие люди, чем умелец XVII века. Но в их картинах, в красках по-прежнему светится радость и доброта, живет мастерство, которое в наследство им оставили деды и прадеды.

К ним-то и советует отправиться в экспедицию историк и искусствовед С. Жегалова.

К такой экспедиции надо подготовиться заранее: изучить историю своего края и историю художественных промыслов, составить план работы.

Не забудьте взять с собой фотоаппарат и две толстых тетради: в одной будете вести подробный дневник и записывать рассказы народных художников, в другую перепишите все собранные вами экспонаты.

В каждом из этих экспонатов — сделаны они из глины или дерева — хранится «кусочек» твоей земли, сколочек истории и живой души твоего народа.

Инна АНДРЕЕВА

А вот гусары, охраняющие замок сундука.

Людмила Матвеева
«ДВЕНАДЦАТЬ ПАЛОЧЕК».
«Детская литература», 1975.

Двенадцать палочек и сто друзей

Новая книга **Людмилы Матвеевой** называется **«Двенадцать палочек».**

Есть такая игра — двенадцать палочек. И название у книги такое же. И рассказов в книге ровно двенадцать. Интересно получилось — вроде игры. В этой книге много веселого, озорного.

Радость начинается уже с обложки — легкий бег девочки по цветастому лугу, желтый венок танцует на тонкой руке. Куда она мчится, эта девочка? Наверное, никуда, просто бегает от радости.

И когда читаешь книгу, чувство радости все время с тобой. Иногда ты смеешься, иногда задумываешь-

Рисунки к рассказам Л. Матвеевой сделала художница Ю. Карпова. Это Тимка — герой рассказа «Вечер встречи».

ся, иногда грустишь. Погрустить человеку тоже необходимо, в этом есть своя радость.

Очень смешной рассказ «Тройной обмен», его герои — сегодняшние ребята. «Так пролегла дорога» — рассказ про войну, про то, как девочка работала в госпитале, как трудно и необходимо помогать людям, когда им плохо.

А все вместе двенадцать историй этой книги складываются в единое целое и рисуют жизнь твоего сверстника. Есть нечто, объединяющее детство всех времен. И Людмила Матвеева, рассказывая о сегодняшних ребятах, как бы протягивает ниточку к тем, чье детство пришлось на далекие довоенные и военные годы. И все равно и те, отдаленные годами, твои сверстники покажутся тебе близкими и понятными, потому что есть чувства и явления, которые объединяют детство всех времен.

Потому и близки нам герои любимых книг, что в этих героях мы узнаем себя, а в их переживаниях — свои переживания. Ты читаешь, и вдруг чувствуешь, что испытывал что-то похожее.

Писательница Матвеева не любит говорить со своим читателем слишком подробно, все объясняя. Она знает, что ее читатель — человек понятливый и тонкий. Если мальчишка сидит на скамейке и подпирает спиной забор, значит, ему не с кем играть. И это печальное обстоятельство понятно без объяснений. Если в автобусе поют песню «Я играю на гармошке», то ты догадываешься, что действие происходит сегодня. В другом рассказе говорится, что мальчик Костя похож на Тимура из нового кинофильма. Этот кинофильм был новым в конце тридцатых годов. И дети из этого рассказа чем-то отличаются от сегодняшних детей. А в чем-то такие же. И, читая книгу, ты поймешь: это было давно, а это — сегодня. Главное в книге — ребята. Их характеры, их отношения, их дела и чувства.

«Вы, наверное, совсем забыли свое детство! Эх вы!» — это девочка Майка из рассказа «Слушайте все!» упрекнула своих родителей. Такой упрек никто не бросит Людмиле Матвеевой, потому что память детства не затуманилась у нее временем и она помнит все детское так ясно, как будто это происходит с ней сегодня. Но, конечно, дело здесь не только в хорошей памяти. Людмила Матвеева умеет соединить, сплавить память детства и опыт своей прожитой жизни. Она смотрит на ребят глазами взрослого и в то же время понимает их так, как может понимать только тот, кто не порвал с детством.

В каждом рассказе есть испытание, трудности, но герои преодолевают их. Член редколлегии Олег Суханов перестает бояться страшных угроз Дубасова: «Ох, сейчас я тебе врежу!» («Три девчонки, один я»). Сережа побеждает свой страх и прыгает с самого высокого во дворе гаража («Медведь»). Да, высокий гараж не так уж высок, и прыгнул Сережа в мягкий сугроб. И силач Дубасов, честно говоря, не такой уж опасный враг. Но не страшными бывают преодоленные трудности. А когда тебе трудно, когда что-то не получается, тогда это настоящая трудность и ты переживаешь ее серьезно. Это уж потом, когда победа одержана, можно сказать: «Все это было не так уж важно».

А это Майка и Саша из рассказа «Слушайте все!».

Писательница знает жизнь, она считает, что в детстве, как и во взрослом существовании, не всегда все безоблачно. Но Людмила Матвеева верит, что все должно кончаться хорошо.

И еще об одном качестве писательницы я хочу сказать. У нее пристальный взгляд. И пусть жизнь ее героев бежит быстро, «несется куда-то». Своей властью автора она как бы останавливает бег жизни, чтобы вместе с тобой пристально вглядеться в картину, которую она рисует. Кудрявые хризантемы напоминают болонку. Льется из стеклянного конуса томатный сок, «стакан наполняется, и видно, как в конусе сок убывает, а на стекле остаются рыжеватые точки». Она видит клеточки, которые отпечатались у мальчика на спине после гамака. Обращает внимание на кастрюли, сваленные в корыто, когда люди переехали на новую квартиру. Каждая такая деталь несет в себе настроение, раскрытие характера. Важно все, что окружает тебя в повседневной, обычной жизни. Но Людмила Матвеева хочет сказать, что еще важнее, чтобы повседневные заботы каждого обыкновенного дня не отняли у человека умение видеть красоту мира, зимний лес и ели, засыпанные снегом, слышать звонкий голос трубы старого горниста, голос дружбы и верности. Этот чистый голос романтики звучит и в прежних книгах Людмилы Матвеевой («Старый барабанщик», «Казаки-разбойники»). В этой книге она верна себе — веселая выдумка, серьезные раздумья, шутливые слова и грустные слова, высокие мечты и необыденная обыденность.

Многие рассказы из книги «Двенадцать палочек» печатались в «Пионере», другие ты прочитаешь впервые. У тебя появятся новые друзья. А новые друзья — всегда радость.

Н. ПАВЛОВА

Донесение штаба Тимура Домоуправление № 3 города Ленинабада

Целый месяц разведчики не появлялись в штабе. И вот наконец разведка доложила: в зоне действия нашего тимуровского штаба живут 600 ветеранов Коммунистической партии. Со многими из них ребятам удалось познакомиться.

Командир дворовой команды Валера Кругляк пригласил в гости к штабистам коммуниста Анатолия Семеновича Старичкова. Анатолий Семенович родился в Москве, был пионером, потом — вожатым. Ему два раза посчастливилось видеть Владимира Ильича Ленина. Во время Великой Отечественной войны Старичков сражался с фашистами. В Коммунистическую партию его принимали, когда наша армия освобождала Румынию. Анатолия Семеновича наградили орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, четырьмя боевыми медалями.

Старый коммунист часто стал приходить к нам на заседания штаба Тимура, советовал, какие провести тимуровские операции, помог организовать слет тимуровцев под девизом «Берем с коммунистов пример!». 247 тимуровцев присутствовало на нем. Перед нами выступали коммунисты: делегаты XVII съезда Коммунистической партии Таджикистана, секретари партийных организаций и рабочие фабрик и заводов нашего района, наши мамы и папы. Рассказывали о том, как работают, какие приняли личные обязательства на десятую пятилетку как думают их выполнять.

Очень запомнилась нам эта встреча. Каждое выступление было рассказом о ярких судьбах и больших делах. И еще мы поняли, как нам нужно жить, учиться и работать, чтобы быть достойными коммунистов, их судеб, их дел.

Олим Салиев, командир штаба Тимура

Донесение отряда «Поиск» Данковской средней школы города Серпухова

Наш отряд был создан 9 мая 1948 года, когда ребята из Данковской школы познакомились с коммунистом героем Великой Отечественной войны Алексеем Александровичем Чхеидзе. Чхеидзе—инвалид, и—поколение за поколением — пионеры шефствовали над ним: каждый день навещали Алексея Александровича, читали ему свежие газеты, журналы, помогали вести переписку. Постепенно шефство переросло в крепкую дружбу. А. А. Чхеидзе стал руководителем отряда «Поиск». Он помог нам собрать большой материал об освободительном походе на Дунае.

Сейчас эта работа подхвачена пионерами не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Из Югославии нам пишут: разыскали лоцманов, которые помогали советским морякам во время боев на Дунае. Сообщают из Венгрии: собрали материалы о совместной борьбе советских и венгерских воинов против фашистов.

И всякая работа у нас спорится, потому что всегда рядом с нами коммунист Алексей Александрович Чхеидзе. С него мы берем пример мужества и героизма, беззаветной преданности Родине!

Члены штаба отряда «Поиск» Наташа Калинина и Вера Скворцова.

★ Поиск ★

Члены городского тимуровского штаба Улан-Удэ продолжают поиск тимуровских вожатых военных лет.

КРЕПКАЯ ЦЕПОЧКА

День и ночь приходят эшелоны на товарную станцию. На фронт везут оружие, боеприпасы, продовольствие; в тыл — поврежденную технику, сырье для предприятий Улан-Удэ. Рабочих мало, просто рук не хватает на все эти ящики, мешки.

Но ни один эшелон минуты лишней не простоял. Потому что всегда в трудную минуту появлялись на станции тимуровцы: «На каком пути эшелон стоит? Куда складывать?»

Лида Сергеева окончила десятый класс в мае сорок первого. Когда началась война, пошла вожатой в 64-ю школу и организовала там тимуровскую команду. У тимуровцев была крепкая «цепочка», ребята могли быстро собираться по сигналу командира.

Ночью тимуровцы дежурили в школе: кому бы, где бы ни понадобилась помощь — срабатывала «цепочка», тимуровцы спешили на выручку.

В 1942 году Лидию Васильевну Сергееву избрали секретарем обкома комсомола, в 1947 году она была награждена орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд».

Сейчас она работает в детской редакции радио. Мы дружим.

Рисунки В. ЦИКОТЫ.

От киля до клотика

КОРАБЕЛ ВАСИЛИЙ СМИРНОВ

Училище морского судостроения Василий окончил в 1937 году — тридцать девять лет назад. Называли тогда ребят из фабрично-заводских училищ ласковым словом «фабзайчата».

Горячее было время — годы первых пятилеток! По всей стране гремела трудовая слава Алексея Стаханова и его последователей — машиниста Кривоноса и кузнеца Бусыгина, ткачих сестер Виноградовых и трактористки Ангелиной. И Вася Смирнов, переступив порог Балтийского завода, представлял себе, как гордо сходит со стапеля могучее судно, сделанное его руками, как гремят оркестры и Михаил Иванович Калинин вручает ему сверкающий орден...

Но уже через несколько дней Василий понял, что до ордена далековато. Нужно было резать металл и сверлить отверстия, зачищать швы и сваривать секции. Была нелегкая работа под осенним дождем и февральской метелью, а летом — в душных отсеках, раскаленных солнцем.

Но постепенно крепли рабочие навыки, послушным становился металл, появилось мастерство.

А потом был гром оркестра, но не в его честь, а в честь плавно скользящего на воду корабля. Первого, сработанного Василием Смирновым. Значит, все-таки немного и в его честь...

Только за последние двадцать пять лет Герой Социалистического Труда, бригадир слесарей-судосборщиков Балтийского завода Василий Александрович Смирнов проводил в большое плавание десятки могучих судов, сделанных и его руками.

Танкеры и лесовозы, рудовозы и ледоколы — они бороздят воды Ледовитого, Тихого, Индийского океанов...

Флагман нашего ледокольного флота — могучий атомный корабль «Арктика». Сколько рабочей смекалки, инженерной выдумки потребовало его строительство!

— А главные основы этой смекалки, всего моего слесарного умения были заложены вот здесь, — говорит Василий Александрович и показывает на дома в глубине улицы. На дверях табличка: «Профессионально - техническое училище № 25».

— Здание, правда, не то, — добавляет Василий Александрович, — и название переменилось. Но традиции остались прежние. Хорошие, рабочие традиции.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ВЕРФЬ?

Я вхожу в ленинградское ПТУ № 25, знакомлюсь с его директором Владимиром Павловичем Плехановым.

— Для начала посмотрите нашу летопись, — говорит Владимир Павлович. — Училищу почти сто лет!

Беру в руки тяжелый альбом в плотном темно-красном переплете.

На первой странице запись: **«1878 год. Основана корабельная ремесленная школа. Обучается 75 юношей».**

На десятой странице другая важная дата: **«1920 год. Школа корабельная переименована в школу ФЗУ морского судостроения».**

И, наконец, на одной из последних страниц читаю: **«ПТУ со средним образованием. 1050 учащихся».**

...На столе перед Рушаном Черемчеевым пульт обучающей машины, слева — карточки. Вставил Рушан карточку в машину — на экране высветился вопрос по тригонометрии. Рядом пять вариантов ответов. Подумав, Рушан нажимает четвертую кнопку. Загорается табло: «Ответ неправильный». Рушан берет новую карточку, нажимает кнопку. Машина довольна: «Ответ правильный». Количество точных и неверных ответов регистрируется на пульте преподавателя. Идет урок в кабинете математики.

Математика. С нее все здесь и начинается.

В кабинете судостроения во всю стену огромный чертеж — образец плазовой разбивки гидрографического судна. Плаз — главный цех верфи. Как хозяйка раскраивает ткань, так разметчики из металла раскраивают корпус судна — все его секции, все детали.

Из выкроек-деталей **слесари-монтажники** собирают тысячетонный корпус. Собрать такой корпус — целая наука. Нужно многое знать, владеть десятками инструментов. Ведь металл разных марок сверлят по-разному. Одна сталь вязкая и мягкая, другая твердая и хрупкая. Как обращаться с той или иной маркой стали, как к ним «подойти», учит специальная наука, металловедение, совершенно обязательная для слесаря.

Без корпуса нет судна. Вот и считают себя слесари-монтажники важными людьми на верфи...

Но без шва электросварки корпус судна развалится, как домик из игрушечных кубиков. А если плохо сварить шов, допустить малейшую «раковину», возникает угроза течи. Короче, если **электросварщик** небрежно сработал, полетит над океаном тревожный сигнал «SOS».

Много нужно знать сварщику: и температуру плавления металлов и свойства химических добавок к электродам... Сделать ровный и прочный шов — целое искусство.

Но вот корпус судна готов — собран и сварен. А чем он будет без сложнейшей механической начинки? Просто большим корытом. И тут берутся за работу **станочники, слесари** и **фрезеровщики.** Чтобы судно проплыло хотя бы десять метров, нужны тысячи муфт и втулок, штуцеров и пальцев.

Я понимаю, что для многих из вас эти названия непонятны. И ребята, впервые перешагнувшие порог токарной мастерской, не сразу осваивали эту грамоту. Но уже через полтора года они разбирались в этих мудреных деталях так же свободно, как вы в десятичных дробях. Вот, например, что нужно знать, чтобы сделать хотя бы самую маленькую деталь:

уметь читать чертежи;

знать тригонометрию (чтобы, например, высчитать угол установки резца);

знать физику (попробуй-ка без нее рассчитать момент

вращения и скорости оборота резца!).

И еще нужна любовь к металлу, к своему делу, умение работать с инструментами, техническая сметка и выдумка.

Только тогда ты сможешь стать станочником, мастером «золотые руки», как Миша Никулин, который завоевал второе место на Всероссийском конкурсе молодых токарей...

Но это еще далеко не все важные на верфи профессии.

— Все, хорошо, — говорят **электромонтажники.** — И корпус судна есть, и механизмы в нем установлены и двигатели. Но без электроэнергии любое судно мертво. Не заработает ни один двигатель. Не зажжется ни одна лампочка. Будет молчать радиостанция. А электроэнергия — это сотни километров кабеля и проводов, это реле и выключатели, это хитроумнейшие схемы.

Кто же на верфи главный? Все, кого мы назвали. И еще **плотники** и **жестянщики, маляры и краснодеревщики...** Все строят судно. От киля до клотика. У мастеров разные инструменты, но дело общее.

И учатся этому делу здесь, в ПТУ. Вот почему не обязательно ехать на настоящую верфь, чтобы узнать корабельное дело. Секреты верфи постигаются в кабинетах училища.

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ РАБОЧИЙ

Стоит в кабинете директора Владимира Павловича Плеханова парнишка и сосредоточенно смотрит себе под ноги.

— Насосы собирал? — спрашивает директор.

— Угу, — угрюмо отвечает его собеседник.

— Сколько запорол?

— Три...

— На практику не пойдешь, — принимает решение Владимир Павлович, — осрамишь училище.

Начинаются мольбы, обещания. Я выхожу и закрываю дверь.

Почему этот паренек так рвется на практику?

При училище создан молодежный клуб «Красная гвоздика». Программа у него богатая: КВН и экскурсии, диспуты и международные встречи. Но самым любимым мероприятием стала традиционная «встреча с будущим».

После работы приезжают в ПТУ его выпускники — Герой Социалистического Труда Василий Александрович Смирнов, Герой Социалистического Труда слесарь Ленинградского Адмиралтейского объединения Андрей Дмитриевич Мамлеев, дважды Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС токарь Балтийского завода Алексей Васильевич Чуев и их товарищи по работе. И начинается разговор.

Говорят обо всем: о трудностях корабельного дела, о своих изобретениях, вспоминают эпизоды минувшей войны. И ребята спрашивают о том, что их интересует: о заводских новостях и о том, как плавает «Арктика», о спортивном клубе завода и о профессиональных хитростях. В глубине души они так же хотят стать похожими на Чуева и Смирнова, как те в их возрасте мечтали походить на Стаханова и Бусыгина...

На Балтийском судостроительном существует прекрасная традиция: на спуск нового судна обязательно приглашаются передовые рабочие. Все вместе они фотографируются на фоне судна, и снимок этот остается навечно на стене в кают-компании. И у каждого парнишки из ПТУ № 25 есть мечта попасть на такую почетную фотографию. Знают, что это нелегко, что надо трудом заслужить высокий титул рабочего человека.

Вот и закончен наш короткий рассказ о 25-м ленинградском профессионально-техническом училище. В заключение маленький эпизод. Приходит паренек в приемную комиссию. Приходит уверенный в себе: куда-куда, а сюда, в ПТУ, примут безо всякого. И вдруг слышит:

— Покажи-ка аттестат. Н-да... С тройками пройти трудновато — у нас конкурс...

И ТЫ СТАНЕШЬ КОМСОМОЛЬЦЕМ

Скоро тебе исполнится четырнадцать лет, и ты, волнуясь, будешь писать заявление в школьный комитет комсомола: «Прошу принять меня в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи...», в ряды многомиллионного отряда юношей и девушек.

Скоро ты станешь одним из тех, кто примет эстафету многих поколений комсомольцев.

Ты должен серьезно подготовиться к вступлению в ряды ВЛКСМ. В этом тебе поможет сборник «ВСТУПАЮЩЕМУ В КОМСОМОЛ», который выпустило издательство «Молодая гвардия».

Книга начинается с исторической речи В. И. Ленина на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года — «Задачи союзов молодежи».

До сих пор слова Владимира Ильича, обращенные к юношам и девушкам,— программа действия для молодежи.

В книге — отрывки из речи Л. И. Брежнева на пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию комсомола. Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза дает наказ молодежи, говорит о том, что значит в наше время учиться коммунизму.

С волнением ты прочитаешь страницы истории и подвигов комсомольцев за пятьдесят лет...

В сборнике — Устав Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, рассказ об орденах на знамени комсомола, о комсомольских наградах, о съездах ВЛКСМ.

...Радостный и взволнованный ты придешь в райком, и тебе вручат маленькую алую книжку с портретом Владимира Ильича Ленина на обложке — символ твоей коммунистической убежденности, символ готовности бороться, побеждать, строить коммунизм.

Будь достоин комсомольского билета!

ПРИЯТНОГО ВАМ ПУТЕШЕСТВИЯ!

Кто из вас, ребята, не мечтает о путешествиях? Приехал человек в незнакомую страну, и все ему интересно: и то, как люди живут, и то, как работают, и то, как дружат.

Писатель **Владимир Торопыгин** немало поездил по свету. О своих впечатлениях он написал книгу **«Про разные страны»**.

Читая книгу, вы познакомитесь с югославской писательницей Мирой Алечкович, с японским мальчиком Кавасаки, который нарисовал портрет Владимира Васильевича, с румынскими девочками Адиной и Ириной.

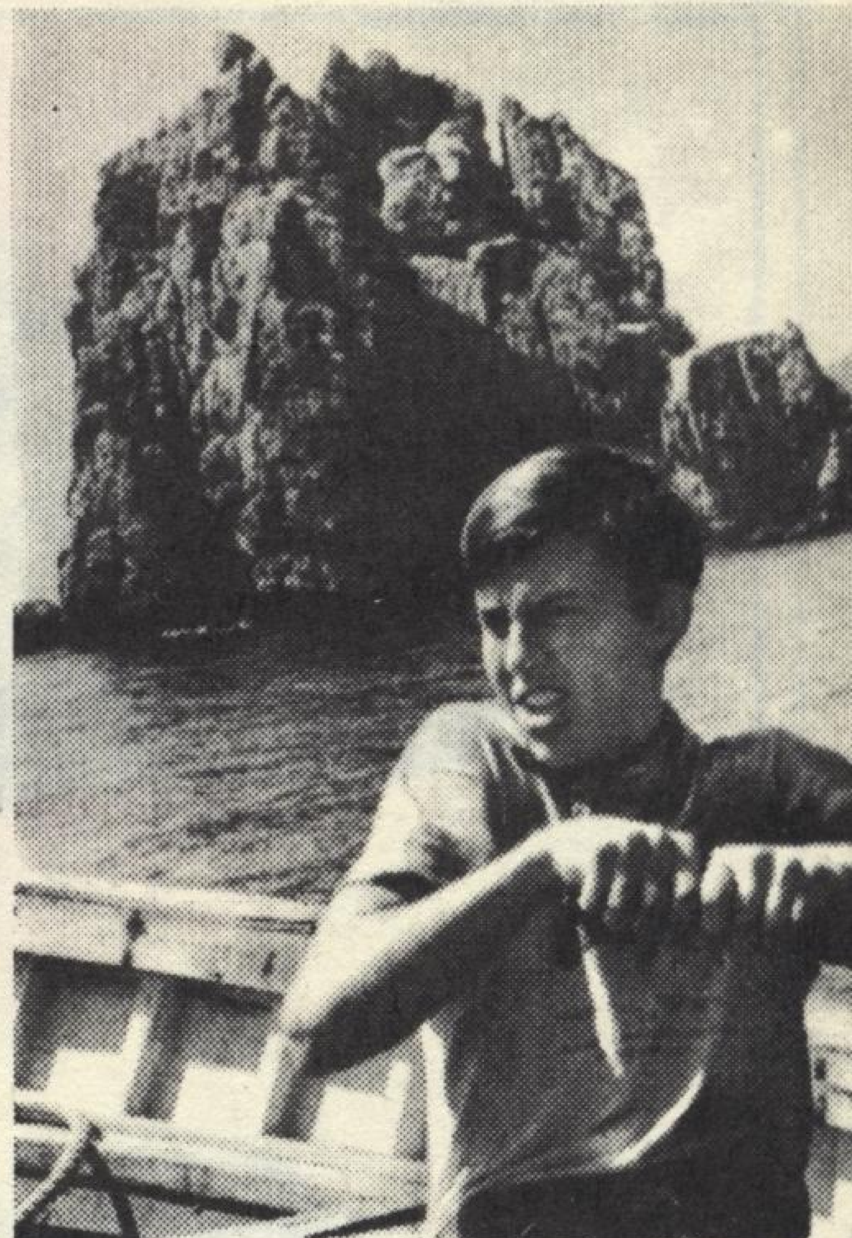
Писатель расскажет вам об «Алеше» — памятнике советскому солдату в болгарском городе Пловдиве, и о Музее села Бухаресте, и о сказочной стране Диснея—Диснейленде.

Прочитайте эту книгу, ребята. Приятного вам путешествия!

Н. СЕРГЕЕВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

США

Моя семья живет в Калифорнии. Это прекрасный край. Но не всем живется радостно в этом прекрасном краю. Кто богат, тот может позволить себе все. А кто беден, кто безработный? Тот еле сводит концы с концами. Мой отец — коммунист. Коммунистическая партия США борется за права трудового народа. Борьба сложная. Но борьба нарастает с каждым днем.

Марк Макафи

ПАЛЕСТИНА

Когда я приехал в Артек, мне показалось, что я очутился в сказочном мире.

И море, и солнце, и прекрасные дворцы — все на самом деле и все, как в сказке.

Счастливые советские ребята!

Наш народ борется за свободу и независимость, а пока мы живем в лагере для беженцев в Ливане.

Я верю, что Палестина будет свободной и у нас будет свой Артек.

Халедаль Джиши

ПОРТУГАЛИЯ

Меня зовут Паулу Валентин Рибейра Альмейда. Мне десять лет. Я живу в Лиссабоне. Мой отец — коммунист, а я пионер. Галстук мне повязали совсем недавно. Я горжусь тем, что помогаю старшим. Мы расклеиваем листовки и плакаты коммунистов, продаем газеты.

Паулу Валентин Рибейра Альмейда

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Катя Глоба живет в поселке Новоберезанский, Краснодарского края.

Каникулы

Птицы звонко так поют,
Дети в школу не идут.
Что это?
Лето!
Дождик тихо-тихо льет,
Василек в траве цветет.
Что это?
Лето!
Солнце теплое сияет,
Вишни, сливы созревают!
Что это?
Лето!

Марина КУЛАКОВА из Горького пробыла смену в Артеке. «Я запомню эти дни на всю жизнь, потому что там я узнала настоящую большую дружбу и огромное счастье жить среди друзей. Я полюбила Артек, его песни, его солнце, его море...»

* * *

Над Аю-Дагом алый флаг:
Мы
покорили Аю-Даг!
И, нашей смелостью сражен,
Склонился перед нами он.
Под нами море, корпуса,
Звенят ребячьи голоса.
Здесь мир и дружба всей Земли
В улыбках детских расцвели.
Над Аю-Дагом алый флаг:
Мы
покорили Аю-Даг!

Любе БРЕКОТКИНОЙ 11 лет. Она живет в поселке Сарва, Нуримановского района. Люба никогда не видела моря, а только читала о нем в книгах и видела в кино. И ей очень хочется поехать к морю!

* * *

Я не видела моря.
Что же это такое?
Может быть, это поле,
Только оно голубое?
Может быть, это озеро,
Только очень глубокое?
Хочется мне все бросить
И мчаться к нему, далекому.
Говорят, там живут дельфины,
Они славные, очень добрые.
Жадно смотрю на картины,
На которых они нарисованы.
Так мне хочется видеть море...

Вот какой рассказ прислал нам Витя МАЛИНОВСКИЙ из Новосибирска. Вите 15 лет

Бабушкины руки

Старые бабушкины руки. Теплые, заскорузлые, добрые. Они и рубашку сошьют, и пирог состряпают, и конфетой угостят. Руки все говорят о своей хозяйке. Коричневые, жилистые — о трудной жизни, о тяжелой работе. Добрые и ласковые — о готовности помочь родным и близким. Пулевая рана около локтя — о войне, о работе медсестрой, о двух медалях за смелость.

Можно сказать, героическая у меня бабушка!

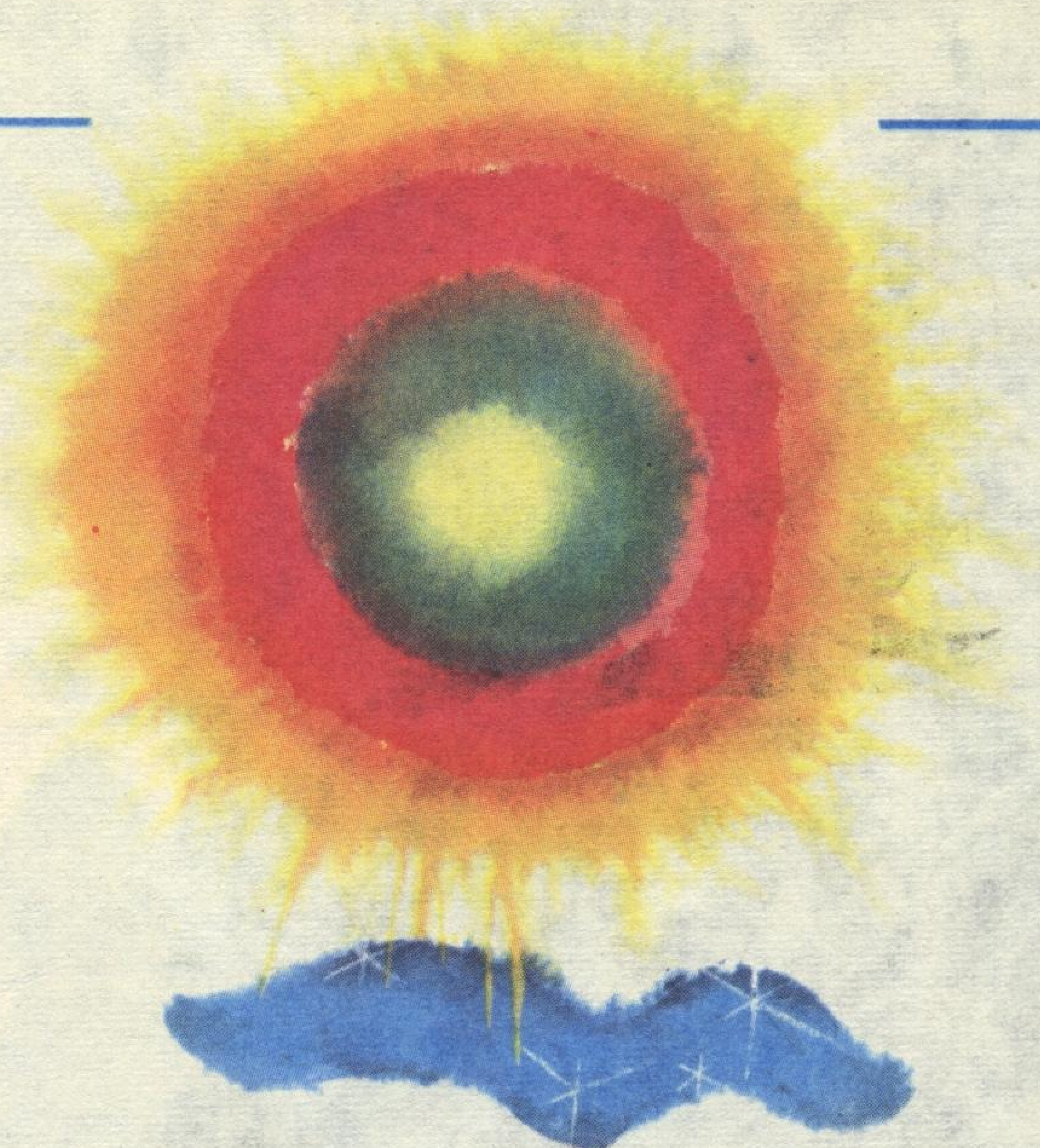

Оле ЛЕБЕДУШКИНОЙ 8 лет. Она живет в поселке Турки, Саратовской области. Стихи у Оли жизнерадостные и очень добрые.

Лужица

Ветерок кружится, кружится.
Отразилось небо в лужице.
Кружится, кружится ветерок...
Голубая лужица — неба кусок.

Эти стихи написал Руслан ВАРФОЛОМЕЕВ из Молдавии. Руслану 10 лет.

Гость

Солнышко бежало по волнам,
Солнышко неслось навстречу нам.
Я его зачерпываю в горсть —
Здравствуй, гость!

Дождь

Серебристый, ветротканый,
Он несется без дороги,
И, весною напоенный,
Он летит, конца не зная,
Будит поле, будит травы,
Гнет дубравы за холмами,
А в росе, лесной и сонной,
Он споткнется и затихнет,
И приляжет, бездыханный,
И уйдет последней каплей.

* * *

Застой долой! Долой покой!
Родник встречается с рекой!
Какая ширь! Какой простор!
Воды и неба разговор.
И дальше катится река
С волною вольной родника.

* * *

Самого чистого звона
Тонкий на луже ледок.
Белая в инее крона,
Будто серебряный стог.
Тронет ее ненароком
Солнца случайного луч,
Станет светло и глубоко
Небо дышать из-за туч...

Рисунки А. ГРИШИНА.

В Тигровой

Юрий КРУТОГОРОВ

Рисунки В. ДУДКИНА.

Про джунгли

Про джунгли я еще в детстве книжки читал.

Непроходимые лесные заросли Индии и Африки, где обитает самое диковинное зверье, где человека не встретишь, были для меня за морями, за горами, за зелеными борами. Само это слово «джунгли» звучало как что-то таинственное, несбыточное.

Джунгли — дикие.

Джунгли — дремучие.

Джунгли — далекие.

Но однажды один знакомый лесовод сказал:

— А знаешь, у нас тоже есть джунгли?

«Шутит»,— подумал я.

— Поезжай в заповедник Тигровая балка,— сказал лесовод,— сам увидишь...

И он показал на карте уголок между двумя южными реками — Вахш и Пяндж — в том месте, где эти реки сливаются.

Я решил поехать.

Лес в пустыне

Далеко позади остались города и села. Дорога ниточкой разматывалась в пустыне, желтой и безлюдной.

Пески да пески.

Обжигающее, как сквозь лупу, солнце застыло в желтом небе.

балке

Небо тоже было похоже на пустыню...

Но вот вдали я увидел коричнево-красные деревья. Они вырастали по мере нашего приближения.

Дорога как бы ввинчивалась в джунгли.

Высокие, с двухэтажный дом, стебли сахарного тростника закрыли небо. Будто кто-то выключил солнце, как электрическую лампочку.

На минуту джунгли поредели. Солнце проглядывало, как сквозь донышко ивовой корзины. И опять темно. Я услышал, как шумят джунгли. Ветер заплутался в них. Он взвывал от досады — рвался на простор. Ведь это был вольный ветер пустыни, он не привык, чтобы ему кто-нибудь мешал.

Через несколько минут мы выехали на опушку. За нею прохладно синело озеро. На берегу стоял дом. В нем жил сторож заповедника дед Павло.

Что такое заповедник

Вот уже несколько дней живу я в заповеднике, и мне тут интересно. Тут все непохоже на привычный лес...

Есть понятие — заповедовать.

Заповедовать — значит запрещать.

Заповедовать — значит давать наказ.

Заповедник приказывает:

— В моих владениях нельзя охотиться!

— В моих владениях береги каждого зверя, каждую птицу, каждое дерево, каждый куст!

У нас в стране немало таких мест, где водятся редкие звери и птицы, растут деревья, которых нигде больше нет. Пусть сохранятся! Пусть никто их не трогает! Тигровая балка — один из таких заповедных уголков нашей земли.

Как дед Павло шакалов кормил

Дед Павло ростом невысок, нетороплив. «Поспешишь,— говорит,— зверей насмешишь...»

В комнате на стене два ружья, крест-накрест. Но я не видел, чтобы дед их снимал.

— А зачем? Я зверей не боюсь.

— Но ведь в джунглях много хищников...

— И что с того? Я приручаю их!

В день приезда он захотел угостить меня ухой. В озере рядом с заповедником у деда сети поставлены. В сети угодил огромный сомище. Мы с трудом вытащили его.

Я присел на лавочку возле дома. Перед окнами высокая джида с узкими листьями-перышками ро-

няла на землю красные ягоды, каплю за каплей.

Было тихо. В логовищах, норах, тайных лазах звери джунглей пережидали полдневную жару.

Но вдруг из зарослей, подняв треугольные уши, показались шакалы. Они вытянули к дому морды. Вожак пристально глядел на меня. Опущенный хвост, рыжая острая морда. Вожак принюхивался. Он закричал пронзительно:

«Ай, яй, яй, яй, яй!»

Стаю как ветром сдуло.

Шакал кричал сердито и обиженно, и мне захотелось снять со стены ружье.

Дед Павло вышел на крыльцо.

— Рыбий дух учуяли. К обеду явились.

Он вынес из комнаты ведро с рыбьими потрохами, позвал меня:

— Иди в дом, боятся тебя,— чужой...

У изгороди дед выплеснул потроха на траву.

Затаившиеся в кустах шакалы кинулись к дедову угощению.

— Повадились вот,— сказал дед Павло,— никуда не денешься. Знаешь, к древнему человеку пришли два шакала. Одного приласкал — получил собаку. Другого прогнал — шакалом остался. Вот как! С лаской к животному надо идти.

Из чащи донеслось протяжное: «Ай-яй-яй-яй-яй-яй!».

Казалось, вожак стаи стыдил за то, что мне хотелось пальнуть в шакалов из ружья.

Венерка, Борька и Майка

Джунгли подступают к усадьбе. Из зарослей тянет сухим жаром. Рядом с домом пасутся пятнистые олени. Наверно, на водопой пришли к озеру. Попробую-ка подойти к ним!

У забора на сухой траве лежала крупная олениха. Она чутко вытянула шею, следя за мной. Кожа на боках оленихи вздрогнула: удивилась, испугалась?

Тут дед Павло подошел.

— Домашние звери,— сказал он.— Сам приручил. Олень-цветок.

Олениха поднялась. Подошла к нам.

— Венерка, Венерка,— сказал дед и потрепал ее по холке.

У оленихи вздрогнула кожа на боках — от удовольствия. Ткнулась деду в карман куртки.

Дед нащупал в кармане сухарь. «Хруп, хруп, хруп!» Венерка копытце подняла.

Бока Венерки расписаны соцветиями. Олень-цветок!

— Ну, беги, гуляй,— мягко оттолкнул ее дед.— Видишь, дочки и внучки заскучали по тебе.

Олениха поглядела на нас влажными глазами, пошла к стаду.

У деда целое стадо прирученных оленей.

Борька и Майка близко к себе не подпускают. Любоваться — любуйся, а ближе не желают знакомиться, отбегают в сторонку. Лишь голову повернут, предупреждают: тронешься с места — дальше убежим.

А Венерка перестала меня бояться. Выйду из дому — она навстречу. Копытце по-цирковому поднимет, смотрит просяще. Будто говорит:

— Смотри, для тебя стараюсь. Выкладывай на ладонь сухарь.

Ночная сторожиха

Днем, в часы непереносимой жары, иду к озеру. В тростниках не так душно.

Вода теплая, как подогретый чай. Усатые сомы и сазаны погружаются в эти часы в черную глубину, поближе к донным студеным источникам.

Я сидел на берегу. В траве у самой воды распластались лягушки, Неожиданно одна за другой — бултых, бултых, бултых! — они стали прыгать в воду. Словно кто-то швырнул пригоршню увесистых камешков. Оглянулся: толстая змея. Замерла, тело напряглось, как стрела, кажется, вот-вот ее из упругого лука выпустят. «Гюрза!» — только и успел подумать. И меня будто пружина подбросила.

Дома рассказал деду Павло про эту не очень приятную встречу.

— Бежать незачем было,— сказал старик,— гюрза первой не нападает на человека. Не затрагивай ее. А так, верно, ядовитая. К гюрзе у меня нет уважения.

— Дед Павло, какое же может быть уважение к змее?

— Змея змее рознь. У меня на пристани, где лодка причалена, вон из окошка видать, кобра живет. Года два уже живет. Привыкла. Ночью спать не будешь — покажу...

Засни попробуй. В ту ночь сияла луна. Часов около двенадцати мы подошли к окну. Дощатая пристань, лодка, рыбацкие сети. И вот возле сетей я увидел кобру. Влажная чешуя отсвечивала на боках. Кобра была кольцами свернута. Из клубка вынырнула небольшая головка с капюшоном. Кобра стала вывинчиваться вверх, будто разматывалась. Змея делала стойку.

— Красавица! — сказал дед Павло.— Ведь верно, красавица... Я к ней близко подходил. Головку вперед выставит, а не шипит. Узнает!

Постояв немного на хвосте, покупавшись в лунном свете, кобра стала медленно опадать.

— Я сторож дневной,— пошутил дед Павло,— а это моя ночная сторожиха...

Вараша

По стволу туранги спускалась огромная ящерица, чем-то напоминающая крокодила. Ящерица-крокодил легко ставила пятипалые лапы на кору дерева.

Еще миг — и зверь-верхолаз исчез в траве.

— Вараша, Вараша,— улыбался дед Павло.— Нехорошо ведешь себя, ишь, повадился яйца воровать...

— Да кто это?

— Серый варан, кто же еще. У нас его еще сухопутным крокодилом зовут. За змеями охотится, за сусликами. Теперь птичьими яйцами вздумал полакомиться.

— Где же он был? Отчего мы его сразу не увидели?

— А в дупле сидел, хитрец...

Через несколько дней я снова увидел сухопутного крокодила. Я шагал по узкой, хорошо протоптанной дорожке. Налево от дорожки высился бугорок, поросший верблюжьей колючкой. За бугорком кто-то притаился. Варан! Он плотно прижался к земле.

У варана серо-желтая кожа с черными поперечными полосами. Тело по самый хвост чешуей покрыто. Дед Павло говорил, что хвостом варан может как следует стукнуть — лучше не приближайся!

Я остановился, наступив на сухую ветку. Варан вздрогнул. Обернулся ко мне узкой своей мордой: кто там, такой-сякой, мешает дремать?

«Шшш...»

Осерчал.

Варан шипел, шипел и помаленьку стал надуваться.

Он надувался медленно и кругло, как резиновый крокодил. Как будто его насосом накачивали.

Варан выжидал. Убегать он не собирался. Лишь предостерегающе выстрелил длинным, раздваивающимся на конце языком.

«Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш».

Устал пугать. Приподнялся на лапах и направился к озеру.

Там он плескуче шлепнулся в воду. И поплыл.

— Счастливо искупаться, Вараша! — крикнул я и зашагал дальше.

Как петухи-фазаны беседовали

Дед Павло берет меня с собой в обход. Заросли густые, колючие. Колются, как ежиные иголки.

Вдруг над нами в вышине раздается странный и в то же время знакомый крик:

«Ке-ке-ре. Ке-ке-ре. Ке-ке-ре. Ке-ке-ре».

Словно петух прокукарекал, а у него горло простуженное.

Откуда петух тут?

Из зарослей в ответ на это «ке-ке-ре» ответили глухо, торопясь:

«Кох-кох, кох-кох...»

Будто спрашивали, удивлялись: кого? кого? кого?

И все заглушило гуканье:

«Гу-гу-гу, гу-гу-гу, гу-гу-гу».

Дескать, тише себя ведите: ни гу-гу, ни гу-гу, ни гу-гу.

Озираясь по сторонам, задираю голову вверх, но никого не вижу.

— Петухи-фазаны беседуют,— говорит дед Павло.

Орел-змееяд

Почти все звери обходят стороной гюрзу. И лишь орел-змееяд ищет с ней встречи.

Есть у этого орла еще одно редкое свойство: он умеет застывать в воздухе. Поворачивается против ветра и неподвижной точкой висит в небе. Вниз, на землю, поглядывает. Глаза зоркие. Ничто от взгляда не ускользнет. Вон шакалы пробежали — пусть бегут! Суслик у норки столбиком встал, посвистывает. Пусть посвистывает — не добыча!

Но вот змееяд заметил гюрзу. Орел складывает крылья — и камнем вниз. Удар клювом по голове, и гюрза в когтях. Змееяд понесет ее в свое гнездо на верхушке туранги. Там орлята ждут обеда. От нетерпения мяукают, как котята.

Орел прилетел в эти края на лето. Поздней осенью улетит на зимовку в Африку.

Пришлось мне еще один раз увидеть его. Только грустно вспоминать об этом. Однажды, возвратившись с обхода, дед Павло приволок на плече мертвую птицу. Бурые, широко распластанные крылья, неподвижные ноги в желтой чешуе, сомкнутый клюв. Орла подстрелили охотники-браконьеры, и дед подобрал его.

Мрачен, неразговорчив был в тот день старик. И мне тоже до слез было жалко гордую птицу. Кому мешал орел, зачем его подстрелили?

Ни я, ни дед Павло не могли ответить на этот вопрос.

Про туранских тигров

Дед Павло говорил мне, что еще не в столь давние времена в этих местах водились тигры очень редкой породы — туранские. Теперь их на земле мало осталось. Исчезают... Ушла тигриная семья и из наших джунглей, оставив заповеднику свое грозное имя.

Тигр и тигрица были владыками джунглей. Бегали неслышно, покошачьи, и злобные гиены загодя уходили подальше.

Тигры были пловцами замечательными.

В тигриной семье, рассказывали мне, жили два тигренка. Иногда тигрица сажала их на спину и заплывала на середину реки Вахш. Там сбрасывала их в воду, поддерживая зубами. Тигрята быстро-быстро перебирали лапами, отфыркивались, держались на воде, как полосатые мячи.

Мокрые тигры убегали на свою любимую опушку, вытягивались на траве, обсыхая. Тигрята носами толкались в бока тигрицы, и когда той надоедало, она ударяла хвостом по земле. Разбаловались! Тигрята тут же кидались терзать хвост, покусывали его, ловили лапами.

А тигр дремал на солнцепеке, и никто не смел потревожить его покой.

И вот однажды охотники-браконьеры нарушили строгий запрет заповедника. Во время облавы был ранен тигренок. И тигры не про-

стили обиды. Они ушли неведомо куда.

Случилось это еще до того, как в заповедник приехал дед Павло.

— Такая беда,— сетовал дед.— Ведь никому не мешали...

— Дед Павло, а может, еще вернутся?

— Я тоже так думаю. Не может того быть, чтобы не вернулись домой!

Простое слово деда Павло

Иногда дед Павло просит меня постоять на сторожевой вышке. С нее джунгли видны хорошо. Не возник ли где пожар? Солнце больно жгучее. Огонь, а не солнце: далеко ли до беды...

С биноклем лезу на верхотуру.

Сначала перед глазами два крошечных круглых окошка. Настраиваю бинокль — окошечки сливаются в одно. Во-о-он дальняя опушка. Кажется, ее ладонью можно прикрыть. Чуть поверну бинокль — метелки эриантусов так и лезут в глаза. Пониже — джида. Руку протяни — спелые ягоды хочется потрогать. Будто красными бусинками увешана.

— Огня не видать? — кричит дед Павло.

— Все спокойно...

— Правее погляди. Как там мои котята?

Какие еще котята? Поворачиваю бинокль. Вот те на! Рыжие кошки резвятся на поляне. Да нет же, это котята. Кошка, вон она. Положила морду на вытянутые лапы. Это же камышовый кот! Дада, как же я забыл? Его не погладишь: цапнет зубами!

Камышовые котята словно почувствовали, что за ними наблюдают. Юрк в нору!

Спускаюсь по лесенке вниз.

— Как же так, дед Павло,— смеюсь,— шакалов и оленей приручил, а камышового кота не сумел?

— Зачем смеешься? Дай время. Даром, что у волка взял повадки, а зверь забавный. Приручу. Я знаю слово!

— Какое же?

— Простое, вот какое.

В тот раз дед Павло не сказал мне своего простого слова. «Чудак,— подумал я.— Камышовый кот — опасный зверек. Его даже шакалы побаиваются».

...Как-то во время обхода нам повстречались дикие камышовые коты. У них лапы и хвосты были мокрые, а на усах капельки озерные поблескивали. Нас увидели — наутек! Один кот отстал. Самый любопытный повернулся к нам.

— Трусишка ты, трусишка,— сказал дед Павло,— видишь, я без ружья.

Кот показал зубы. На всякий случай.

— Кис-кис-кис, — позвал его дед Павло. — Небось бы, молочка тебе сейчас... Мисочку парного.

У камышового кота дрогнули кончики ушей.

— Кис-кис-кис...

Кот облизнулся. Он облизнулся, как домашняя кошка. И басисто, громко мяукнул.

— Видишь, видишь, — толкнул меня в бок дед,— не так уж серчает.

Камышовый кот все-таки не был расположен беседовать с нами. Повернулся и мягкой трусцой побежал.

А дед Павло сказал:

— Вот оно, мое простое слово.

Простое слово к зверю — доброе слово. Запомни...

Я запомню, дед Павло. Обязательно.

И как было бы хорошо, если бы его помнили и те охотники, которые убили орла-змееяда и прогнали тигров.

До свиданья, дед Павло!

Пора уезжать из заповедника. И мне подумалось на прощанье: к тебе, ко мне, ко всем взрослым и детям обращены заповеди Тигровой балки:

ЛЮБИТЬ, ОХРАНЯТЬ ЖИВОТНЫХ!

ПОМОГАТЬ ИМ ЖИТЬ СПОКОЙНО И ВОЛЬНО!

Где бы они ни обитали — на севере или на юге, в лесу возле твоего города, поселка.

Очень хорошо и мудро, что есть на земле заповедники, уголки нетронутой природы!

...Я прощался с Тигровой балкой. Жаль было расставаться и с дедом Павло.

— Вот опять со своими зверями остаюсь,— сказал он мне на прощанье.

Домашние олени сбились в кучу возле дома. Я покормил Венерку сухарями. И вскоре машина уже пробивалась сквозь густые заросли. Я взял на память несколько ягод джиды. Сейчас ягоды сморщились, высохли. Глядя на них, я вспоминаю старика, Тигровую балку.

Дед Павло, как ты там? Не вернулись тигры? Я верю, вернутся...

Как рождаются вулканы

Каждое утро новая смена шла на очередную опасную вахту.

До недавних пор ученые-вулканологи не могли ответить на этот сложный вопрос. Лишь однажды в нашем веке на далекой мексиканской земле люди были свидетелями рождения вулкана. Но в тот раз событие застало ученых врасплох, вулканологи приехали с опозданием.

А совсем недавно, в прошлом году, советским ученым удалось наблюдать все стадии рождения вулкана.

Перед началом каждого извержения происходят несильные землетрясения, так называемое вулканическое дрожание. Такой вывод сделали ученые из Института вулканологии на Камчатке. Это как бы артподготовка перед атакой. Мощные приборы сейсмографов улавливают эти толчки, определяют эпицентр — район предполагаемого извержения. По частоте этих толчков можно узнать и примерные сроки самого извержения.

Когда в июне 1975 года сейсмостанции зафиксировали такую «артподготовку» недалеко от древнего вулкана Толбачик, отряд ученых немедленно выехал к месту предполагаемого извержения.

Научное предсказание сбылось: 6 июля в восемнадцати километрах от вулкана Толбачик образовалась трещина, из которой забили несколько огненных фонтанов.

Через неделю местность нельзя было узнать: там, где росли кусты смородины, кедрача, цветы и трава, расстилались безжизненные поля шлака и пепла. А посредине — двухсотметровая пирамида из шлака с огненным жерлом размером с футбольное поле. Нескончаемые взрывы выбрасывали оттуда облака пепла, и ветер разносил вулканический пепел на сотни километров вокруг. Вулканические бомбы размером с волейбольный мяч находили за полтора-два километра от кратера.

Отряд вулканологов получил подкрепление: прибыли еще шесть

На огневом рубеже — фото- и кинокорреспонденты.

отрядов исследователей: геологов, геофизиков, геохимиков, геодезистов, ботаников. Приехали советские журналисты и их коллеги из Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Дании и других стран.

Вулканологи непрерывно вели наблюдения с помощью фото- и киноаппаратов. Кинокадры, снятые через равные промежутки времени, фиксировали мельчайшие подробности извержения.

Через равные промежутки времени геологи собирали вулканические бомбы, образцы лавы, пепла и шлака. Химические анализы образцов о многом расскажут ученым. С помощью точного прибора молодой ученый Борис Левин с точностью до сантиметра измерил рост вулканического конуса. Такие измерения проводились впервые в мире.

Вулканологам посчастливилось: они наблюдали рождение не одного, а нескольких вулканов.

Около месяца извергался первый кратер. Сначала из него выбрасывались огромные столбы пепла и шлака, а потом из трещин полилась лава. Потоки лавы покрыли собой всю окрестность и подступили к палаткам вулканологов. Несколько раз пришлось вулканологам переносить свои палаточные городки на другое место. Хорошо еще, что лава течет медленно, примерно со скоростью быстро идущего человека, а то и до беды недалеко.

Опаснее вулканические бомбы, которые разлетаются далеко в разные стороны. Поэтому все ученые работали в касках. Пробовали надеть каску даже псу Чарли, но он тут же сбрасывал ее.

Только затих первый вулкан, как неподалеку появилась новая трещина и заработал второй. Он почти догнал по росту своего «старшего брата», но утихомирился быстрее. На смену ему появился третий, потом образовалась четвертая трещина.

Рядом со мной — «свежая» горячая вулканическая бомба.

Эта северная группа вулканов действовала до середины сентября. Вскоре ученые записали новые слабые землетрясения, предупредили, что очередной прорыв будет южнее. Так и случилось.

Характер извержения был на юге иной. С первыми взрывами потекла лава и залила огромную площадь. Три ее рукава вытянулись более чем на десять километров...

Рождение новых вулканов — явление крайне редкое. Вот почему все эти месяцы ученые, как врачи у постели больного, ни на минуту не покидали вулканы...

И. ВАЙНШТЕЙН
Фото автора

г. Петропавловск-Камчатский.

Светодальномер — так называется этот прибор. С величайшей точностью он измеряет высоту рождающегося вулкана.

У нас над облаками

По просьбе читателей «Пионера» корреспондент журнала Борис Орлов встретился с Людмилой Уснарской — бортпроводницей Домодедовского аэропорта столицы, делегатом XVII съезда ВЛКСМ, победительницей конкурса бортпроводников Москвы.

Летом 1940 года на борт пассажирского самолета ПС-84, летевшего рейсом Москва — Ашхабад, поднялась первая в нашей стране бортпроводница, Эльза Городецкая. А сейчас сотни самолетов Аэрофлота каждый день перевозят около четырехсот тысяч пассажиров. И на борту воздушных кораблей — тысячи бортпроводниц.

Многие девочки мечтают стать стюардессами. Они представляют себе, как они в красивой форме, подтянутые, симпатичные, поднимаются на борт серебристого лайнера, который летит, скажем, в Париж или в Лондон. Пассажиры встречают их улыбками. Стюардесса называет маршрут, раздает пассажирам конфеты, лимонад...

Это только одна сторона профессии. И не самая главная. У бортпроводниц, помимо этого, много хлопот: они хозяйки в самолете. А вы знаете, что у хорошей хозяйки всегда уйма дел. Дом у нее должен быть в порядке. Особенно много она хлопочет, когда должны прийти гости: хочется и прибраться получше, и приготовить вкусную еду, и самой принарядиться. Гостю должно быть в доме удобно и уютно.

«В нашем доме-самолете, — рассказывает Людмила, — каждый день новые гости — пассажиры, и мы должны все так устроить, чтобы людям у нас было хорошо.

К полету мы готовимся заранее. Рейсы у нас длинные. Скажем, полет от Москвы до Хабаровска или Магадана длится несколько часов. Поэтому бортпроводница должна вкусно накормить гостей-пассажиров.

А как сделать, чтобы гости не скучали? Мы устраиваем на борту самолета концерты. Готовим небольшую эстрадную программу. Случается, среди пассажиров бывают артисты, тогда мы просим их принять участие в таких концертах. На высоте десять тысяч метров выступали

Людмила Уснарская.

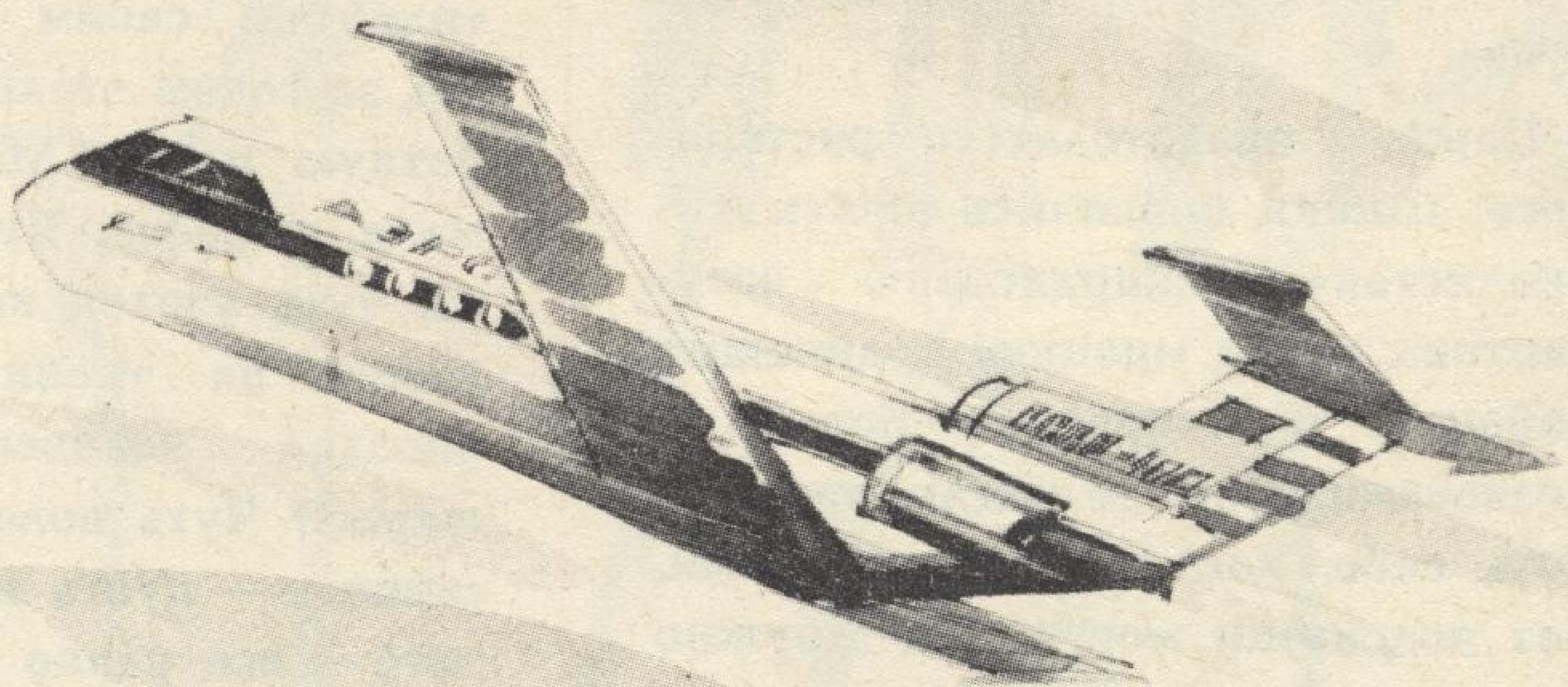
работать бортпроводницей: быть и кулинаром, и официантом, и медсестрой, и воспитателем, и гидом, а для этого знать иностранный язык.

Работаем мы в необычных условиях. За несколько часов пролетаем огромные расстояния, переносимся из одного географического пояса в другой, из зимы попадаем в лето, и наоборот. Встаем в ночь и за полночь. А знаете, как трудно заставить себя лечь спать, когда на улице светит солнце?

Бортпроводницы, как и летчики, проходят строгую медицинскую комиссию. У нас должно быть хорошее здоровье. Весь рейс мы проводим на ногах. Подсчитали, что за восемь часов полета стюардессы проходят по салону самолета до тридцати километров.

Я советую всем девочкам, кого интересует наша профессия, не лениться делать по утрам зарядку, кататься на коньках, лыжах, плавать, бегать...

И еще: можно быть сильным и здоровым, но не уметь себя сдерживать. Представьте, что вы вышли к пассажирам с хмурым, капризным лицом, на все их просьбы отвечаете неприветливо. Это не дело! Надо научиться себя сдерживать, когда у тебя плохое настроение или какие-нибудь неприятности.

Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Эдуард Хиль...

К микрофону мы приглашаем и малышей. Они с удовольствием читают стихи, рассказывают сказки.

К нам приезжает много гостей из-за рубежа. В полете мы часто рассказываем им о нашей стране, о городах, над которыми мы пролетаем. Как видите, надо хорошо знать географию. Для пассажиров — любителей шахмат мы устраиваем шахматные турниры.

Бывает, что некоторые плохо переносят полет, сильно волнуются или не очень здоровы. И мы приходим им на помощь. Бортпроводница должна уметь оказывать первую медицинскую помощь.

Работая на самолете, нельзя не знать, как он устроен. Поэтому на курсах, где готовят бортпроводниц, рассказывают о радио- и электрооборудовании самолетов, преподают географию авиатрасс, историю гражданской авиации.

Видите, как много надо знать и уметь, чтобы

Некоторым девочкам кажется: ну вот вырасту, буду работать, уж тогда-то и научусь все делать. Неправильно это. Учитесь сейчас хозяйничать у себя дома. Будьте внимательны ко всем, кто вас окружает дома и в школе. И за собой следите, чтобы выглядеть всегда подтянутыми и аккуратными.

Я вспоминаю слова одного старого, опытного летчика. Он любил говорить нам: «Чтобы иметь власть над небом, надо научиться владеть собой».

Мы, бортпроводницы, несем ответственность, как и весь экипаж самолета, за тех, кто летит с нами.

Все вы помните о подвиге нашей подруги Нади Курченко, которая погибла, когда на экипаж самолета напали бандиты. Ее подвиг навсегда останется в нашей памяти как символ беспредельной верности Родине.

НАШ САМОЛЕТ — ЧАСТИЧКА НАШЕГО БОЛЬШОГО ДОМА — СОВЕТСКОГО СОЮЗА. И МЫ ОЧЕНЬ ЛЮБИМ ЭТОТ ДОМ».

Морозовская

Без малого сто лет назад как с ясного неба грянула над царской Россией для кого грозная, а для кого и радостная весть. 7 января 1885 года в шестидесяти верстах от «белокаменной, первопрестольной» Москвы восемь тысяч рабочих-текстильщиков остановили станки и вышли на улицы Орехово-Зуева с требованием повысить плату за их работу и отменить непосильные штрафы...

Событие это, небывалое по размаху и организованности, вошло в историю революции под именем Морозовской стачки.

Но это уже потом дали имя взрыву народного гнева, поднявшего рабочих на борьбу. А в те дни в тревожных разговорах царских сановников, в депешах жандармских чиновников, в донесениях агентов тайной полиции чаще встречались слова: «бунт», «беспорядки», «забастовка»... С оглядкой, вполголоса произносили эти люди и страшное для них слово «революция», призрак которой встал за событиями в Орехово-Зуеве.

Царское правительство растерялось. Шпики бросились ловить «социалистов», «анархистов», «студентов», по их мнению, поднявших рабочих на открытую борьбу с хозяевами. Они не могли представить себе, как это рабочие сами, без подсказки могут так дружно подняться на борьбу. И невдомек было им, что рабочих заставили бастовать Морозовы, фабриканты, обиравшие трудовой народ и к тому времени успевшие награбить сказочные богатства.

Ткацкие, прядильни, отделочные, красильни, оборудованные по последнему слову тогдашней техники фабрики в Орехово-Зуеве, в Глухове, в Богородске, в Твери... Четыре акционерных общества с пятьюдесятью четырьмя тысячами рабочих были в те дни в руках семейства коммерсантов Морозовых. По тридцать миллионов рублей чистой прибыли ежегодно стекалось в карманы этого семейства...

А создавали эти миллионы те самые полунищие «фабричные», которые по двенадцать часов в день гнули спины над хозяйскими станками, жили в тесных, неустроенных казармах, питались впроголодь.

Аршин готового товара приносил Морозовым немного — пятачок, гривенничек чистого дохода, но целые вороха тканей каждый день сбегали с валов машин, и десятки тысяч рублей прибавлялись к барышам хозяев. Но хозяин-капиталист всегда алчен, всегда ненасытен. Все ему кажется мало, все он ищет, где бы еще выжать хоть копеечку. А тут еще промышленный кризис разразился в России, плохо стали покупать товары.

И Морозовы решили: грабить, так грабить! И прежде гроши платили они своим рабочим, а тут год за годом стали понижать заработную плату. Мало того, придумали штрафы. Чуть брак в работе, чуть узелок какой-нибудь окажется на ткани — штраф! Чуть опоздал человек к станку — штраф! Чуть поломалось что-то в машине — пусть не по вине рабочего — все равно штраф! И не малый. Больше половины грошового жалованья удерживали порой приказчики со многих рабочих. И прежде не сладко жили морозовские текстильщики, а тут — хоть в омут головой.

Вот тогда и стала назревать мысль о борьбе. В рабочих бараках, в цехах шепотом поругивали хозяев и все чаще и чаще говорили о том, что можно и на всесильных Морозовых найти управу: бросить работу, остановить фабрики. По карману ударить хозяев! Конечно, и самим накладно будет. Да рабочим-то и терять нечего.

Нашлись и вожаки: тут же, на фабрике, работал грамотный рабочий Петр Анисимович Моисеенко. Человек бывалый. Он и в Питере успел побывать и в царских ссылках. Он с самим Плехановым был знаком и со многими другими революционерами и понимал что к чему. Были и другие смелые люди среди рабочих. Вот такие люди, грамотные, отважные, ничего не жалевшие для рабочего дела, стали готовить забастовку.

И вот грянул гром...

Сам Морозов приехал успокаивать рабочих. Не успокоил, не уговорил. Владимирский губернатор приезжал — не уговорил. А вот перед казачьими сотнями, перед батальонами царских солдат дрогнули рабочие: без оружия не справиться с военной силой.

Сотни рабочих были арестованы. Тридцать три «зачинщика» пошли под суд. Но даже и царский суд не нашел преступления тут. Присяжные вынесли приговор: «Нет, не виновны!»

Снова завертелись веретена, снова застучали челноки, задымили трубы...

Царские сановники без суда расправились с Моисеенко, с Волковым, со многими другими — отправили их в далекую ссылку.

Прежняя нищенская зарплата осталась на морозовских фабриках. Вроде бы поражение... Но штрафы пришлось отменить Морозовым. А рабочее законодательство пришлось ввести царскому правительству. Это уже победа!

Значит, не зря пошел Моисеенко в новую ссылку. Значит, не зря бастовали текстильщики. А главное, рабочие во всей России поверили, что там, где дружно, организованно, все вместе рабочие люди вступают в борьбу с капиталом,— там победа будет за рабочими!

Вот обо всем этом, о том, как начиналась Морозовская стачка, о Моисеенко и его друзьях написал свою новую повесть писатель В. Бахревский.

стачка

Владислав БАХРЕВСКИЙ

Рисунки Ф. ЛЕМКУЛЯ, заслуженного художника РСФСР.

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Новая фамилия

Три года сибирской ссылки остались позади... Трудные это были годы. С голоду не померли, конечно, места в Сибири хлебные. А вот руки истосковались по настоящей работе, и душа все три года рвалась к борьбе, к народу. А тут глушь, тишина. Письма по месяцу идут из России, да и не напишешь чего нужно: царские слуги не дремлют, читают крамольные письма.

Ну, да теперь это все позади. Впереди новая жизнь, работа, люди.

Путь, правда, не близкий. Из Красноярска в Ачинск, из Ачинска в Мариинск, из Мариинска в Томск — все лошадьми. Из Томска пароходом до Тюмени, потом опять лошадьми до Екатеринбурга, от Екатеринбурга поездом в Пермь, из Перми пароходом до Нижнего Новгорода, от Нижнего поездом до Москвы и еще раз поездом до Орехово-Зуева. Тут и дороге конец.

Местечко Орехово-Зуево для того и явилось, видно, на белый свет, чтоб человек тут всю свою жизнь мучился.

Никто в Орехово да Зуево силком не тянул, сами шли. Фабрика — змей, человек — кролик. Коли змей заглотнул, исход один: проглотит, перемелет и выкинет.

Казенный казарменный стол втиснут между железными высокими кроватями. На кроватях сидели самые близкие и самые дорогие люди. Тесно было, душно, но хорошо.

Уселись за пиршество с утра, и уже надоело есть и чокаться, а все сидели, все глядели друг на друга — вон ведь как славно среди своих.

— Страшенная духота! — отирая лоб, сказал Лука Иванов, вернувшийся вместе с Анисимовичем из ссылки.— Пойдемте на Клязьму.

— Ты погоди, погоди! — остановил его Анисимович.— Давай лучше споем.

И запел:

Ка-ак на улице Варваринской

Спит, храпит мужик камаринский.

— Свят, свят! — замахал руками отец и зажал уши.

— Могу потише:

Отпустили крестьян на свободу
Девятнадцатого февраля.
А земли-то не дали народу —
Вот вам милость дворян и царя.

— Довольно! — Отец, толкнув стол, вскочил.— Катерина, поди глянь, не подслушивает ли кто?

Сазоновна вышла.

Отец, не глядя на сына, сказал:

— Пока у меня на квартире живешь, не моги! У нас ушей и глаз довольно. На каждого есть и уши и глаза... Так что смекай. Не маленький.

— Верно,— вздохнул Анисимович, — не маленький.

— Отец прав,— сказал Лука.— Лихачество глупости сродни.

Вернулась Сазоновна.

— В коридоре пусто.

— Вишь, пусто. И не буду больше. Съезжу в волость, получу паспорт и махну к Морозовым. Пошли, Лука, погуляем... А ты, Сазоновна, собери меня в дорогу, завтра и поеду, приказал жене.

— Вот, что, братец, приходи-ка ты завтра! — сердито сказал писарь.— Сам видишь, в пяти книгах смотрел — нет тебя.

— Не могу я завтра,— ответствовал проситель.

Поизмывался бы писарек всласть над просителем, ненавидя человеческую свободу и достоинство, потягал бы его, постоял бы он у него до упаду, но в эту минуту из-за тесовой перегородки боком протиснулся через дверной проем волостной старшина Ануфрий Фарлампиевич. Ростом до потолка, рыжий, как мартовское солнце.

Глянул Ануфрий Фарлампиевич на просителя и пробасил:

— Коли паспорт ему,— выдай. Пущай в городах живут.

— Слушаюсь,— привскочил писарь.

— За жалованной пошел,— сообщил писарь с восторгом.— От государя покойного за военное геройство жалован ежедневной чаркой. И новым государем замечен. На царском обеде в кремлевских садах по случаю коронации присутствовал. И там преуспел. Было со всей матушки России шестьсот тридцать волостных старшин, а наш Ануфрий Фарлампиевич как в еде, так и в питейном деле был наиперевейший, без всякого на то сомнения. Вровень никто с ним не шел.

Глянул Ануфрий Фарлампиевич на просителя и пробасил: «Коли паспорт ему,— выдай. Пущай в городах живут».

— Фигура! — улыбнулся проситель.

— Вот именно-с,— расцвел писарь.— Фигура-с. А потому слово Ануфрия Фарлампиевича для нас закон и благоговение.

Перо нырнуло в чернильницу, и...

— Послушай, братец,— опять в замешательстве затосковал писарь,— у тебя ведь и впрямь нет фамилии. Как же можно написать тебе в паспорт фамилию, как ты этого требуешь, когда нет у тебя ее?

— Не я, закон требует. И разрешение исправника у меня на то есть.

— Разрешение-то есть, и у Ануфрия Фарлампиевича желание поскорее от тебя избавиться, но мне-то как быть?

— Пиши уличную нашу фамилию. Нас по-уличному кличут Моисеенки. Пиши Моисеенко, Петр Анисимович.

— Пожалуй, это можно.— Писарь потер ладонью темя, обмакнул перо в чернила, поглядел на него, не было бы кляксы, и красивыми круглыми буквами начертал: «Моисеенко».

В груди Петра Анисимовича заметался ежик. Сграбастать бы паспорт и давай бог ноги, пока писаришка ошибки своей не понял или бы урядник не нагрянул — не давать, мол, паспорт такому-сякому.

«Моисеенко» — сверкает в паспорте новенькая, никому не ведомая фамилия. Чернила сохнут медленно, и надо не сплоховать, не выказать радости: у чиновных крючкотворов и радость, небось, на подозрении.

Но все идет своим чередом. Чернила просохли, паспорт вручен.

— До свидания.

— Будьте здоровы.

Как бы нехотя притворена дверь, по улице — вразвалочку. А ноги и впрямь ватные — от радости.

Прощай, смоленщина-деревенщина, прощай, надзор, исправники, жандармы! Поищите-ка теперь, господа, ссыльного бунтаря Анисимова! Канул Анисимов, а с Моисеенко вам заводить знакомство заново.

Соседи по вагону были говоруны, и Петр Анисимович, опасаясь нарваться на шпика, захватил место у окошка и то подремывал, то притворялся, что дремлет.

Ехали все больше мужики.

О сенокосе толковали, прикидывали, каков будет урожай, парнишку разыгрывали. Парнишка ехал по чугунке, по железной дороге, первый раз в жизни, ехал поступать в ученики к владельцу башмачной лавки, купцу третьей гильдии Заборову.

«В чужие люди едет,— подумал Моисеенко,— ему теперь любое хорошее слово как родня». И сказал:

— Ты, паренек, коли у Заборова твоего худо будет, в Зуево на фабрику приезжай. У нас, ткачей, работа трудная, зато не пропадешь. Я вот делу-то учиться не ленился, и теперь больно уж здорово. Как встану к станку, так любому хозяину нужный человек. Добрый плохо заплатит, пойду к злому, у злого надоест, вернусь к доброму.

— Ишь ты, хваткий какой! — оголил в улыбке красные десны мужик-рассказчик.

— Фабричные все такие! — неодобрительно откликнулся седой старик.

— Зато за себя постоять могут! — возразил ему молодой.

Посыпались вопросы: куда, откуда да так ли уж хорошо на фабрике?

Моисеенко подосадовал на себя: хотел проехать тишком да молчком, а собрал общество. Того гляди, жандарм пожалует.

Но поезд уже бежал мимо городских домов. Мужики засуетились. Моисеенко поспешил сойти первым, поймав на прощание доверчивый и тоскующий взгляд мальчишки.

В Москве у него было одно только дело: передать письмо товарища по ссылке. Адресат проживал на Ильинке. На Ильинку доехал за десять копеек. Дверь открыла горничная. Цепочку с двери не сняла: «Кто да зачем?»

— Хозяина позови!

Однако вышел не хозяин, а хозяйка. Молодая, строгая. Дверь открыла, но дальше порога не позвала. Оглядывала подозрительно.

— Позовите мужа,— попросил Моисеенко,— у меня к нему дело. Письмо.

— Муж занят. Он по утрам работает.

— Как хотите. Я уйду и больше не приду, а письмо выкину.

— Ах да, письмо! Но откуда?

— Из Сибири! — сказал в ярости Моисеенко.

— Тише, тише! — побледнела дама.— Я сию, сию минуту.

Метнулась в комнаты:

— Эдуард, к тебе.

Вышел быстрый, крепкий господин. Глянул посланнику в глаза, пожал ему руку, пригласил:

— Прошу ко мне!

— Ну уж нет! — сказал Петр Анисимович.— Вот вам письмо, и будьте здоровы.

— Да не сердитесь! — улыбнулся господин.— Пойдемте посидим. Расскажете, как там...

— Недосуг мне, хороший господин.— Петр Анисимович поглядел в потолок, на люстру.— Живут и там. Хариуса едали? Очень сладкая рыба водится там.

Сунул в руки господину письмо и вышел.

На улице вспомнил, что пора бы и поесть. Ильинка, правда, не та улица, чтоб и дешево и сытно. Улица фабрикантов и фирм. Вон какие окна — на тройке въехать можно!

Протопал Петр Анисимович мимо этой роскоши и вскоре очутился на толкучке между Владимирскими и Проломными воротами.

Мужики, мещанки, рабочий люд.

Торговки, сидя на огромных горшках, зазывали отведать горячих щец.

Подошел к одной. Поднялась с места, сняла крышку. Плеснула в чашку два половника гущи, добавила жижи, кусок хлеба дала. За все горячее удовольствие две копейки.

Поел, «спасибочко» не забыл сказать и двинул на Красную площадь, к Верхним рядам, на пирожную биржу. Тут сновали пирожники, гладко причесанные, с ящиками на ремнях через плечо. Пять копеек пара пирогов.

Сыпались привычные прибаутки:

— Дяденька, у тебя пирог с тряпкой!

— А ты за две копейки-то с бархатом захотел?

Здесь Петр Анисимович задумался маленько. Нужно и жене подарочек купить и отцу.

До бубновской дыры ближе всего. Нырнул в подвальное помещение.

Двадцать ступенек вниз — и вот они, знаменитые бубновские каюты. Стол, четыре стула, невеселые газовые рожки.

Петр Анисимович заказал калач, яичницу, чай.

В бубновской дыре гудело, как в улье, но Петру Анисимовичу гомон не мешал. Он подумал о мальчишке, который уже, небось, получает подзатыльники от приказчиков купца Заборова.

Выйдя вскоре из дыры, Анисимович купил яркий русский платок Сазоновне, табаку Луке, отцу же пошел икону выбирать.

Петр Анисимович вскоре очутился на толкучке между Владимирскими и Проломными воротами.

Разбойник Чуркин

Устроились.

Петр Анисимович Моисеенко, званием крестьянин — фабричные рабочие все из крестьян — был принят на фабрику Морозовых ткачом.

Посмотрели — умеет. Дали пару дряхлых двухаршинных станков, и работай. Подмастерье, обязанный налаживать станки, тоже смекнул: новый ткач — умелец. Показал, где лежат гаечные ключи,— налаживай сам, не ленись.

Екатерину Сазоновну, жену Петра Анисимовича, взяли на ту же фабрику, только станки дали попроще.

Лука уехал. Ему тоже нужно было получить паспорт. Поехал в Гжатский уезд, на родину.

У Морозовых сдельщина. Работал Петр Анисимович, старался себя показать. Да плохо-то он и не смог бы. Первые же сработанные куски были сданы в контору и записаны в расчетную книжку.

На следующий день Моисеенко позвали к браковщикам.

Пришел, а там очередь. Ткачи и ткачихи в затылок стоят, и Сазоновна тоже тут.

— Тебя-то зачем сюда? — удивилась: знала, что Анисимович — отменный ткач.

Плечами пожал. Непонятное что-то делается. Браковщик выкрикивает номер станка, ткач или ткачиха подходят, книжки заранее открыты, браковщик пишет штраф, и гуляй.

Ткачество, конечно, дело тонкое: тут может и близна

быть — это когда нитка оборвется, а ткач не углядит, то кромка нехороша, то товар нечист.

Сазоновна впереди мужа стояла, подала книжку, записали, она глянула и ахнула: много, видать, содрали.

О морозовских штрафах Анисимович слыхал, а теперь вот и на своей шкуре довелось испытать. Ткачи ругаются потихоньку, ткачихи многие плачут, но ни одного слова поперек.

— Моисеенко!

Подошел.

— Давай книжку.

— Для чего?

— Штраф записать. Кромка нехороша.

— Кромка? Товар мой покажите.

— Какой еще товар?

— Товара нет — и книжки нет. Кромка у меня хороша. Подписано мастером Шориным.

— Мы знать ничего не знаем! Штраф за порчу.

— За порчу, правильно, штраф положен. А за хороший товар вы должны записать премию. Если вывешенные правила не брехня. Книжку я вам не дам, штрафа не признаю, с тем и до свидания!

Повернулся и пошел. Глядят ткачи на мужика лихого — не понимают. У ткачих страх в глазах.

Сказал и сказал. Пошел себе и пошел. И за работу.

Стали ткачи к станкам его подходить. Удивляются.

— Как же ты на таких-то станках работаешь? Они ж брошенные были... А работа хороша. Али основу сменили?

— Основа та же. Где подтянул, где подвинтил, тянет помаленьку.

— Мы и то глядим: в разговоры пустился. Такому ткачу, пожалуй, и поговорить можно. Видать, знаешь себе цену. Семья-то, однако, большая?

— Сам да жена.

— Вон оно! Тогда конечно!

— А что конечно-то?

— Да то! Я, к примеру, любой штраф стерплю.

— Работать не умеешь?

— Работаю не хуже твоего, только у меня по лавкам шестеро сидят. Погонят, куда я?

— У меня хоть и четверо, а тоже...

— Тут у нас давят, не стесняются. Терпим.

— Оттого и давят.

Торговки, сидя на огромных горшках, зазывали отведать горячих щец.

— Прыткий ты больно! Ты пойми, куда нам, голодранцам, кинуться? В петлю грех, да и детишек оставить в безотцовщине нехорошо. В деревню вернуться — с голоду подохнешь.

Другой ткач хихикнул:

— А хоть мы и есть кормильцы — мед, что ли, бабам да деткам от нас?

— Одно горе,— согласились ткачи.— Наломаешься, а тебе еще штрафом по башке. Ну и пошел в кабак. А потом бабу свою гонять, детишек колотить.

Кто-то шепнул:

— Шорин идет!

Не то что разбежались — шмыгнули россыпью, как мыши.

В груди Анисимовича заныло.

В тот день перебирались от отца из Дубровки на новое жилье, в Морозовские казармы, в Орехово. Пожитков было хоть и немного, все же пришлось нанять телегу: от Дубровки до казармы верст семь-восемь.

Ехали вдоль Клязьмы. Августовское вечернее небо словно куполом накрывало утомившуюся за день тихую землю и было спокойное, синее. Только в самом зените собирались в нем крошечные комочки белых облаков.

— Как цыплята,— сказала Сазоновна.

Анисимович задрал голову, поглядел, вздохнул. Показал за реку, на простор лугов:

— Видишь парок?

— Вижу белое.

— Туман,— сказал возница,— не вредный, парной. Лето, чай!

Телега скрипела одним колесом, и словно бы в ответ в лугах заскрипел торопливо, наперегонки коростель.

— Вода в реке, небось, теплая, — сказал Анисимович.

— Как молоко парное,— согласился возница.

— Не купался я давно. Все забота да работа.

— Поди искупайся. Река-то вон она.

— А и верно! — засмеялся Анисимович.— Вот она, голубушка... Ты и впрямь останови. Пойду скупнусь. Когда еще время выпадет?

— А я? — спросила Катя.

Поглядел на нее. И правда, не Сазоновна, а Катя. Волосы в две косицы заплела. Молодая. Рада, что угол теперь свой будет.

— И ты ступай,— милостиво разрешил возница.— Небось, никто не подглядит. Ночь скоро.

Медленно вошел Анисимович в воду, лег на воду, поплыл.

— Чего копаешься так долго? — крикнул Кате.

Глядь, а она уже на серединке!

— Да как же ты, это самое?

— Нырнула!

Он погнался за ней, а она уплывать не стала.

— И чего это я тебя все Сазоновной зову? Катя. Катерина. Нравится?

— А мне по-всякому нравится, лишь бы ты мне говорил.

— Иву чуешь? Так и благоухает.

— Поплыли к берегу,— попросила.— Старик ждет.

Поплыли. Медленно, чуть разводя руками. И река лилась ровно, бесшумно, но сильно.

Приехали в казарму поздно. Помочь разгружать вещи вышли соседи, молодые парни Матвей Петров да Ефрем Скворцов. Они работали вместе с Анисимовичем.

В семье Моисеенко случилось прибавление: приехала осиротевшая Танюша.

— Чуркина не повстречали? — спросил Ефрем.

— Какого Чуркина? — удивилась Катя.

— Разбойника.

— Разбойника?! А он что же, тутошний?

— Наш! — гордо сообщил Ефрем.— Мы в библиотеку, хотя и неграмотные, а ходим. Там один читает про него.

«Надо сходить в библиотеку,— подумал Анисимович,— поглядеть, каков народ».

На следующий день, не откладывая, Петр Анисимович пошел записываться в библиотеку. Читателей набралось человека три-четыре, зато слушателей — человек тридцать.

Анисимович взял журнал «Вестник Европы», сел подальше и не столько читал, сколько поглядывал. Скоро пришел молодой конторщик, чтец, спросил газету «Московский листок» и стал читать собравшимся новую порцию бесконечного романа про разбойника Чуркина. Прочитал главу, все загалдели, замахали руками, как же, пристава мужик провел.

В глаза Анисимовича бросилось: «Стенька Разин», драматическая хроника».

Прочитал первые строки и забыл обо всем на свете. Разин говорил:

«Хоть церкви хороши,
Но в них нельзя жить постоянно людям,
А потому и строить их не след,
Пока в домах повсюду недостаток.
Палаты ваши — хитрая постройка,
Я видел их, хоть сам в них не живал,
Но на Руси от стариков слыхал,
Что, кто в палате каменной селится,
В том сердце тоже в камень обратится».

— Вот что надо вслух читать! — обрадовался Петр Анисимович.

В те августовские дни в семье Моисеенко случилось прибавление; приехала к ним на житье осиротевшая дальняя родственница Танюша. Одиннадцать годков, в деревне никому не нужна, у всех свои дети. Посоветовался Анисимович с Катериной, решили взять воспитанницу.

Приехала, в уголок забилась. Позвали обедать — отщипнула хлеба, как воробей. Объесть, видишь ли, благодетелей страшится — научил кто-то.

Поглядел Анисимович, поглядел, взял денег из жестяной банки и ушел. Вернулся, не видать его из-за свертков. Ситцу принес на платье, сладостей, игрушек.

— Да куда ж ты столько! — ахнула Катерина.

— Ничего, пусть играет! Ишь какая кукла нарядная! Теперь и у нас в каморке праздник.

Танюша обняла свое богатство, замерла.

На фабрике переполох. Чистили, все красили. Малолетних рабочих прогнали домой. «Может, и впрямь молодой Морозов приехал заводить новые порядки?» — подивился Моисеенко.

Но скоро все разъяснилось: на фабрику прибыл окружной инспектор. Строгий, внимательный господин, ходил, смотрел, спрашивал: «Кто ты? Где работал раньше? Грамоте учился или совсем не учен? Каков заработок?» О жилье спрашивал, книжку, где заработок записывали, просил показать.

Гаврила Чирьев смеха ради показал: заработал за месяц 34 рубля 92 копейки, а в лавке за продукты взяли с него 37 рублей 63 копейки.

Поглядел господин хороший на человечий муравейник, повздыхал, с тем и ушел. Тут как раз обед.

Обедал Петр Анисимович дома. Вышел с фабрики, идет, задумавшись, вдруг кричит кто-то:

— Дяденька!

Сначала не понял, что ему кричат.

— Дяденька! — отчаянно так.

Оглянулся — мальчонка за ним бежит. Остановился и дух никак не переведет.

— Это я.

— Вижу, что ты!

Вгляделся, да ведь это вагонный дружок.

— Здравствуй, дружище! Какими ветрами занесло?

— Я, дяденька, третий день тебя ищу!

Глазищи голодные, а радости в них — будто отца родного повстречал.

— Пошли! — сказал Моисеенко.— Путника сначала кормят, а потом и спрашивают.

— А я и так скажу. Ушел я от Заборова... В рабочие бы мне. Я сметливый, сильный. А ты, дяденька, сам говорил: рабочий человек не пропадет.

— Устроим! — пообещал Петр Анисимович.— Ты, скажи, зовут-то тебя как?

— Анисим!

— Ишь ты, а меня Анисимычем. Петр Анисимов Моисеенко.

Устроить парнишку на фабрику оказалось не так-то просто: инспекция! Все отмахиваются. По закону детям разрешено работать с двенадцати лет по восемь часов. Ночные работы запрещены. А их, детишек малых, сколько угодно у Морозовых.

Анисиму двенадцать уже стукнуло, но в конторе слышать ничего не хотят. И как на грех — сразу две аварии на фабрике: мальчишка-ставельщик упал на веретено и бедро пропорол, а другому, постарше, раздробило обе кости на правом предплечье. Руку отрезали. На другой день инспекция прибыла.

Растерялся Петр Анисимович. Да в эту пору приехал молодой Морозов-младший, Савва Тимофеевич. К нему и подошел.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! Чего желаете? Какая будет жалоба?

— Жалоб нет, но есть просьба.

— Какая же? — Смотрит внимательно.

— Паренек ко мне прибился. Ехал в учение в купцы, да торговля ему не по душе, хочет ткачом быть... А здесь не принимают.

— Сколько лет?

— Тринадцать.

— Неужели он не понимает, что доля свободного купца счастливее доли рабочего?

— Может, и сытно, да не так чисто.

— Да? Ин-те-рес-но. Примите на работу рекомендованного ткачом Моисеенко. Мальчику тринадцать лет... Вместо купеческой он избрал судьбу рабочего. Мальчик ваш родственник? — обернулся к Моисеенко.

— Нет.

— Примите и устройте в приюте,— распорядился.

Савва Тимофеевич неспроста в разговоры с рабочим при всех пустился. Для фабричной администрации пример: вот как надо с рабочими говорить. Молодой хозяин добрый, истинный благодетель. Для инспекции намек: Морозовы никого не боятся. На других фабриках во время инспекции детей прячут, а на Никольской взяли и приняли мальчика.

Так вот и решилось дело.

Будни

Потекла, закрутилась не дающая роздыху фабричная жизнь.

По ночам трещали колотушки сторожей. Часа в четыре, в самый сон, громыхали сапогами хожалые по коридорам, останавливаясь перед дверьми каморок и выкрикивая: «Вставайте на работу!» Это поднимали тех, кто шел «на заработку»,— так называлась утренняя смена, начинавшаяся в пять часов.

Катя похудела, но была весела, подружками обзавелась, ходила к ним в лото играть. Только однажды Петр Анисимович застал ее в слезах. Сосед по этажу, ткач Гаврила Чирьев, явился домой пьяней вина, избил семилетнюю дочку, изрубил топором казенный стол, изорвал одежду жены и детишек. А было у него их пятеро.

Прибежали хожалые, надавали Гавриле тумаков, а семью выбросили из казармы вон.

Жена Гаврилы Прасковья бросилась к директору Назарову, валялась в ногах и была оставлена на работе. Самого Чирьева предупредили в последний раз, но жить семье в казарме отныне было воспрещено.

Когда Чирьевых-то из казармы выкинули, Моисеенко вышел в коридор с мужиками покурить.

Сидя на корточках у стены, мужики говорили о беде Чирьева, о жизни.

— Чего там говорить,— сказал Моисеенко.— Скоты так не поступают, как Гаврила. Да ведь и начальству все в Орехове позволено, все сходит с рук...

Его собеседники промолчали.

— Нет, братцы, так жить, как вы живете, нельзя! — продолжал Моисеенко.

— Сами знаем, что нельзя! — крикнул худющий, больной туберкулезом кочегар.— И так жить нельзя, и деваться некуда.

Разошлись удрученные.

На следующий день Моисеенко снова заговорил в курилке про Гаврилу Чирьева, про то, что рабочие слишком терпеливы: хозяин у них на шее сидит, видно, скоро и на голову сядет.

Слушать такое ткачи слушали, но сами в ответ — ни полсловечка.

Судьбину горькую проклинать одно, но чтоб против хозяина говорить? Хозяин работу дает, он кормилец...

Петр Анисимович обратился к Морозову-младшему: «Паренек ко мне прибился, хочет ткачом быть...»

Однажды снова позвали Моисеенко в контору. Браковщик, лысый, румяный, круглый, вскинул небесно-голубые глазки на ткача.

— Моисеенко? Книжечку пожалуйте.

— Покажите порчу на моем товаре.

— Пожалуйста!

Ткачихи, стоящие за спиной, держа в тощих руках горькие свои книжицы, замерли.

Браковщик развернул товар.

— Вот-с, извольте, не чист.

— Точно, не чист,—согласился спокойно Моисеенко и, не торопясь, спрятал книжку в карман.— Перепутали вы. Этот товар не на моей машине сработан.

Розовые щеки браковщика полыхнули.

— Молчать!

Моисеенко достал книжку, рука толстяка рванулась к ней, но ухватила воздух.

— Покажите мой товар и запишите мне за хорошую работу премию.

— Что?! — Браковщик захлебнулся от возмущения.— Вон! Вон! Берегись у меня.

— До свидания.

Моисеенко шел мимо серой очереди ткачей и ткачих, и все смотрели на него. Одни, не понимая его, со страхом, другие зло: ишь какой особый выискался! Были взгляды и кротко-радостные: нам за себя так не постоять, слава богу, что есть все-таки люди поперечные злу.

Едва начал работу, подошла к нему Прасковья Чирьева. Она была очень хороша собой.

— Анисимыч, прошу тебя, поди к моей машине, погляди. Рвет нитки: то близна, то недосека. А мне теперь каждая копейка дорога.

Смотрит затравленно. Хорошие ткачи к чужой беде глуховаты. Работа-то сдельная, каждый про себя думает.

— Я тебе, Анисимыч, магарыч поставлю.

— Магарыч? Детям портчонки лучше купи.

Наладил ей оба станка.

А тут уже другая ткачиха на него поглядывает. Пожилая, старуха почти, а может, и не старуха, фабрика соки быстро сосет. И к ней подошел, помог.

И потом не раз помогал. Почет и уважение от ткачих на своем этаже заслужил, хоть заработок в тот первый месяц получился не больно велик.

Пришла зима. Товары в лавке вздорожали: что заработаешь — проешь. Как-то Катя в сердцах сказала:

— В Анцыре, в ссылке, на краю света, и то лучше жилось.

— Люди здесь, Катя, как самая непроглядная северная ночь,— ответил Анисимович.— Мы вдвоем работаем на три рта и концы с концами только-только сводим. А многосемейным как? Разуты, раздеты, голодны. Зашел я намедни к Гавриле Чирьеву, а его ребята похлебку из картофельной кожуры варят. В деревне свиней лучше кормят.

— Сколько дал-то им?

— Да сколько было, столько и дал... Жалеешь денег, что ли?

Она обняла его.

— Не денег — тебя. Почернел ты, на маяту фабричную глядя.

— Что делать, Катя, ума не приложу. Здесь не рабочие — рабы. Сами себя за людей не почитают. Ни гордости у них, ни сердца — один страх: Морозовы, вишь, кусок хлеба дают, хоть жесткий, хоть черный, а все еда... Уходить надо отсюда! Смирновы в Ликине больше платят. До пасхи доработаем и расчет возьмем. О себе пора подумать.

Ничего ему не сказала Катерина Сазоновна. Только словам его нисколько будто бы и не обрадовалась. Сдавать, что ли, забияка ее, народный ходатай, стал?

Однажды после работы прибежал Петр Анисимович в библиотеку. Там толпа собралась.

— Чего ждете?

— Да вот читальщик наш пропал. А больно охота узнать, как у Чуркина дальше дела-то пошли.

Один из толпы спросил:

— Не ты ли летом говорил, что не хуже конторщика читать можешь?

— Давай прочту, поглядишь.

Все согласились, и Петр Анисимович взял у библиотекаря «Московский листок».

Продекламировал несколько абзацев о приключениях удалого разбойника. Слушали. И тогда Моисеенко «прочитал» свое:

— «Чуркин был таким же фабричным, как все мы. Жил он на фабрике у Морозова, и было ему так же «хорошо», как всем нам».

Слушатели переглянулись, стало им куда интереснее: Чуркин-то, оказывается, свой!

— «Не вытерпел Чуркин измывательства мастеров,— продолжал «читать» Моисеенко,— не вынес бессовестных морозовских штрафов, и вот поди ж ты: захотел быть разбойником-грабителем».

— Он бедных не грабил! — не сдержавшись, крикнул ярый слушатель Матвей Петров.

Ефрем поддержал дружка:

— А то, что богатых грабил, не беда, у них много.

— Тише вы! — цыкнули на них те, что постарше.— Вишь тут какое дело! Не мешайте человеку правду читать!

— «Ну так это самое,— продолжал, глядя в газету, Моисеенко,— Чуркин хоть и простого роду атаман, а для черного народа все же волю добывать не захотел. Об одном себе думал да о своей шайке. Так-то вот! Мы тоже, это самое, шею свою гнем и ничего делать не хотим. Все думаем: авось да небось. А никто о нас, грешных, не позаботится. Хозяину, что ли, нужны мы со своим горем?»

— Верно! — сказал, сокрушаясь, старый ткач.— Кому мы нужны? Рука в приводной ремень попадет — и вместе с собаками по улице гоняй.

— «Это самое,— «читал» упрямо Моисеенко,— Чуркин-то, разбойник, организовал свою шайку и живет свободно, а мы не можем организовать хоть бы маленький кружок для защиты себя. А надо бы! Давно надо!»

И тут Петр Анисимович закрыл газету. Слушатели сидели ошарашенные. Библиотекарь из-за своего стола пристально поглядел на чтеца, но ничего не сказал.

Расходились неторопливо. Думали, перекидывались словами.

Стучало сердце у Моисеенко. Весело стучало. И вдруг он услышал разговор:

— Хорошо бы и нам что-либо сделать.

— А как? Приняться-то как?

В разговор решительно влез Ефрем:

— Бунт устроить, вот как! Без этого ничего не получится.

— Сопляк! — сказал с горечью старый ткач.— Да знаешь ли ты, что фабрика Морозовых от всяких бунтов заколдована?

— Верно,— согласились.— У них весь род колдовской. Что Викула, что Тимофей, а сын Тимофея и подавно. Такое умеет варево сварить: капелька попадет на тебя — и готово, дурак дураком. Чего он захочет, то и сделаешь.

Пришел Моисеенко домой, словно его в прорубь окунули. Лег молча. К еде не притронулся.

— Что стряслось? — забеспокоилась Катерина.

— Расчет на пасху возьму.

Прихватил-таки браковщик Моисеенко. Кромка не больно хороша получилась. Брак малый, а вычел браковщик столько, будто весь месяц ткач товар портил. Дал Петр Анисимович книжку, покосился на очередь горестных женщин, а ткачихи глаза отводят: единственный их защитник сдался. Поглядел Петр Анисимович, сколько ему записали штрафу, и засмеялся вдруг:

— Во как! За копеечный убыток шкуру содрали! Ну, ладно. Жалую свои кровные нашему хозяину-благодетелю. Пускай на них шампанского выпьет за мое здоровье.

Браковщик зверем глядит: такой дерзости не слыхивал, а ткачихи вроде повеселели. Смешок как снежок — реденький, холодный, а все не так уныло.

Широкая масленица, будто снежным заледенелым комом трахнула и Зуево и Орехово, да не рассыпалась снежной пылью, а пришибла, придавила.

Сначала блины пекли, под первый блин — первая рюмка, под второй — вторая, а как за третью, так и блинов не надобно. Ну, а потом стенка на стенку пошла.

Петр Анисимович праздник справлял у отца в Дубровке, пришел домой под утро. Разоспался. И вдруг ему снится буря: свистит ветер, крыши гремят, дома рассыпаются. Такая карусель мерзкая. Проснулся, головой потряс, а все равно свистит, ревет. Что за чудо? В окошко глянул: у чугунки ревущая толпа — зуевские с ореховскими силой меряются.

Наскоро оделся, на крыльцо вышел. На крыльце тесно от зрителей. Женщины, старики, дети на побоище глядят. Тут как раз Матвей да Ефим, соседи, приволокли под рученьки Гаврилу Чирьева. Он хоть теперь и зуевский, а пришел биться за своих, ореховских. В отместку, видать, и шарахнул кто-то его кирпичом по голове.

— Тащите Гаврилу ко мне! — сказал ребятам Петр Анисимович.

А Прасковья на него волчицей:

— Наших бьют, а вы по каморкам отсиживаетесь! Мужики тоже! Да я за Гаврилу передушу их, проклятых!

Дите кому-то сунула, платок сорвала — и в бой. Женщины ее перехватили и все на Моисеенко глядят. И Матвей с Ефимом глядят: это как же, такой крепкий мужик от битвы в стороне, за своего, казарменского, не бежит головы врагам отворачивать?

А на чугунке что делается! Поезд идет, а драчунам и дела нет до него. Машинист жмет на тормоза, паровоз оборался, пар, шип. Трели кондукторских дудок, жандармский свисток, а драчуны, знай, месят друг друга.

Петр Анисимович сделал Гавриле перевязку, опять на крыльцо вышел. Делать нечего, надо драться, не то позорить будут на весь город. Кинулся Анисимович во главе бабьего отряда к железной дороге. Ореховцы увидали, что помощь идет, поднатужились, а зуевцы в замешательство пришли, подались за линию. Тут поезд тронулся и разделил армии. Жандармы с шашками наголо вдоль линии побежали. За первым поездом сразу второй, товарняк. Бойцы и поостыли. Кто кровь из носу унимает, кого отхаживают, кого водой отливают.

Петр Анисимович с Матвеем и Ефимом пошли в каморку поглядеть на Чирьева. Тот уже сидит, с Катей и Прасковьей чай пьет.

Петр Анисимович попросил и себе чашку.

Потом на молодых мужиков поглядел и головой покачал грустно-прегрустно:

— Если бы вот так-то не самих себя, а душителей своих лупили. Да, видно, смелости не хватает. Себя-то вон как! И кирпича не пожалели.

— Брось, ты, Анисимыч,— сказал Матвей.— Масленица! Обычное дело. Без стенки и вспомнить нечего было бы.

— А вы все ж таки покумекайте,— опять твердит свое Моисеенко.— Когда все-то мы собрались, поезда встали, жандармы, как зайцы, в стороночке притулились. Эх, знали бы вы, какая мы сила, если бы все заодно, как сегодня, когда друг дружку тузили!

Сазоновна еще кипятку принесла. Чай пили с баранками.

Не успели осушить первое блюдце, как появился новый гость.

— Анисим! — обрадовался Петр Анисимович.— Давай к столу скорее. Без тебя скучно. Танюхи совсем вон не слыхать.

Анисим, тот самый мальчишечка, что из «купцов» в рабочие перебежал, входил в комнату как-то неловко, смотрел в сторону.

— Фингал! Неужто тоже драться ходил? — спросил Петр Анисимович.

— Садись за стол! — позвала Сазоновна.

— Не стесняйся, паря,— загудел, трогая голову, Гаврила Чирьев.— Меня вон, здорового дурака, тоже, видишь, как угостили!

— Дядя Петя! — выпалил мальчик.— Выдь на секунд в колидор, словечко надоть сказать. Дядя Петя,— зашептал мальчик, как только они очутились наедине,— это мне приютские поставили. Поди побей их, а то житья прямо нету.

— Погоди, погоди! — остановил его Петр Анисимович.— Давай по порядку. Поколотить, Анисим, дело нехитрое. Только потом-то как? Тебе с ребятами под одной крышей жить, за одним столом есть, на одной фабрике работать.

— Вот я и хочу, чтоб они боялись меня. Житья от них нету.

— Подрались, скажи, из-за чего?

— Из-за моего капиталу... Я, дядя Петя, в пристенок у взрослых мужиков полтину наиграл. Я ловкий. У меня хоть рука маленькая, да зато я глазом верный. Как стукну, так моя монетка и ляжет возле ихней, а то и монеткой на монетку попадаю. Тут уж втрое гони!

— Значит, в деньги играешь?

— Так ведь не воровать же.

— Это верно... И что, ребята отняли у тебя деньги-то?

— Отняли бы, коли не спрятал. Да где им? У меня тайник надежный. Они, дядя Петя, вишь, чего говорят: мы, мол, всякую копейку на паях проедаем, а ты с на-

ми наше ел, вот и гони полтину в общий котел. Да хоть и ел, так ведь сами давали. Им, может, деньги ни к чему, а мне они для дела нужны. Проесть-то и миллион можно. Верно, дядя Петя?

— Вот что, Анисим. Пошли чайку попьем, а потом и поговорим.

— Да ты их отколотил бы сначала. Идти-то до нас совсем недалече. Перед ужином как раз все соберутся. Ты уж сделай божью милость, отколоти разбойников. А чай я к тебе с утра приду пить. Разве только бараночек мне вынеси.

— Ну что ж, пошли в приют,— согласился Петр Анисимович.

Вернулся, однако, в каморку, набил баранками карманы.

— Дорогие гости, дела у нас с Анисимом. Отлучусь я.

— Ведет! — пискнула девчушка и кинулась на крыльцо. Она тащила за собой совсем маленькую девочку.

Петр Анисимович снял шапку, сел на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей на чердак. Его окружили ребята.

Упала. Закричала. На помощь ей выскочил босой мальчишка, стал поднимать девочку. И тут к нему метнулся Анисим.

Шлеп по уху правой. Замахнулся левой, но рука его, схваченная Петром Анисимовичем, застыла в воздухе.

Сбитый с ног мальчишка, съежившись, глядел на бородатого человека. Человек улыбнулся.

— Не бойся, браток!

Поднял девочку, стряхнул со спины у нее снег. Открыл дверь, пропустил девочку, втянул Анисима.

Они очутились в тесном коридоре. Слышался топот убегающих ребят. Петр Анисимович повернулся к босоногому мальчишке. Тот стоял, держась за ручку входной двери.

— Как тебя зовут?

— Ваней.

— Ваня, поди к своим ребятам. Скажи им: дядька, мол, пришел прощения за Анисима просить. Пусть придут, поговорить надо.

Мальчик ушел. Петр Анисимович достал баранки, дал девочке, Анисиму тоже дал. В конце коридора появился высокий чернявый подросток.

— Чего тебе? — спросил издали.

— Поговорить хочу.

— Говори, только мы твоего фиска́ла все равно бить будем.

— Неужто наушничает? Анисим, он правду говорит?

Анисим молчал.

— Так.— Петр Анисимович снял шапку, сел на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей на чердак.

В конце коридора стали появляться мальчики и девочки. Глядели на Анисима, на Петра Анисимовича, перешептывались.

— Что же это, браток, получается? — поглядел Моисеенко на Анисима.— Совсем плохо получается.

— Он хлеб у маленьких отнимает,— сказала знакомая уже девочка.

— Ей-богу, вот те истинный крест, все брешут! — затараторил, крестясь, Анисим.

— Видать, поделом тебе влетело? — сокрушенно развел руками Моисеенко.— Ну, брат, не ожидал. Никак не ожидал. Я тебя в рабочие люди хочу вывести, а ты вон что!

Ребята, осмелев, приблизились к Моисеенко.

— Нельзя этак жить, коли каждый человек будет сам по себе. Это как у диких зверей: отнял кусок у слабого и сожрал. У людей по-другому заведено. Вон Ваня-то как кинулся девчушек выручать! Вот это по-людски. Молодец!

— Ваня за нас всегда заступается,— сказали девочки.

Петр Анисимович встал.

— Как же быть-то, Анисим? Прощения тебе надо у ребят просить за все твои никудышные дела.

— Я и попрошу! — Анисим проворно скинул шапчонку.— Простите меня, добрые люди.

— Быстро у тебя выходит, браток. Минуту назад переколотить всех хотел...

— Так ведь ты ж велишь!

— Я не велю, я хочу, чтоб ребята тебя от души простили, а такое заслужить надо.— Петр Анисимович поискал глазами высокого чернявого паренька.— Обещайка мне, браток, не драться. Анисим понятливый.

— А полтину-то? Отдавать, что ли? — спросил Анисим.

— Это сам решай.

— Подумать надо, не простое это дело.

— Подумай.

— Мы его бить не будем,— сказал Ваня.— А тебя я знаю. Ты в нашей смене. Ты еще штрафы себе писать не даешь.

Расстались друзьями.

А на следующий день Ваня прибежал к Моисеенко в казарму.

— Убег твой Анисим.

— Как убег?

— Убег. Мы его не били. Мы с ним по-хорошему. А он: «Ну вас,— говорит.— Я лучше, говорит, к купцу Заборову вернусь. Тот хоть и побьет, да в люди выведет. А с вами водиться — в вечной нищете жить».

Всю ночь Петр Анисимович глаз сомкнуть не мог.

— Надо было мальчишку домой взять,— сокрушался.— Ведь этак-то он мерзавцем вырастет.

— Ты что за всех-то мучаешься? — сердилась Сазоновна.— Одним больше, одним меньше. Мир не переделаешь.

— Отчего ж не переделаешь? Переделаешь. Надо только сообща...

— Сообща... сообща... А в жизни все равно каждый в свою дуду дудит.

Примолк Анисимович. Целую неделю ходил как в воду опущенный.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

ЙЕМЕН

Мне 11 лет. Я живу в Адене. В Артеке меня больше всего удивили ребята — большая дружная семья. Мы говорили на разных языках, но почему-то хорошо понимали друг друга. Теперь я знаю очень много русских слов: «здравствуй», «спасибо», «мир», «дружба», товарищ»...

Ихлас Саид Махомед

ЮГОСЛАВИЯ

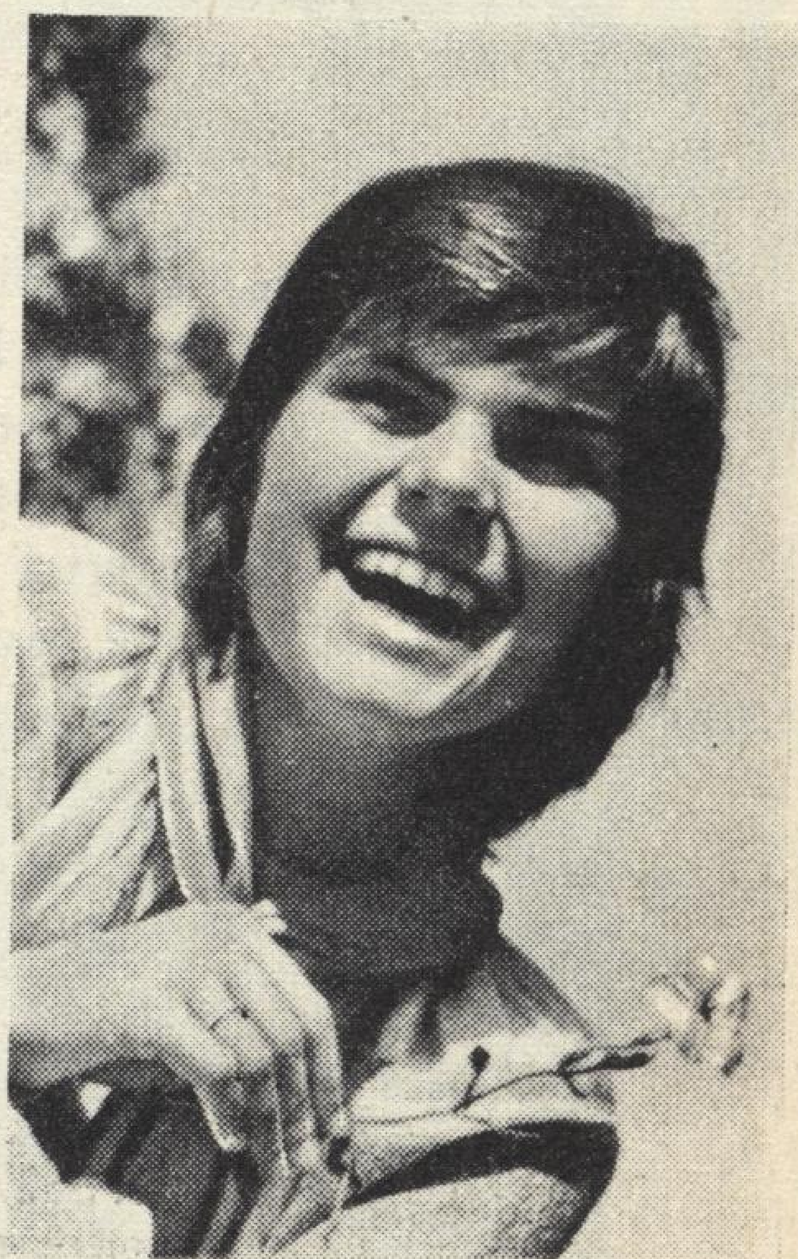
Я живу в городе Панчево, учусь в шестом классе, ношу красный галстук. Пионеры Югославии летом отправляются в походы по местам боев с гитлеровскими оккупантами. В нашей стране всюду стоят памятники отважным бойцам Народной Армии. Такой же памятник я увидел и в Артеке — памятник Неизвестному матросу. К его подножию я положил букет цветов.

Душан Цинцар

РУМЫНИЯ

Я много читала о Советском Союзе, а приехала сюда впервые. Артек мне очень понравился. Я никогда не забуду праздников Артека, его песен и тихого моря. Здесь я нашла много хороших друзей из разных стран. Самое дорогое на свете — это дружба. И эту дружбу подарил нам солнечный Артек.

Марина Бижи

Н. БЕЛОВ

ОГНЕВЫЕ РЕБЯТА

Помню, в детстве я как-то шел через сгоревший лес. Длинные головешки — деревья печально смотрели в небо. Вокруг ни травинки, ни птиц, только угли хрустят под ногами и гадко пахнет гарью. С тех пор я понял, какая беда — пожар. И всегда уважал отважных и сильных людей, которые борются с этой бедой,— пожарных...

Прошлой осенью на слете ЮДПД в пионерском лагере «Орленок» я познакомился с ребятами — юными друзьями пожарных. И они рассказали мне о своей жизни.

ОБ ИСТОРИИ ПОЖАРНЫХ ДРУЖИН...

Рядом с нашей школой стоит пожарная часть. Мы дружим, ходим к пожарным в гости, и они нам рассказывают о себе и об истории пожарных дружин.

В 1919 году был у нас в городе контрреволюционный мятеж. Когда полки генерала Мамонтова подошли к Борисоглебску, части Красной Армии вышли из города навстречу врагам. Белогвардейские офицеры и кулаки, прятавшиеся в городе, подняли мятеж. Они захватили склад красноармейского оружия. Выкатили из склада пушку и обстреляли гостиницу «Европейская», где находился штаб Чрезвычайной комиссии. Из гостиницы ответили ружейным и пулеметным огнем. Здание загорелось. Белогвардейцы ликовали... Но вот на мостовой послышалось цоканье копыт. Мятежники решили, что идет подкрепление красным, и отошли от «Европейской». А это были пожарные. Четыре повозки, груженные насосами и бочками с водой, на полном скаку подъехали к горевшему штабу. Заработали водяные насосы. Брандспойты погасили пламя. Мятежники опомнились. Открыли бешеную стрельбу по смельчакам. Но опоздали. Штаб был спасен.

Об этом случае нам рассказал ветеран гражданской войны Алексей Максимович Санин.

Сергей Аистов,
г. Борисоглебск, средняя школа № 2, 8-й «Б» класс.

ОБ УЧЕБНЫХ ТРЕВОГАХ...

Тревога прозвучала неожиданно. Сразу же после уроков. Члены ЮДПД бросились в пионерскую комнату. Командир штаба Леон Топчан сообщил: «Чердак горит!» Приказал: «Все по местам!»

Мы быстро надели комбинезоны, сапоги, каски и рукавицы. Андрей Трубицын, Олег Захаров и Игорь Еремин взяли пожарные рукава, похожие на шланги, и побежали на чердак. Другие подключили к рукавам воду. Звонили по телефону в пожарную часть. Выводили на улицу ребят из младших классов через главный и запасной выходы. Действовали быстро, без суеты. И я подумала: как хорошо, что мы очистили запасной выход и чердак от всякой рухляди...

Мы с Леной Луповой — санитарки. Быстро проверили свои аптечки. С чердака вынесли мальчишку. У него оказался ожог второй степени. Мы наложили ему повязки, дали понюхать нашатырный спирт. Он сразу «очнулся».

А вообще-то никакого пожара не было. Дымила обычная дымовая шашка. Но Леон об этом никому не сказал. Он проверял нашу боевую готовность. И мы не подкачали.

Таня Копченкова,
г. Москва, средняя школа № 303, 8-й «Б» класс.

О БУДНИЧНЫХ ЗАБОТАХ...

Мы прикрепили красную звезду Тимура на калитке дома Ивана Иннокентьевича Пескова. В Вели-

кую Отечественную войну он был связистом. На войне его ранило, и теперь он ходит на костылях. Мы часто приходим к нему. Переложили в доме дяди Вани старую печную трубу, потому что она покосилась. На чердаке разобрали хлам — поломанные стулья, ветхую одежду Газеты старые сдали в пункт приема вторсырья. Освободили проходы в сенях. В электрических пробках были «жучки» — мы купили в магазине новые пробки. Девочки следят. чтобы дрова или уголь лежали подальше от печной заслонки: попадет искра — будет пожар. Дядя Ваня любит, когда мы приходим. Он плетет для нас красивые туески из бересты и разноцветных проводов. Мы собираем в них подснежники или ставим ветки багульника и относим к памятникам Ленину и воинам-селенгинцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Сергей Протопопов, Бурятская АССР, г. Гусиноозерск, средняя школа № 3, 8-й «Г» класс.

О СОРЕВНОВАНИЯХ И ПЕРВОМ МЕСТЕ

Штурмовка, полоса препятствий, пожарная эстафета, боевое развертывание — вот виды пожарно-прикладного спорта. Он связан со знанием техники, так что здесь нужна не только сила и ловкость...

Как-то на зональных соревнованиях в Смоленске у нас вышел такой случай. Наша команда (шесть человек) ждала сигнала судьи к началу соревнований. Каждый мысленно продумал до мелочей, что он должен делать. Раздался выстрел стартового пистолета. Олег Самойленко — моторист быстро завел мотопомпу, машину, напоминающую насос. С ее помощью через пожарный рукав (его называют заборный) набирают воду из специальных баков. Мотопомпа регулирует давление воды и выталкивает ее через другие пожарные рукава наружу, как правило, на огонь. Наша задача: присоединить все рукава к мотопомпе и сильным напором воды из брандспойтов сбить два пластмассовых шара, которые лежат на квадратных тумбах, в десяти метрах от команды. Со стороны эти спортивные операции могут показаться легким делом, но это только со стороны.

Я соединял заборный рукав с мотопомпой. Вдруг у одного из наших ребят сорвало контрольную гайку, которая соединяет между собой пожарные рукава. Вода фонтаном забила по сторонам. Олег сразу сбавил газ, но ничего не помогало. Мы все здорово искупались, но разрыв все же устранили. И наша команда заняла первое место.

Петя Панкратов, чемпион РСФСР среди юниоров по пожарно-прикладному спорту ЮДПД, г. Ленинград, средняя школа № 193, 8-й «А» класс.

О ПОЖАРЕ И РАШИДЕ МЕРЕМУКОВЕ

В нашем ауле женщины и мужчины рано уходят на работу в колхоз. И в домах остаются только дети и старики. Шумно бегут в школу мои друзья. Я тоже надеваю на плечи свой ранец и иду следом за ребятами.

Тот день начался так же обычно... Я шел мимо дома Херасовых. Услышал в комнате детский плач и заглянул в окно. Дом был полон дыма, в углу пылал телевизор, а на полу плакали три малыша. Я был в куртке и, чтобы не пораниться, локтем разбил стекло. Дым ударил мне в лицо. Я подбежал к телевизору и выдернул горящий провод из розетки. Боли не чувствовал, очень волновался. Маленький Володя Херасов разбил другое стекло, хотел

Тревога!.. Конечно, чердак школы горит понарошку. Но мы все делаем по-настоящему и спешим «как на пожар».

сам выскочить из комнаты, но не смог и только порезал руку. Я приподнял его, подсадил на подоконник и осторожно спустил на землю. Затем я передал ему двухлетнего братишку Мусу и помог их сестре Марине выбраться на улицу. Когда я вылез из горящего дома, то сразу потерял сознание. Очнулся уже в больнице.

Теперь я вспоминаю этот случай, и мне самому не верится, что я смог поступить как мужчина.

Рашид Меремуков,
пос. Чишко,
Карачаево-Черкесская
автономная область.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Рашид Меремуков награжден медалью «За отвагу на пожаре».

Если случится пожар, звоните «01». Мы подоспеем вовремя!

ОГНЕВЫЕ РЕБЯТА

Проходя мимо пожарной части, многие ребята удивляются, что не видно на каланче дежурного в медной каске. И не знают, что дежурный по части сидит у пульта, следит, не поступит ли откуда-то сигнал тревоги... А на каланче пожарные рукава сушат, растянув их от крыши до самой земли...

В школах на лестничных площадках висят ярко-красные огнетушители, и в стенных шкафах с буквами ПК на дверцах хранятся скрученные серпантином пожарные рукава. Но все ли умеют пользоваться огнетушителями, присоединять рукав к пожарному крану?..

На уроке во время химического опыта взорвалась колба, загорелась крышка стола. Чем затушить пламя: водой, песком или, скинув пиджак, сбить пламя ударами?

— У нашего общества,— говорит председатель президиума Всероссийского добровольного общества Петр Константинович Рудов,— есть верные помощники — юные пожарные. Они с огнем на «ты», знают, как с ним бороться. Можно сказать, огонь и воду прошли: умеют быстро бегать по узкому бревну, перепрыгивать через полуметровые барьеры, гасить из огнетушителя горящую жидкость, карабкаться по тяжелой штурмовой лестнице на верхотуру учебной башни...

Есть среди членов ЮДПД настоящие герои — они спасали от огня государственное имущество, спасли жизнь многим людям. А еще тем помогли юные пожарные страны, что во многих случаях пожары предотвратили. Во время операции «Останови малыша!» объясняли октябрятам, как страшен огонь, вышедший из повиновения человека (а ведь каждый десятый пожар случается из-за ребячьей шалости). Другая операция называлась «Школа»: ребята расчистили школьные чердаки и запасные выходы от старых парт и сломанных стульев, от разной ветоши, которая могла оказаться причиной пожара; проверили исправность электропроводки. А в уборочную страду и во время сенокоса пионеры выставляли дозоры на полях и лугах, рассказывали людям на полевых станах, как уберечь урожай от огня.

В «Орленке» дан старт «Всесоюзной эстафете добрых дел юных пожарных». «Огневые ребята» проведут новые рейды в школах и жилых домах, в жаркую погоду снова выставят дозоры в лесах и на торфяниках, помогут сельским ребятам создать пожарные дружины в селе, научат их тому, что знают и умеют сами. Дел у них впереди, как видите, много. Успехов вам, друзья!

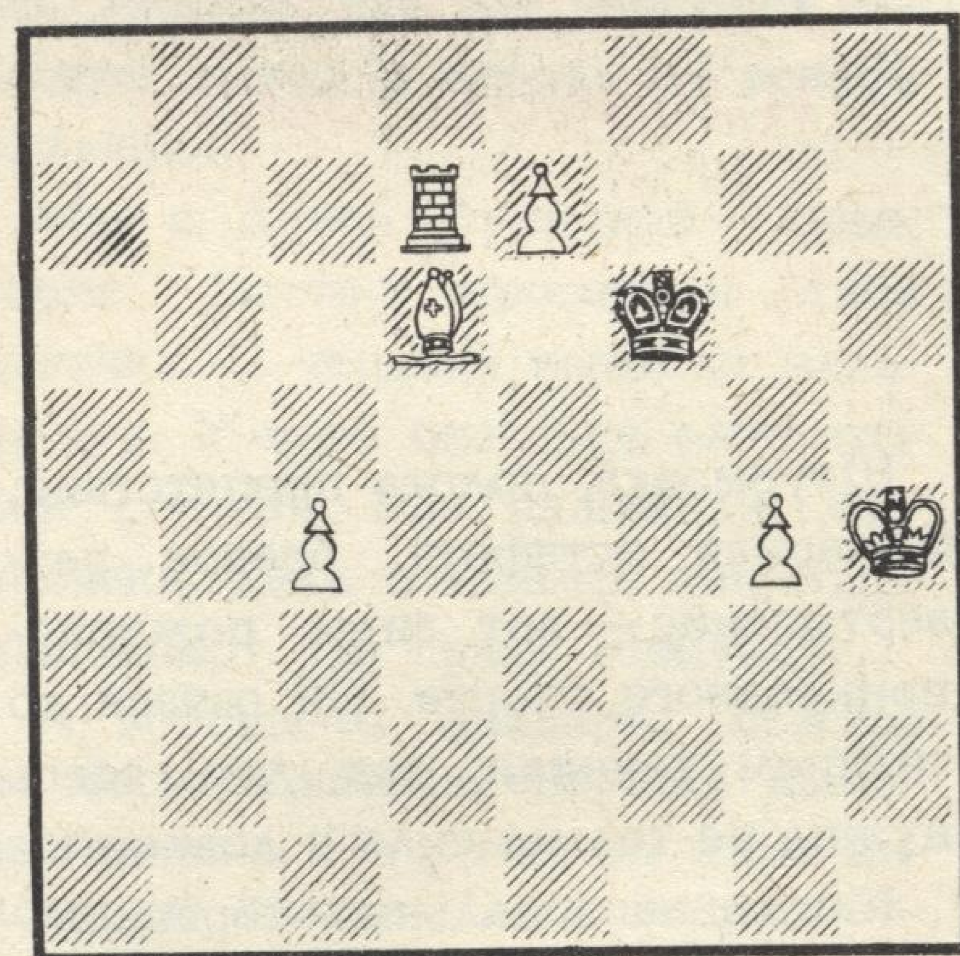
ВСЕГДА В ПУТИ

В этом году «Белая ладья» финишировала у берегов Балтики, в городе Даугавпилсе. Здесь развернулись упорные сражения за шахматными досками. О победителях и побежденных мы подробно расскажем в следующих номерах журнала.

«Белая ладья» всегда в пути. Скоро в школах снова заработают спортивные секции, будут проводиться шахматные турниры в классах. Здесь лучше всего проверяются знания, приобретается полезный опыт. Пешкин советует всем своим друзьям организовать у себя спортивные встречи, принимать участие в турнирах и желает всем вам успеха.

КОНКУРС ПЕШКИНА

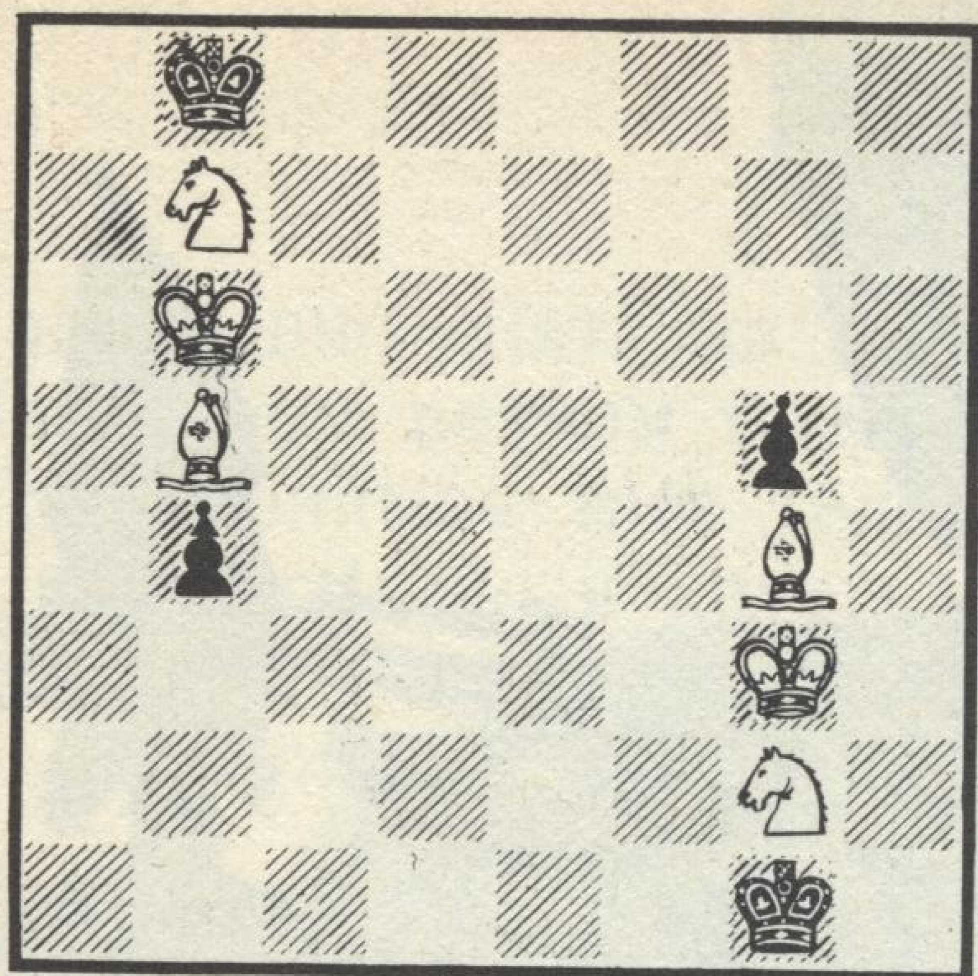
Свой конкурс Пешкин завершает двумя заданиями.

Белые: Крh4, Лd7, Сd6, пешки c4, e7, g4 (6); черные: Крf6 (1).

Эту задачу составил учитель А. Шапошников из города Горького. Белые дают мат в два хода. Найдите решение задачи. Потом переставьте ладью d7 на g8. Решение от этого, конечно, изменится, но результат будет тот же: мат в два хода. Решили? Теперь переставьте ладью g8 на g7. Снова перед вами двухходовая задача. Можно ладью поставить и на a5. Во сколько ходов тогда белые дают мат?

Найдите все четыре решения.

На этой диаграмме два симметричных положения: слева — белые идут в одну сторону, а справа — в другую.

Сначала расставьте фигуры так. Белые: Крb6, Сb5, Кb7 (3); черные: Крb8, пешка b4. Начиная игру, белые дают мат в четыре хода.

Второй вариант. Белые: Крg3, Сg4, Кg2 (3); черные: Крg1, пешка g5. И опять белые могут дать мат в четыре хода.

С ЧЕГО ОНИ НАЧИНАЛИ

Нынешние гроссмейстеры тоже начинали со школьных турниров. «Когда мне было девять лет, я иногда играл с братом. Вот партия, в которой я был разгромлен»,— вспоминает Михаил Таль.

1. e2-e4 e7-e5 2. Сf1-c4 Сf8-c5 3. Фd1-h5 Кb8-a6? 4. Фh5:f7. Мат.

Смешно? А ведь черными играл будущий чемпион мира. И урок пошел ему впрок: больше подобных матов Таль не получал, он запомнил навсегда, как уязвим пункт f7 до рокировки.

В 1950 году, когда Мише Талю было четырнадцать лет, на одном из турниров в Риге он провел белыми такую атаку:

1. e2-e4 g7-g6 2. d2-d4 Сf8-g7 3. Кg1-f3 d7-d6 4. Сf1-c4 Кb8-d7 5. Сc4:f7+Крe8:f7 6. Кf3-g5+ Крf7-f6 7. Фd1-f3. Мат.

Разберите эту партию. Как по-вашему, почему черные потерпели сокрушительное поражение, где они допустили решающую ошибку?

ПРАВИЛЬНО РЕШИЛИ

В двухходовке, напечатанной в № 1, к цели ведет ход 1. Фe2. Трехходовку из № 2 решает маневр 1. Лd7.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

КУБА

Я приехала в СССР с острова Свободы.

Я каждый день рассказывала ребятам о Гаване, моем родном городе, где будет проходить XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Пионеры Кубы готовятся встретить посланцев всей планеты. Я хочу быть на фестивале гидом по Гаване, изучить русский язык. Моя мечта обязательно сбудется.

Мария Дель Кармен Эррера Мало

ФРАНЦИЯ

Я люблю петь и танцевать. В Артеке — целое море плясок и песен. Я выучила много русских и украинских мелодий, научилась танцевать польку. Все это мне пригодится на наших пионерских сборах. Спасибо за все Артеку. Спасибо артековцам.

Вероника Пэн

КАНАДА

Я живу в Торонто. Это очень красивый город. Для меня лучший на земле. А теперь у меня есть еще одно очень близкое и родное место на планете — Артек. Здесь мы не раз говорили — и у костра и на митингах — о борьбе за мир, о борьбе против фашизма. Я на всю жизнь запомнила, как тысячи ребят скандировали: «Свободу Луису Корвалану!» Народы борются за свободу Корвалана и обязательно победят.

Двойра Яновски

Майя БОРИСОВА

Хочу читать!

Хочу читать,
читать,
читать,
Страницы медленно листать.
Под яблоней покой и тень,
Там и сижу я целый день.
Обед, меня за стол зовут,
Но жаль мне двадцати минут!
В тарелке ложкой я вожу.
Глазами в книжку я гляжу.
Я то грущу, то хохочу...
А мне грозят:
«Сведем к врачу!
Ты заболел: ты весь горишь,
Ты сам с собою говоришь!
Сходил бы в лес, на речку...»
Ну что я им отвечу?
«Конечно,— говорю,—
да-да...
Сейчас пойду... Туда, сюда...
На речку, в лес, в больницу...
Но только дайте дочитать
Хоть эту вот страницу!»
Махнули на меня рукой.
Под яблоней опять покой.
И, значит, я могу опять
Читать,
читать,
читать,
читать!

С чего мы подрались?

Чего мы с Петькой подрались?
С чего на драку завелись?
Причина — ерунда, пустяк:
Про что-то он сказал
не так...
А может, я сказал не так,
А он мне показал кулак.
Я тоже показал!
И вот
Мы кулаки пустили в ход.
Очнулись,
вот тебе и раз:
У Петьки затекает глаз,
А у меня на лбу синяк.
Мириться надо бы...
А как?
Он говорит: «Ну, будешь знать?»
«Нет,— говорю,— ты будешь знать!»
А он: «О чем я буду знать?!»
Ох, не подраться бы опять...
Тогда я говорю: «Жара.
Скупнуться вроде бы пора...»
И Петька говорит: «Айда!
Сегодня классная вода!»
Вот мы и вылечим сейчас
И мой синяк
и Петькин глаз!

Сон на сеновале

Как славно спать на сеновале,
На старом ватном одеяле,
Чтоб, обнимая твое тело,
Шуршало сено и хрустело,
И пахло сладко и устало,
И травкой
руку щекотало.
Кто не проснется среди ночи,
Увидит сон,
приятный очень.
А кто проснется,
тот услышит:
Внизу, в хлеву, корова дышит,
И веселится где-то с края
Сверчок, на скрипочке играя.
А кто проснется,
тот увидит,
Как из-за тучи месяц выйдет
И как звезда, одна из тыщи,
На крыше щелочку отыщет
И светлый луч,
прямой, блестящий,
Сквозь эту щелочку протащит.

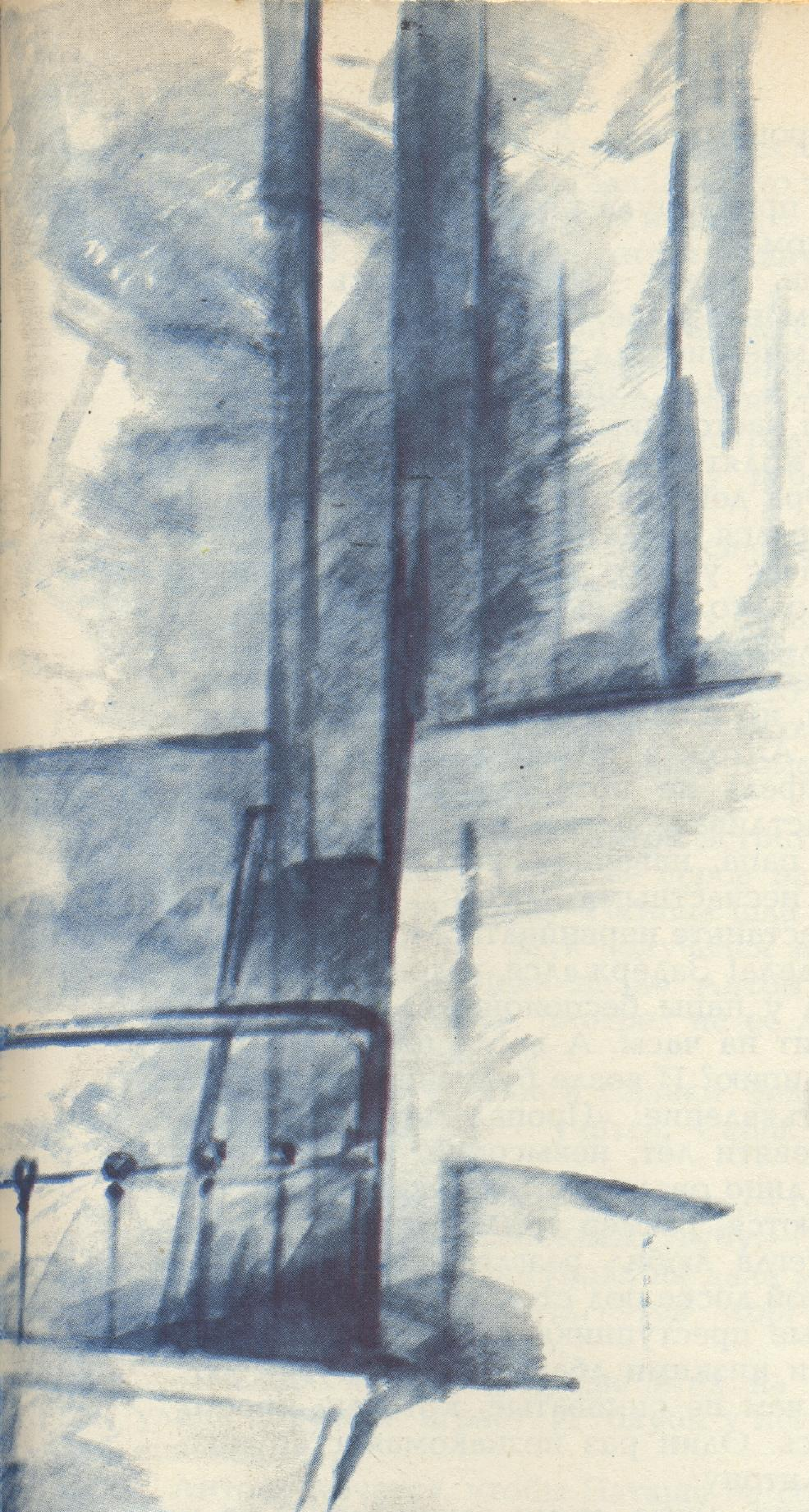
Вечерняя присказка

Кончим споры, разговоры...
Тише, тише, спать пора.
По дороге бродит ворон
В платье черного пера.
Расправляет крылья он,
Нагоняет крепкий сон.
Дремлет пашня, дремлет сад,
Сонно яблоки висят...
Под зеленым одеялом —
Видишь? — дремлют две горы.
А летали тут, бывало,
Вперекидку топоры!
Братья, два крестьянских сына,
Восходили на вершины
Без поклажи, налегке,
Но с топориком в руке.
Брат Иван и брат Василий
Запохваливались силой:
Не боролись, не сражались,
Веселели от игры!
И в озерах отражались,
Пролетая, топоры.
Пролетали через дали,
Вновь в ладони попадали!
Но однажды младший брат
Промахнулся, говорят:
Рассчитал не так бросок,
Отколол луны кусок!
Горько плакал младший брат
И топор свой, говорят,
Кинул в озеро, на дно...
Ну, а старший взял бревно,
Сделал новую луну
И забросил в вышину!
Вот с тех пор-то две луны
Нам посменно и видны:
У одной обычный вид,
У другой — кусок отбит...
Тем закончилась игра.
Тише, тише, спать пора...

Рисунки
Е. ВОЗНЕСЕНСКОЙ.

Людмила МАТВЕЕВА

ПИСЬМО

РАССКАЗ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Антон прислал из лагеря письмо:

«Дорогие мама и папа! Я живу хорошо. Поспела земляника. Мы собирали землянику. Ребята говорят, что скоро поспеет черника. Кормят нас хорошо, я все съедаю. Нас возили в совхоз, мы там смотрели кроликов. Кролики мне понравились. Возьмите меня отсюда, а то сбегу». Слово «сбегу» было написано через «з» — «збегу».

Мама и папа молчали. Потом папа сказал:

— Никуда он не сбежит. Куда он сбежит?

— Ты что, Антона не знаешь? — спросила мама, в голосе звенели слезы.

Мама пошла на почту и отправила Антону телеграмму: «В субботу будем. Целую. Мама».

В самом начале лета бабушка собралась к своей подруге Людмиле Александровне на дачу в Никольское.

— Детей возьму с собой. Там чудесный микроклимат.

Антон отказался:

— Я лучше поеду в лагерь.

— Ну что ж,— сказал папа,— пусть поедет. Парню скоро десять, а он все с бабушкой и с бабушкой.

В лагере Антону понравилось. На лугу свистели скворцы. В тихий час вожатая Вика разрешала читать, если не спится. Вечерняя линейка проходила быстро, и комары не успевали искусать голые ноги. Но все это было не главное. Главное была Наташа. Конечно, жалко, что Антон в пятом отряде, а она в первом. Жалко, что ему десять лет, а ей пятнадцать. Но он видит ее каждый день. Наташа легкая — легкий бег, легкий смех. Она пробегает мимо Антона и ерошит ему волосы на макушке. И ему сразу становится легко.

Младший отряд укладывается спать раньше на целый час. А у старших бывают диспуты и танцы. Антон сначала обижался. Но Наташа стала подходить к окну его спальни и говорить: «Антон, спокойной ночи». И он перестал обижаться.

Антон стоит недалеко от беседки, а в беседке Наташа вместе с Норой и Асей поет красивую песню: «Мгновение, мгновение, мгновение». Антон тоже любит эту песню. Вечер, чирикают воробьи перед сном. Девочки поют тихо, нежно, и получается песня не про опасную жизнь разведчика, а про что-то ласковое и задумчивое, как этот сырой вечер и туман над прудом.

Антон познакомился с Наташей зимой.

Он сидел под лестницей в самом темном углу. В подъезд вошла высокая девочка в коротком пальто.

— Ой, кто это? — сказала она.

— Не бойся, это я,— отозвался Антон.— Я в соседнем доме живу.

Она присела на корточки и разглядывала его. Он сидел, подложив под себя коленку, а другую поднял к подбородку.

— Вылезай,— сказала Наташа.— Вылезай, вылезай.

Антон не вылез.

— Я портфель потерял. Это уже второй. Я домой не пойду ни за что, так и знай. Как тебя зовут?

— Наташа. Здесь будешь жить? Всю жизнь?

Тогда Антон вылез. Щеки у него были чумазые, Наташа взяла его за руку.

— Пойдем к нам,— сказала она,— чаю попьем.

Рука у Наташи узкая и сильная. Они поднимались на третий этаж, Наташа впереди, Антон немного сзади. Он держался за ее руку и как будто немного упирался, но все-таки шел.

— Есть же люди на свете легкомысленные — второй портфель. Я в девятом классе учусь и еще ни одного портфеля не потеряла. А ты вон что вытворяешь.

— Я откуда знал, что так получится? — гудел Антон.— Я же не нарочно.

Они вошли в квартиру. На кухне тихо играло радио. На стене в комнате висела картина: худой большеглазый мальчик верхом на ярко-красном коне.

— Красных лошадей не бывает,— сказал Антон и тут заметил, что мальчик на картине голый. Антон отвернулся и старался больше не смотреть.

— Умывайся,— сказала Наташа,— я чайник поставлю.

Дома она повязала волосы синей лентой.

Антон сидел на кухне напротив Наташи, ел винегрет и котлеты и рассказывал, как все получилось.

Он шел из школы и увидел на той стороне улицы Ольгу Арнольдовну, учительницу музыки. Она прятала свое большое лицо в пушистый воротник, поверх воротника смотрели светлые выпуклые глаза. Антон знал, что учительница идет к нему, потому что сегодня у него урок музыки и, значит, она опять будет щипать Антона за руки и говорить сухим голосом:

— Неправильно. Сначала. Еще раз.

Антон спрятался за доски. Он сидел там долго, пока Ольга Арнольдовна поднималась к ним, пока звонила в пустую квартиру, потом спускалась и еще прогуливалась по тротуару. Наверное, думала, что Антон скоро придет. Он замерз и устал сидеть на корточках, а она все не уходила. И когда Антон решил проскользнуть потихоньку во двор, там ребята играли в хоккей и слышно было на улице, как Коська кричал: «Несправедливо! Несправедливо!»

Он спрятал портфель в доски, а сам стал ждать. Наконец учительница музыки подошла к афише цирка и стала читать. Антон тихо проскочил во двор. Они долго играли, он совсем забыл про Ольгу Арнольдовну. Потом Коська сказал:

— Давайте мою шайбу, домой пойду.

Только тут Антон спохватился, что темнеет. Он выглянул из-за угла, учительница, конечно, ушла. Антон хотел взять портфель и бежать домой, но за досками портфеля не было.

— Наверное, кто-нибудь стащил,— вздохнул Антон.

Наташа спросила:

— Может быть, ты плохо искал?

— Я хорошо искал. Я все доски перевернул.

Наташа придвинула к нему банку с яблочным джемом.

— Антон, может быть, позвонить к тебе домой? Там, наверное, беспокоятся.

— Обо мне никогда не беспокоятся,— сказал Антон.— Дядя Юра говорит, что я должен расти настоящим мужчиной. Настоящие мужчины ходят куда хотят.

Дядя Юра действительно так говорил. Антон постарался представить себе, что происходит сейчас у него дома. Мама, конечно, уже несколько раз выходила на балкон и кричала в темный двор: «Антон! Антон!» И Надя выбегала искать его. Надя уже сделала все уроки, им в третьем классе мало задают, не то что Антон, в четвертом. Наде хорошо. Она портфель не потеряла, ее музыке не учат. Счастливая, у нее нет музыкального слуха. А папа, наверное, ходит по комнате и говорит несчастным голосом:

— Перестаньте нервничать. Мало ли какие у парня дела! Задержался у товарища.

А глаза у папы беспокойные, он все время смотрит на часы. А вдруг папа уже заявил в милицию? И возле булочной завтра появится объявление: «Пропал мальчик, зовут Антон. Девяти лет, невысокий, в школьном костюме, лицо овальное, глаза карие, волосы слегка вьются, размер тридцать четвертый». Антон всегда любил разглядывать фотографии на этой доске под стеклом. На одних были опасные преступники с квадратными челюстями и низкими лбами. А на других люди, ни в чем не виноватые, которые просто потерялись. Один раз незнакомая старушка сказала Антону:

— Смотри, детка, маму слушайся. А то и тебя сюда вывесют.

Наташа встала, подошла к Антону, поерошила ему волосы.

— Ты что? Не переживай. Пойдешь домой?

— Ни за какие деньги,— сказал Антон.

— Здесь будешь жить? — весело спросила Наташа.— Всю жизнь?

Антон вздохнул, встал из-за стола и надел куртку. Он стоял в коридоре и не шел на лестницу.

— Вот еще конфета,— сказала Наташа.

— Не хочу,— отвернулся Антон и стал смотреть на блестящую чашечку звонка под потолком.— До свидания.

— Антон, твоя мама где работает?

— В издательстве. Она корректор, ошибки в книгах проверяет.

— И моя в издательстве,— сказала Наташа.— Я теперь вспомнила, моя мама про тебя рассказывала. Приходи к нам еще.

Антон вышел на улицу. Шел снег, легкий и редкий, пахло арбузом. Под фонарем стояла Надя. Она была в шубе, но без шапки, снежинки блестели у нее в волосах.

— Антон! Где ты бродишь? — строго ска-

зала Надя.— Нам тетенька принесла твой портфель, мама сразу догадалась, что ты прячешься, и послала меня тебя искать.

— Какая тетенька? — Антон кинулся к Наде.

— Рабочая в оранжевой жилетке. Они дорогу чинят, досками асфальт прикрывают. Говорит, портфель за досками лежал, а хозяина нет. Она его открыла, по тетрадкам узнала, чей. А потом спросила у ребят, где живет Антон.

— Мама что сказала? — спросил Антон и надел на Надю свою ушанку.

— Мама? Она сначала ничего не сказала. А потом сказала: «Мы с этим Антоном еще намучаемся». А папа сказал: «У него характер легкомысленный, в твою семью. Взять хоть твоего брата Юру». Пошли домой, Антон, они уже не ссорятся.

Через несколько дней Антон встретил Наташу. Он издалека узнал ее серое пальто и красную вязаную шапку. Наташа шла и вела палочкой по забору. Звук получался звонкий и веселый: «Щелк-щелк-щелк». Антон пошел рядом, поднял голову, смотрел на ее лицо.

Потом Антон говорит:

— Наташа, а у нашего Славки Челнокова в вашем классе брат учится, Саша. Я его знаю.

— Подумаешь, знаменитость,— говорит Наташа, оттопырив нижнюю губу.— Двоечник и хулиган. А Моргунова не дала мне сегодня геометрию списать. Этой Моргуновой всегда больше всех надо.

— Саша Челноков лучше всех на нашей улице в футбол играет. И голуби у него знаешь какие.

Антону хочется, чтобы Наташа не согласилась с ним и обругала Сашу. И она говорит:

— Хулиган и голубятник. С его интеллектом только в футбол играть.

Антону стало совершенно весело. Он не понял, что такое «интеллект», и сказал:

— Да, Наташа, только в футбол играть. А больше ничего.

Они вошли во двор, там солнца не было, синие тени лежали на белой стене высокого белого дома-башни. Плыли быстрые облака, а небо было яркое. На балконе стояла Надя, и она закричала:

— Антон! Иди домой! Суп остыл!

— До свиданья, Антон,— сказала Наташа,— летом я научу тебя делать бумажного змея. Когда я была с мамой на Волге, там был один человек, дядя Петя. Он делал таких змеев, они летали выше неба.

— Научишь? — Антон опять поднял голову и долго смотрел в небо.— Только не забудь.

Лето пришло очень быстро. Мама сказала:

— Я рада, что Наташа едет в лагерь, хоть присмотрит за тобой.

Антон ответил:

— Я тоже рад, что Наташа едет.

Когда автобусы отправлялись, Наташина мама стояла рядом с мамой Антона. Мамы махали руками и кричали:

— Пиши! Пиши!

— Не заплывай далеко!

— Не перегрейся!

— Не простудись!

Мамы беспокоились, а дети, которые сидели в автобусе, были уже не с ними. Они ехали в лагерь.

Наташа сказала вчера Антону:

— Я еду в лагерь в последний раз. Даже представить себе не могу. Захочу еще когда-нибудь поехать в лагерь, а мне скажут: «Нельзя. Лагерь для детей. А вы, Наташа, уже взрослая». Смешно, правда?

— Конечно, смешно,— сказал Антон. Ему почему-то стало тоскливо.

А потом, когда автобусы поехали друг за дружкой по городу и горнист загорнил, высунув блестящую трубу в окно, Антону стало весело. Вот они едут все вместе, подстриженные дружные дети в белых рубашках и в белых кофточках. А галстуки развеваются от ветра, который рвется в автобус через открытое окно.

А за окном уходят назад белые дома с пестрыми занавесками, магазин «Товары для малышей».

В лагере оказалось, что Антон уже умеет немного плавать: он проплывал, не держась за дно, наверное, десять метров. Антон закричал:

— Наташа! Смотри!

— Молодец! — крикнула Наташа.

Она сидела на берегу, с темных волос стекали капли и высыхали на загорелых плечах.

— Молодец, Антон!

— Я еще нырять умею! Смотри!

— Антон! Не смей нырять,— сказала вожатая Вика.— Выгоню из воды. Я боюсь, когда вы ныряете. Я же вас все время считаю.

— Не ныряй! — крикнула Наташа.— Я и так знаю, что ты умеешь нырять.

Как хорошо, что вода в речке прохладная и сверкает! Хорошо, что солнце нагрело песок и траву на берегу. Хорошо, что вожатая Вика совсем не злая. А самое хорошее, что сидит на берегу Наташа, и круглые светлые капли стекают ей на плечи.

Весь отряд и вожатая Вика собирали землянику на светлой поляне. У березовых пеньков ягоды были самые крупные, темно-красные. Пока одну срываешь, видишь еще пять или даже десять. Антон сначала съедал каждую земляничку отдельно. Потом решил набирать в горсть, как вожатая Вика. Если землянику отправлять в рот горстями, она гораздо вкуснее. Потом Антон заметил, что Лида Тихомолова, самая маленькая девочка, нанизывает ягоды на травинку.

— Это зачем? — спросил Антон.

— Лариса Фуфаева в изоляторе лежит, у нее катар верхних дыхательных путей. Думаешь, ей ягод не хочется? Она тоже живой человек.

— Конечно,— сказал Антон, — она тоже живой человек. И Наташа тоже живой человек.

Антон сорвал самую длинную травинку и стал надевать на нее землянику. Получились красные, светящиеся бусы.

Лида заворчала:

— Наташа, Наташа. Только и знаешь свою Наташу.

— Молчи,— сказал Антон спокойно,— а то как тресну, отлетишь.

— Ты чего злишься? — спросила вожатая Вика. Она подошла и встала между Лидой и Антоном.— Еще не хватало драки в отряде.

— А чего же она? — сказал Антон и отошел.

Когда вернулись в лагерь, Антон разыскал Наташу. Она сидела в беседке и читала толстую книгу со смешным названием «Идиот».

— Я тебе вот что принес! — издали закричал Антон.

Она отложила книгу, взяла ягоды, не стала сразу есть, а долго на них смотрела, потом сказала:

— Какие красивые ягоды. Давай съедим их пополам, ты и я.

Потом он сидел рядом с Наташей на скамейке и болтал ногами. Ноги не доставали до пола. Наташа потрепала ему волосы.

— Антон, у тебя ковбойка надета наизнанку.

— Я знаю, это специально. Чтобы рубашка не пачкалась. Вечером перед линейкой вывернул — опять чистая.

Наташа почему-то засмеялась.

— Выдумщик ты великий. После тихого часа отдашь мне рубашку, а сам в другой походишь.

К вечеру Антон увидел, что его ковбойка и носки сушились на веревке рядом с Наташиным сарафаном.

Самое хорошее время в лагере после полдника. Еще тепло, но уже не жарко. И никуда не надо спешить. А впереди длинный вечер, будет кино, или концерт, или еще что-нибудь интересное.

Антон идет по дорожке и несет конверт и лист бумаги. Он решил написать письмо домой. Вот он сидит в беседке, посреди беседки деревянный стол, а вокруг него узкие скамейки. Антон положил локти на стол и смотрит на куст бузины. Белые цветы тяжело висят на ветках, они остро пахнут. Рядом с беседкой Лариса Фуфаева прыгает через прыгалки. Значит, у нее уже прошел катар верхних дыхательных путей. Она прыгает долго-долго, прыгалки весело шлепают по дорожке, выложенной каменными плитами.

Антон повертелся, сел поудобнее и написал первую строчку: «Здравствуйте, дорогие мама и папа!» Он хотел прибавить «Надя», но вспомнил, что Надя не дома, а с бабушкой на даче. Бабушка перед отъездом говорила, что будет по вечерам поить Надю парным молоком, потому что Надя худенькая. Антон не любит парное молоко, и Надя тоже не любит. Она его все равно не будет пить: Надя такой человек — не хочет, значит, не заставите.

«Уже поспела земляника»,— написал Антон. Потом написал про кроликов и опять положил ручку, задумался. Они ездили в совхоз на грузовике, который возит продукты из города. Над кузовом брезентовая крыша, ехать было темно и весело. Они сидели, весь отряд, тесно прижавшись плечами. Когда машину встряхивало, можно было визжать. Когда приехали, вожатая Вика снимала всех по одному с машины. Антон не дал себя снимать, а спрыгнул сам на мягкую пыль. Вика сказала:

— Ты, Антон, ловкий.

Кролики сидели в клетках, они были серые и белые, с красными глазами, похожими на клюковки. Один кролик был черный, с белым кружочком на щеке. Длинные шелковые уши просвечивали розовым. Зоотехник Вера Евграфовна объясняла:

— Кролики как люди. Они любят внимание и ласку.

Антон просунул палец в клетку и погладил самого маленького серого крольчонка. Мех у него оказался теплый. Вера Евграфовна заметила и сказала:

— Этого делать не надо.

«Кролики мне понравились»,— написал Антон в своем письме. Он стал думать, как письмо принесет почтальон и опустит в ящик внизу в подъезде. А потом папа проснется и спустится за газетой и вытащит белый конверт с портретом народного поэта Абхазии Д. И. Гулиа. «Письмо от Антона!» — обрадуется папа. А потом он поднимется и крикнет на всю квартиру: «Письмо от Антона!»

Мама прибежит из кухни, и они сядут на диван и будут читать и говорить, какой Антон молодец, взял и написал письмо. Немного криво идут строчки, но это потому, что бумага без линеек. Потом мама скажет:

— Ошибок много. У меня врожденная грамотность, а дети пишут с ошибками, меня это огорчает.

А папа скажет:

— Пустяки. Главное, что парню нравится в коллективе. А ты говорила, что он неконтактный. Он — мой сын, и он умеет находить общий язык с людьми.

Длинная коричневая птица села на бузину, куст наклонился до самой земли, а птица повернула голову и боком посмотрела на Антона, как будто размышляла, надо его бояться или не надо.

Наверное, решила, что не надо, и осталась сидеть.

И тут Антон услышал голос Наташи:

— Ася, не знаешь, где Антон?

— Антон? Откуда я знаю? И вообще нашла ты, Наташка, себе друга.

Антон замер, сердце стало маленьким и твердым, как камешек.

— Антон? — немного нараспев сказала Наташа.— Наши мамы вместе работают. Я обещала его маме присматривать за ним. Он же маленький, совсем ребенок. Какой он мне друг?

Наташа и Ася прошли мимо. Антон продолжал сидеть на месте, сердце все не разжималось.

Каждое утро Наташа говорит:

— Съел кашу? Доешь-доешь.

И он доедает.

После ужина спрашивает:

— Не промочил ноги?

Вечером приходит под окно голубого домика и говорит:

— Антон, спокойной ночи.

И угощает конфетами, которые ей прислали из дома. Не нужны ему конфеты. Обойдется без конфет! И Антон приписал внизу листочка: «Возьмите меня отсюда, а то сбегу». Он побежал к воротам и опустил письмо в почтовый ящик. Раз так, значит, так. Мама велела присматривать, он еще совсем маленький.

Вечером вместе со всеми Антон сидел у костра и смотрел на раскаленные белые искры в черном небе. Баянист Жора играл вальс и притопывал ногой. Ребята из второго отряда показывали пирамиду: два больших мальчика на земле, два поменьше — у них на плечах, а третий, самый маленький, Сережка, на плечах у тех. Сережка держал красный флажок. Физкультурник Валерий с широкими плечами, в туго натянутой футболке считал им тихо:

— Раз. Два. Три. Четыре.

Все захлопали, а мальчики в пирамиде дружно крикнули: «Физкульт-привет!»

Потом маленькая Лида плясала танец «Татарочка». Лида расплела свои косы и заплела много маленьких, тонких косичек. Она кружилась вокруг костра, садилась по-турецки на траву и снова поднималась, делала плавные движения руками. Огонь освещал ее лицо то с одного бока, то с другого.

Антон все видел, но в мыслях было совсем другое: «Уеду. Уеду, и все».

Рядом оказалась Наташа.

— Ты почему грустный? Голова не болит? Ноги не промочил?

Она провела теплой рукой по его затылку снизу вверх, как всегда, приподняла волосы. Антон почувствовал, что слезы сейчас польются из глаз и все заметят. Но Наташа в темноте не увидела.

Костер догорел. Все ушли в лагерь, не по отрядам, а кто с кем хотел. Наташа и Нора запели тихими голосами: «Мгновение, мгновение, мгновение». Блестела роса на лугу. Антон сошел с тротуара и зашагал по высокой траве. Ему очень хотелось промочить ноги.

СИЛЬНЫЕ, ЛОВКИЕ, СМЕЛЫЕ

Да здравствует

В прошлом номере вы, наверное, обратили внимание на очерк Людмилы Турищевой. Кроме всего прочего, там есть такие очень точные слова. «Лето, — сказала олимпийская чемпионка, — сейчас целый мир стал твоим спортивным залом!» Лето — пора соревнований, «старты надежд».

Хм, лето... Было лето, а теперь август... Так могли бы сказать пессимисты. Однако мы говорим по-другому: «Еще месяц впереди! Больше целого взрослого отпуска! За это время можно, как говорится, свернуть гору всяких полезных дел».

Каких же, например? Ну, поскольку мы сейчас говорим о спорте, то первое и сейчас, наверное, самое важное дело — физически быть отлично готовым к учебному году. Это только кажется, что пятерки не зависят от гибкости и крепких мускулов. Очень даже зависят! В здоровом теле — здоровый дух. И еще живой ум, и любознательность, и внимание, и еще цепкая память — цепкая, как руки хорошего вратаря.

Быть физически крепким, гибким, ловким... Конечно, легко тому, кто ходит в секцию, кто каникулы проводит в спортивном лагере или у кого хотя бы стадион рядом. Ну а если ни секции, ни спортлагеря, ни стадиона под боком?

А я отвечаю вам: ну и пусть! Сейчас весь мир — спортивный зал. И ты сам себе тренер, если... если, конечно, хватит у тебя силы воли.

Что же касается меня лично, то я бы вот как прожил этот август — тридцать один день полнейшей свободы, крупных и спелых звезд по вечерам, ранних, уже прохладных рассветов, но особенно свежих от этого, особенно росистых...

О, если бы мне дали тридцать один день августа и сказали:

«Живи в свое удовольствие, но!.. Но с пользой».

«А с какой это пользой?»

«Да вот с такой: чтобы прийти в школу крепким, ловким и т. д. Иными словами, потенциальным пятерочником».

Честное слово, я бы пожил!

Я бы вставал рано. Зачем? Чтобы застать утро во всей красе. Я так люблю его, самое чистое время суток. Проспать его страшно! День потом какой-то как с подрубленными крыльями...

Трусы, майка и тапочки — я обязательно хочу побегать. Малость прохладновато. А я перед бегом легкую зарядочку, чтобы потом лучше дышалось. Разминаю мышцы шеи, плечевой пояс, после наклоны влево-вправо, вперед-назад, что-нибудь для брюшного пресса, для спины, несколько отжиманий от пола, несколько приседаний, два десятка прыжков... Теперь я бегу. Сколько? Сколько захочу. Но не больше получаса и не меньше минут пяти.

Я не стану обманывать и не скажу, что бег с первого занятия становится твоим другом. Но недели через две... Однажды, взбираясь на какую-нибудь там горочку, ты вдруг замечаешь, что бежишь, абсолютно не напрягаясь. И тебе удивительно радостно оттого, что ты в трусах, в майке, в тапочках, что вокруг так много прохладного воздуха, что ты совершенно не устал, не запыхался. Ты силен, вынослив и весел!

После бега — речка, озеро. А можно душ. А можно просто ведерко воды из колодца... Чудесно!

С каким после недоумением смотришь на заспанных, медлительных, нечесаных людей, которые только еще выползают на свет божий!

Я улыбаюсь, переполненный энергией. Сердце бьется ровно, сильно. Я чувствую приятную усталость... Завтрак кажется просто потрясающе вкусным! Уж тут не будешь лениво тыкать вилкой и вздыхать. Что дали, то и съел... Но только, чур, не переедать!

Август в этом году удачный, теплый. После завтрака я бы сколотил компанию на предмет искупаться... Не верю я разговорчикам: «У нас купаться негде». Есть электрички, автобусы, велосипед. Живем ведь не в каменном веке! А если до речки действительно можно на велосипеде прокатиться — так это же еще лучше, что она не рядом!

Озеро, речка. Тут все ясно: загар, волейбол, шахматишки... Единственное, что бы я сделал обязательно, — это три хороших заплыва, метров по сто каждый. Чтобы, отправляясь домой, я твердо знал: свои триста метров я сегодня проплыл.

действие!

Между прочим, кто не знал, пусть знает: плавание, ровный и долгий бег, гребля — три вида спорта, которые лучше всего развивают сердце и легкие, благотворнее всего влияют на рост организма.

После обеда, после сна (а почему б и не вздремнуть часок, если ты много и активно двигался?) я бы, пожалуй, во что-нибудь сыграл. В футбол или в баскетбол — что проще организовать. Или в настольный теннис. А если есть возможность, то и в бадминтон.

Это отличнейшая игра. Она только с виду легкая. На самом деле так напрыгаешься!

Вечером играть хорошо, нежарко. Уже начало темнеть, но волан долго еще будет виден на светлом вечернем небе. Но только одно условие должно быть, по-моему, соблюдено непременно: играть в бадминтон надо не диким образом, а через сетку. Правила разузнать несложно, площадку расчертить — полчаса работы, натянуть верёвку между двумя стойками (потому что настоящей сетки обычно никогда нет) тоже не проблема. И как удивительно сразу изменится игра! Сколько смысла приобретет, остроты, захватывающего веселья!

Но вот конец игре, конец дню. До свидания, огромный стадион под синей и звездной крышей, до завтра. Крупные низкие звезды провожают меня до дому. И под конец одна упадет и будет долго катиться по небу, так долго, что я обязательно успею загадать желание.

Теперь посмотри еще раз на фотографию, помещенную здесь. Четверо мальчишек лезут по канату. Задача сформулирована так: «Кто первый долезет, тот и молодец!»

А кто первый? Мне кажется, тот, что слева. Не только потому, что он в этот момент всех обогнал — лезть еще много. Главное, лицо у него особенное: человек по канату карабкается, ему наверняка нелегко, а все-таки он улыбается! Борьба, соревнование, решение разных задач — это для него дело привычное. А тот парнишка, крайний справа, он, видно, вовсе не привык к решению задач, к борьбе. Он, я думаю, и вообще не долезет!

Наша жизнь. Едва ли не на девяносто процентов — это решение различных задач и борьба, чаще всего с самим собой. Чтобы бороться и победить, надо быть крепким физически, но главное, духовно. Как стать таким человеком? Пути могут быть разные. Но так или иначе без спорта не обойтись. Мы привыкли, что спорт — это большие нагрузки, тяжелое дыхание, пот. Может быть, потому его не все и любят. А некоторые даже побаиваются. Я тебе показал здесь возможность спорта, который как бы просто веселая жизнь, но только с соблюдением некоторых правил. И еще у этой твоей веселой жизни обязательно должен быть девиз. Вот он:

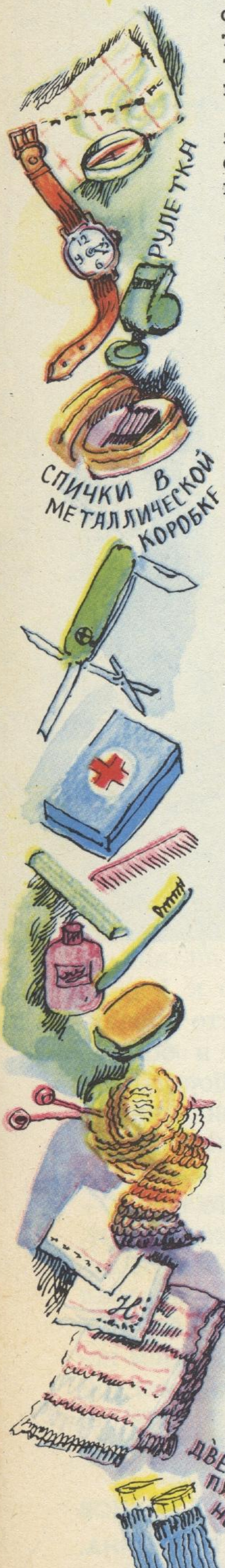
ДОЛОЙ ЛЕНЬ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДЕЙСТВИЕ!

С. ИВАНОВ

Фотография А. БОЧИНИНА.

Рисунок А. БОРИСОВА.

Академия Домашних Волшебников

Из «Солнышка» Марина и Лёка вернулись загорелые и окрепшие — сил на всю зиму хватит, а Лёка еще чемпионкой по теннису всего лагеря стала и план свой по английским словам перевыполнила. Семьсот девяносто два! Такая цифра стоит в последней строке ее словаря, а впереди еще август... Марина тоже не отстала: она очень хорошо выступила на концерте, играла вальсы Шопена, а в свободные вечерние часы успела вышить кофточки, не только свою и Лёкину, но и кофточки двух новых подруг, Тани и Алены...

Алеша слушал их рассказы про замечательную лагерную жизнь, а сам загадочно улыбался, ничуточки как будто не завидуя.

Лёка закончила свой рассказ соревнованием рыболовов, она, конечно, тоже участвовала, но (Лёка вздохнула) не очень-то успешно. И тут Алеша безразлично так сказал:

— Мы тоже удочки возьмем. Там рыбы очень много...

— Где? — насторожилась Лёка.

— Старший брат Боба Сухарева нас в поход берет. На Оку. На десять дней. Вначале на поезде, потом на «Ракете», а потом пешком вверх по Оке. Так что мы через три дня уезжаем.

— Счастливчики! — сказала Марина.— В настоящий поход!

— Брат Боба — геолог, он обещал нас еще научить разбираться в камнях. Между прочим, он рассказал, что на Оке нашли агаты!

— Счастливчики! Настоящая экспедиция! — вздохнула Марина.— Вернетесь домой, обязательно расскажете подробно.

— Конечно! — Алеша просто засиял.— Какой лагерь сравнится с походом?

— Как? — Лёка наконец поняла, что происходит нечто невероятное.— В поход? А мы?

— Ну это тяжело. Пешком. Рюкзаки тащить надо.— Алеша развел руками, показывая, какие предвидятся великанские рюкзаки.

— Рюк-за-а-аки!! — У Лёки даже глаза потемнели от возмущения.— Да я по канату пять раз поднималась. У меня знаешь, какие мышцы! — И Лёка согнула левую руку.— Вот! Еще неизвестно, кто твою Оку скорее переплывет! Да и про камни я раньше всех мечтала все разузнать. И книжку читала Ферсмана «Занимательная минералогия».

— Я не знаю. Брат Боба не согласится, наверное. И мама вас не пустит.

— А тебя бабушка пустила?

— Пустила.

— Ну и мама пустит! Я ведь уже в седьмой класс иду, а Марина — в восьмой.

И мама пустила. И брат Боба Сухарева согласился взять двух девочек и одного волшебника, потому что Калинке тоже очень захотелось отправиться с ними. И на всю декаду погоду обещали ясную, теплую. И папа помог подогнать рюкзаки и укрепить их на раме из металлических трубок.

Рюкзак на раме кажется вдвое легче. А главное, рама не позволяет сутулиться.

В рюкзак к спине положили мягкие вещи: куртку, свитер, шерстяные носки (две пары), шерстяную шапочку.

На ногах у всех кеды, а в рюкзаке запасная пара разношенных ботинок. Не забыли майки, трусы, купальники, полотенца, носовые платки.

Подальше от спины лежат продукты, кухонная посуда. Их разделили по всем рюкзакам. То, что потяжелее, положили вниз. В карманах рюкзака разные мелкие вещи: компас, карта, перочинный нож, спички, мыло, расческа, зубная щетка и паста, бумажные салфетки. В больших карманах рюкзаков: у Марины — фотоаппарат, у Алеши — краски и альбом для акварелей, у Лёки — вязанье, иголки, нитки, английские булавки и лоскутки для заплат, у Боба — геологический молоток, у брата Боба — бинокль, у Калинки — дневник.

Походное снаряжение уложено плотно, ничто не гремит. У кого рюкзак великоват, его объем сократили, сделав по бокам шнуровки. Для этого вдоль боковых швов пробили обувными пистонами дырочки и в них вдели крепкую тесьму.

Рюкзаки у всех похожи. Чтобы не спутать их в общей куче, каждый нашил на свой рюкзак цветную эмблему. Лёка — пеструю лоскутную бабочку, Алеша — сине-голубой круг, Марина — букву «М», у Боба на рюкзаке — три цветные полоски, брат Боба выбрал эмблему своей любимой футбольной команды «Спартак», Калинкин рюкзак ни с каким не спутаешь: он красный, с зеленым калиновым листком и очень маленький, не больше Лёкиного кулака.

Шесть человек — это настоящая экспедиция. У каждого из участников свои обязанности. Командиром выбрали Вадима, брата Боба Сухарева: он самый опытный путешественник и самый старший. Слово его — закон для всех членов группы.

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Калинке поручили дневник, она ведет его сама, но иногда передает кому-либо из участников. Так вести дневник интереснее.

Боб — завхоз. Он должен помнить о всех хозяйственных мелочах, распределять продукты на день, беспокоиться о свежей рыбе к обеду или грибах и ягодах. Он же назначает дежурства.

Лёка — ботаник, она собирает гербарий и учится по цветам определять погоду и конечно, «мастер на все руки»: поможет пришить пуговицу или зашить порванный рукав куртки. Геология в ее обязанности не входит, это ее хобби. Английский словарь тоже не забыт.

Марина — фотограф. Она умеет выбрать объект для съемки и не будет снимать традиционную цепочку идущих или сидящих у костра.

Алеша — художник и костровой. Сушняк для костра — его забота, а с альбомом он не расстается никогда.

Чистота котелков, мисок, кружек, вовремя приготовленный завтрак, обед и ужин — забота двух дежурных. Каждые два дня они меняются. Отдежурил два дня, а потом все четыре блаженствуешь: что хочешь, то и делаешь.

К дежурству все относились очень серьезно и старались вовсю: утром вставали с солнышком, готовили на завтрак пшенную кашу, молочную лапшу или картошку с грибами — вкуснее не придумаешь. Драили котелки песком так, что те сияли серебряным светом, придумывали обед, а вечером не забывали вовремя вскипятить чайник. Чай вприкуску с сухарями, да еще у костра, а над головой — звезды, и река внизу в лунном свете переливается!

Судьба такого путешествия зависит только от взаимного доброго отношения и желания помочь каждому и всем вместе. Ни дождь, ни жара, ни переваренный суп, ни плохо разгорающийся костер, ни комары, ни промокшая последняя коробка спичек не доставят неприятностей, если каждый умеет не обратить на это внимания. Вот Боб, например, недосмотрел, и каша подгорела. Он ведь это сделал не нарочно, просто засмотрелся на Вадима, который так ловко ловил раков в заводи. Или Лёка. Опрокинула последний флакон «Ангары», а комары идут тучей. Она не хотела, просто случайно—случайно!—задела локтем. Что же ее в этом упрекать: она так же страдает от комаров, как и Боб, который вместе со всеми ест подгоревшую кашу. В другой раз Боб будет сосредоточеннее, а Лёка осторожнее.

Один раз, правда, Вадим, Марина, Боб и Лёка напустились на Алешу, тогда, когда он сварил борщ с ложными белыми грибами. Борщ был такой красивый, аппетитный, и есть так хотелось!

Калинка утихомирила разбушевавшийся голодный народ тем, что попросила Алешу скорее-скорее вылить борщ, вымыть хорошенько котелок, принести свежей воды, открыть банку сгущенного молока... Через пятнадцать минут все уплетали за обе щеки молочную лапшу.

Вечером Калинка сказала, что они с Лёкой подежурят вне очереди и напекут пирожков с черникой. Представьте себе — на костре! Вернее, на углях.

Как только сушняк прогорел и остались только расскаленные угли, осторожно, чтобы не нарушить костра, поставили в угли два кирпича, на них приладили сковороду, и через полчаса была готова гора румяных пирожков.

А готовили их так. Перебрали чернику, промыли холодной водой, обсушили полотенцем, пересыпали сахаром. Это начинка.

Тесто замесили в большой миске: выпустили два яйца, желток и белок растерли с четырьмя столовыми ложками сахарного песку, добавили 8 ложек сметаны, по щепотке соли и соды и примерно 2 стакана муки. Замесили тесто. Раскатали кружки. Насыпали на каждый кружок по ложке черники, защипали и поджарили в горячем подсолнечном масле.

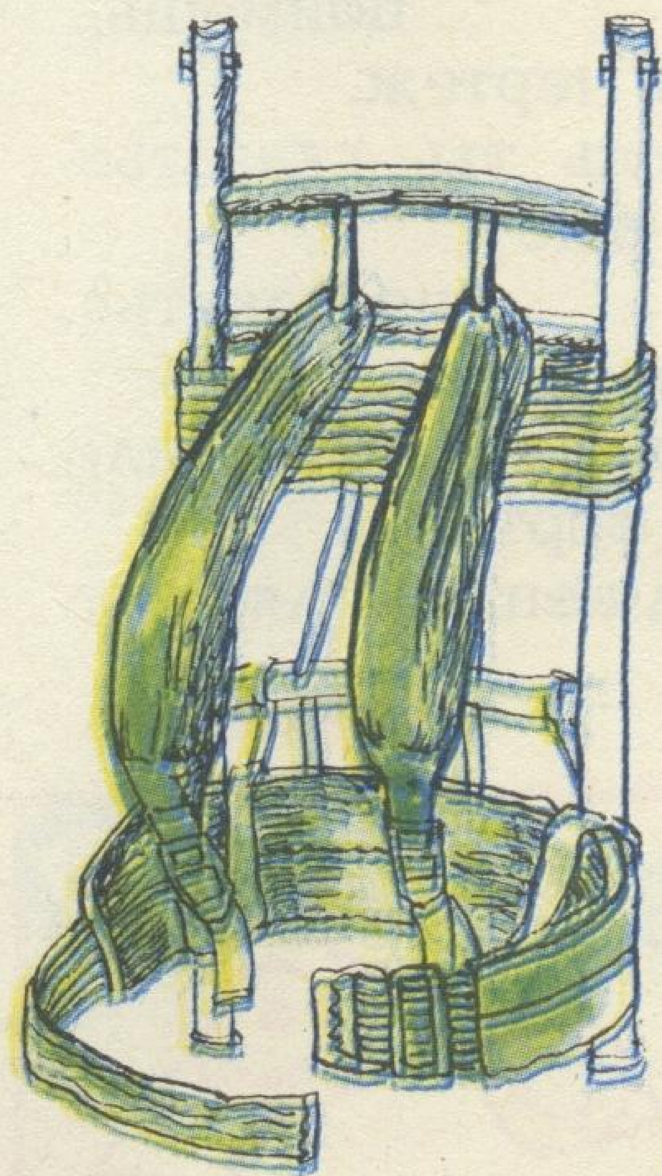
ИЗ ЛЁКИНОЙ ЗАВЕТНОЙ ТЕТРАДИ

Молочную лапшу для шести человек можно приготовить на костре за 15 минут.

Налить 3 литра воды в котелок, повесить над сильным огнем. 5 минут, и вода закипит. Снять. Вылить в воду банку сгущенного молока с сахаром, добавить чайную ложку соли, размешать хорошо и высыпать вермишель (полторы горсти на тарелку) или лапшу (горсть на тарелку). Попробовать, не надо ли еще соли, и снова повесить над костром, послабее огонь — чтобы не бежало через край. Минуты через 4 (вермишель) или минут через 7 (лапша) котелок снять с огня, добавить масла. Пожалуйста — обед готов!

Между прочим, хочешь послаще — возьми не одну банку, а полторы или даже две.

РАМА-СТАНОК ДЛЯ РЮКЗАКА С МЯГКИМИ ШИРОКИМИ ЛЯМКАМИ И ПОЯСОМ

ТАК НАДЕВАЕТСЯ РАМА С РЮКЗАКОМ И ЗАСТЁГИВАЮТСЯ НА ПРЯЖКИ ЛЯМКИ И ПОЯС

В ТАКОМ ПОРЯДКЕ КРЕПЯТСЯ К РАМЕ РЮКЗАК, ПОРОЛОНОВЫЙ КОВРИК И СПАЛЬНЫЙ МЕШОК

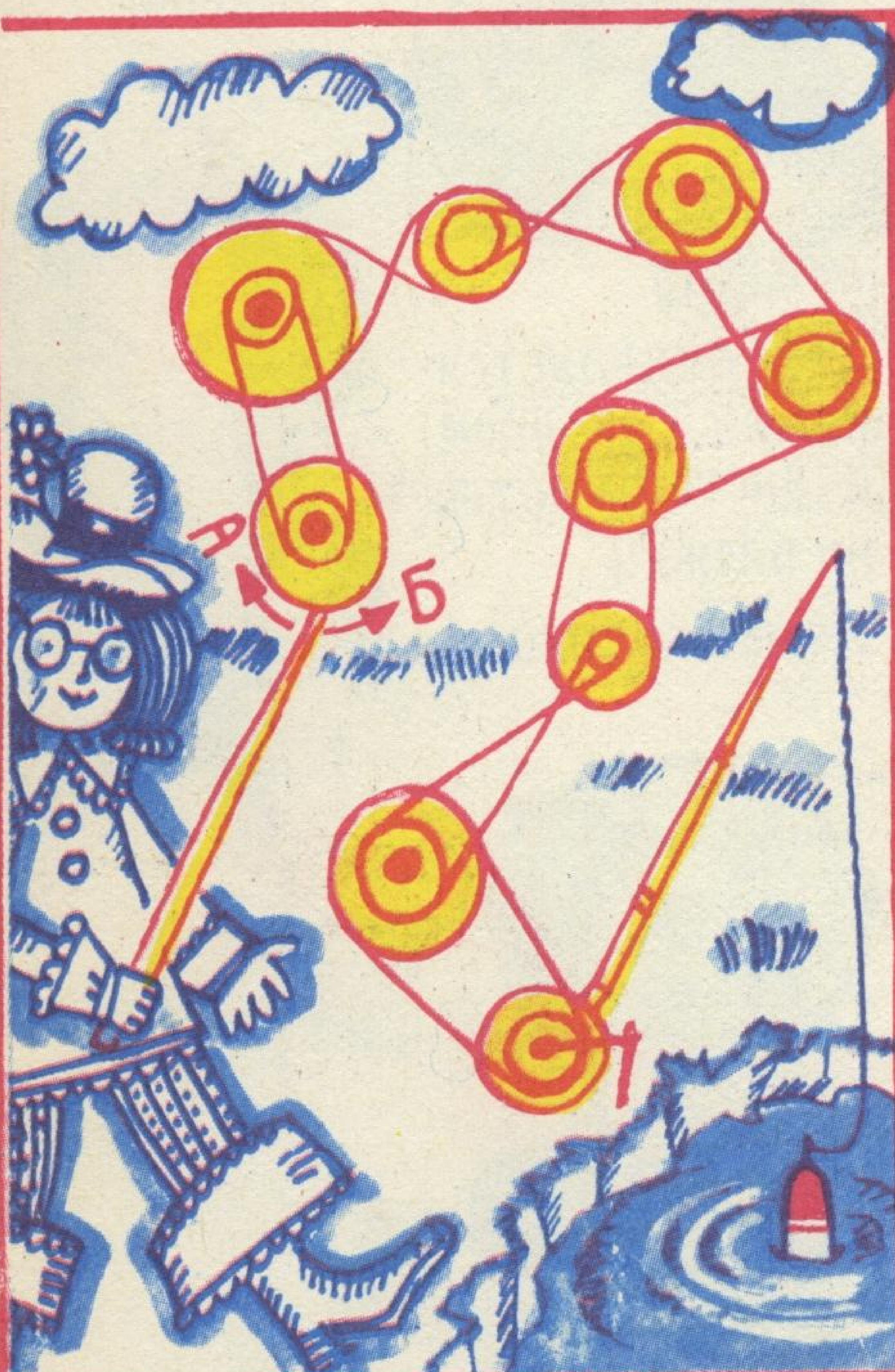
Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

РЫБОУД

Посмотри! За пять минут
Я придумал рыбоуд:
Замечательный прибор,
Неизвестный до сих пор.
Принцип действия
поймешь,
Изучая мой чертеж.
Вижу, хочешь ты сказать:
— Как же рыбу
подсекать?
Я для этого собрал
Подсекательный штурвал,
А куда его вертеть,
Сам ты должен разглядеть.

Живживка.

На этот раз я предлагаю вам несколько двустиший, сочиненных животными и птицами южных широт. Ищите имя автора между слов где-нибудь внутри строк.

Жду ответа. ДЕД БУКВОЕД.

Чьи стихи?

Гром грохотал, весь лес трясло,
Но я гулял грозе назло.

*

Нашел я чей-то шлем! Ура!
Мне не страшна теперь жара.

*

Следы костра у самой пальмы,
Кора в ожогах... Факт
печальный.

*

Не многие найдут мой след,
Я здесь, а кажется, что нет.

*

В пустыне гул аэродрома
Дерзает спорить с гулом
грома.

*

Хочу свою измерить тень,
Не знаю как, а думать лень.

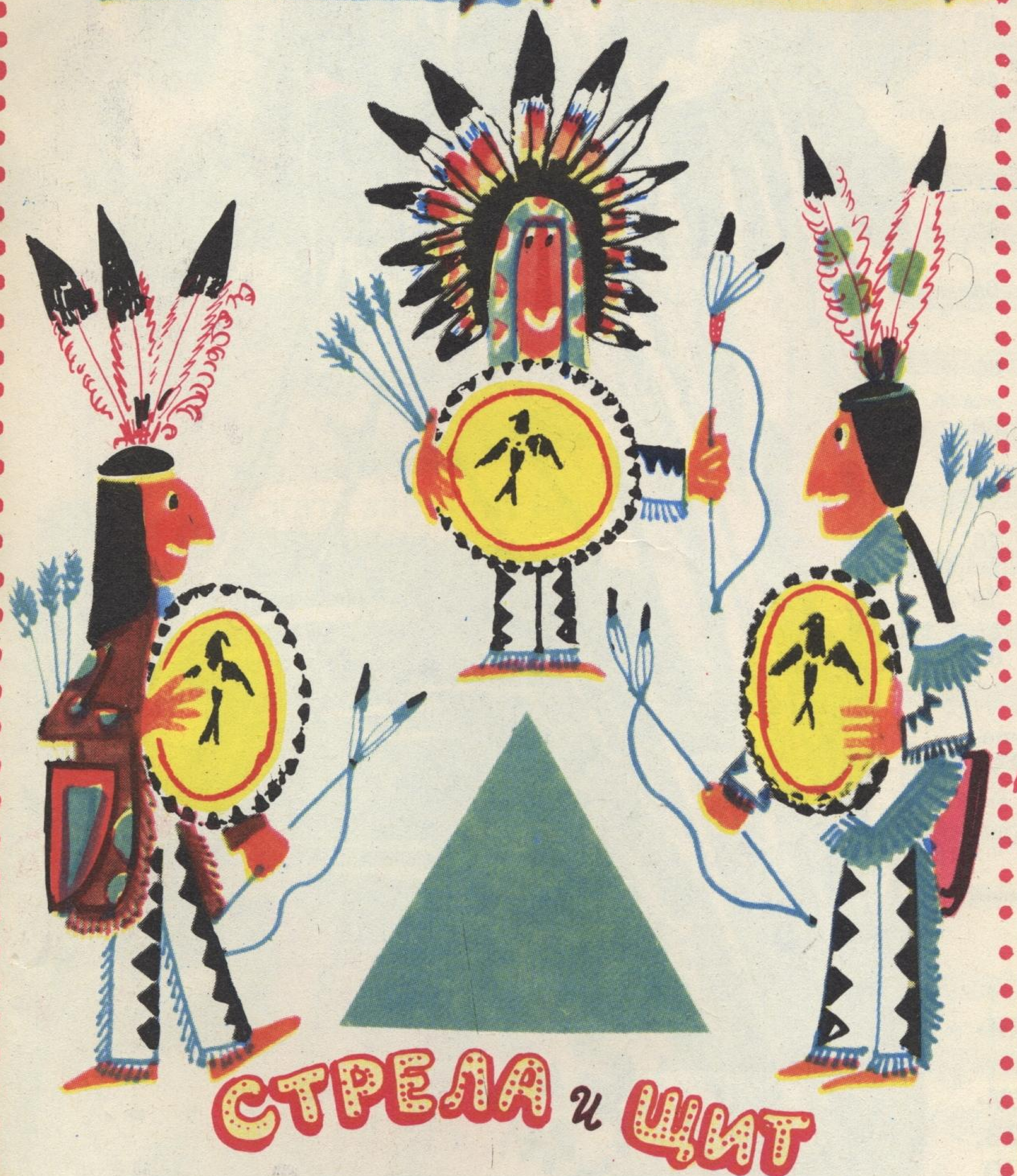
*

Мой сын свой хвост, играя, ловит.
К охоте он себя готовит.

Стрела и щит

Трое юношей из индийского племени Сиу — Орел, Бизон и Енот,— вооруженные щитами и луками, соревнуются в меткости стрельбы. На равнине начерчен большой равносторонний треугольник. Каждый из юношей стоит на одной из вершин. И Орел, и Бизон, и Енот стреляют из лука одинаково хорошо. Их разделяет такое расстояние, с которого одна из двух пущенных ими стрел обязательно должна попасть в щит «противника».

Но у каждого из них только по одной стреле. По правилам тот, в чей щит попала стрела, считается «убитым».

По жребию первым должен стрелять Бизон, стрелять в Орла или в Енота. Если Бизон промахнется, будет стрелять тот, в кого он целился. И так далее.

Должен ли радоваться Бизон тому, что ему выпал жребий стрелять первым? Одинаково ли рискует быть «убитым» каждый из стрелков? У кого какие шансы?

За добычей!

Отправляйтесь за добычей,
Отыщите пять различий!
Докажите, что у вас
Самый острый в мире глаз!

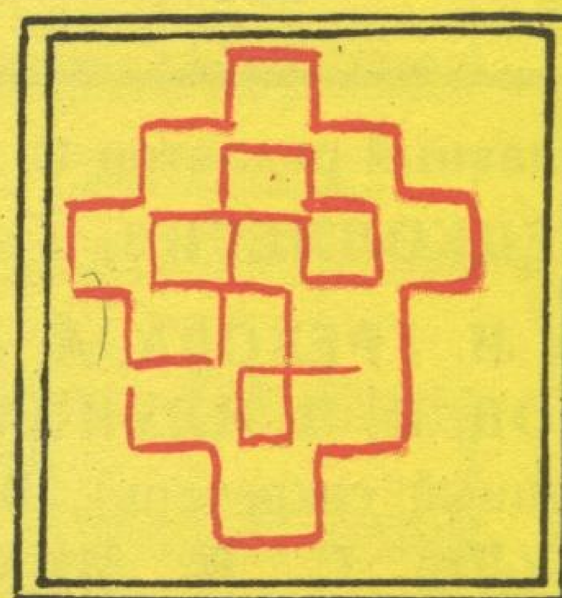

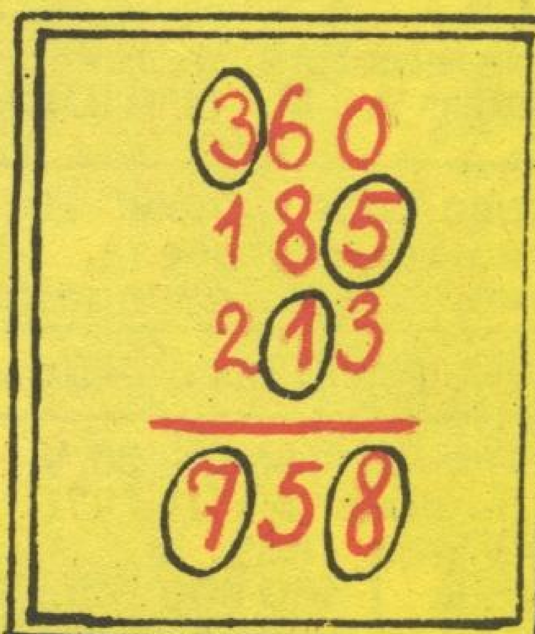
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ НОМЕРА 7

Расставьте сети.
Сети нужно расставить так:

Семь уток.
Должны получиться слова: улитка, туристка, мультипликация, бутылка, рулетка, куртка, прибаутка.

Помогите ослу!
Вот так нужно расположить цифры в примере.

Три предмета.
Эту задачу все ребята решили правильно.

СОДЕРЖАНИЕ

Слет пионерский.— Рисунки Т. Ларионовой. Фото В. Постникова 3

Берем с коммунистов пример! 4, 28

Международный пионерский клуб «Товарищ».— С. Фурин. Фотографии В. Школьного. 5, 11, 37, 61, 65

Венька. Рассказ Ю. Коваля. Рисунки А. Аземши. 6

Про метро.— Стихи Т. Котеневой. Рисунки А. Борисова. 12

Ковер-самолет.— Повесть В. Крапивина. Продолжение. Рисунки Е. Медведева. 14

Что нам читать? 30

Боевой листок. 33

От киля до клотика.— Очерк Л. Эфроса. Рисунки В. Цикоты. 34

«Кораблик».— Рисунки А. Гришина. 38

В Тигровой балке.— Рассказы Ю. Крутогорова. Рисунки В. Дудкина. 40

Как рождаются вулканы.— Очерк И. Вайнштейна. Фото автора. 46

У нас над облаками.— Л. Уснарская. Записал Б. Орлов. 48

Морозовская стачка.— Главы из повести В. Бахревского. Рисунки Ф. Лемкуля. 50

Ты, я, наш отряд

Огневые ребята.— Н. Белов. Рисунок Н. Маркова. Фотографии А. Акульшина. 62

В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. . 64

Хочу читать. С чего мы подрались. Сон на сеновале. Вечерняя присказка.— Стихи М. Борисовой. Рисунки Е. Вознесенской. 66

Письмо.— Рассказ Л. Матвеевой. Рисунки С. Трофимова. 68

Да здравствует действие!— С. Иванов. Рисунок А. Борисова. Фотография А. Бочинина. . . 74

Академия домашних волшебников.— Рисунки Т. Ларионовой. 76

Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой. 78

Наше лето.— Песня. Музыка М. Протасова. Стихи Е. Шкловского. Рисунок А. Гришина. . . . 80

На обложке:

Костер Дружбы в Артеке.— Рисунок Махира Джагпарова из Ташкента. Летом этого года он был в Артеке в дружине Алмазной.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-37.
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/V 1976 г. А 00944. Подписано к печати 1/VII 1976 г. Формат 84×108 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 460 000 экз. Изд. № 1782. Заказ № 2327.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Наше лето

Стихи Ефима **ШКЛОВСКОГО**.

Музыка Михаила **ПРОТАСОВА**.

Зовет нас лагерь пионерский
В зеленый радостный маршрут.
Леса, овраги, перелески
Своих друзей на отдых ждут.

ПРИПЕВ:

> Пойте вместе с нами,
> Рощи, реки, ветер.
> О нашем пионерском лете
> Пойте все.

Встречает нас цветами лето,
Дыханьем трав и трелью птиц.
И открывает в нас поэтов,
И следопытов, и певиц.

ПРИПЕВ.

Река искать заставит брода,
Приучат к компасу леса,
И песни звонкие в походах
Проверят наши голоса.

ПРИПЕВ.

Поляны, словно стадионы.
Глаза болельщиков горят.
Готовит лето чемпионов
И присуждает всем разряд.

ПРИПЕВ.

В Артеке пять лагерей: Кипарисный, Лазурный, Прибрежный, Морской, Горный.
В каждом лагере каждую смену бывает конкурс на лучший рисунок.
Какой сейчас Артек? Вот такой, как на картинке Вовы Капиноса:
синее море, синее небо, жаркое солнце, скалы Адалары, сторожащие Артек.
А каким будет Артек в двухтысячном году?
Вот такой: синее море, синее небо, жаркое солнце...
А на скалах Адалары — вертолетная станция. По стеклянной галерее
можно спустить в море батискаф. Наденешь гидрокостюм
и бреди по дну морскому сколько хочешь.

Цена 25 коп.
Индекс 70694